

**ВЕСТНИК
ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия «ПСИХОЛОГИЯ»**

**HERALD
OF OMSK UNIVERSITY
Series "PSYCHOLOGY"**

Научный журнал
Основан в 2005 г.
Выходит четыре раза в год

2020. № 4

ISSN 2410-6364

Academic periodical
Founded in 2005
Published four times a year

*Редакционный совет
Editorial board*

- Г. Д. Адеев (G. D. Adeev), д-р физ.-мат. наук, профессор
С. В. Белим (S. V. Belim, vicechairman), зам. председателя, д-р физ.-мат. наук, профессор
В. И. Вершинин (V. I. Vershinin), д-р хим. наук, профессор
Г. И. Геринг (G. I. Gering), д-р физ.-мат. наук, профессор
А. К. Гуц (A. K. Guts), д-р физ.-мат. наук, профессор
В. А. Романьков (V. A. Romankov), д-р физ.-мат. наук, профессор
Н. А. Томилов (N. A. Tomilov), д-р ист. наук, профессор
А. В. Якуб (A. V. Yakub, chairman), председатель, д-р ист. наук, профессор

*Редколлегия журнала
Editorial staff*

- Н. К. Агишева (N. K. Agisheva), канд. психол. наук, ХМАПО (Харьков)
Л. Н. Антилогова (L. N. Antilogova), д-р психол. наук, ОмГПУ (Омск)
Г. М. Бреслав (G. M. Breslav), д-р психол. наук, БМА (Рига)
Л. И. Дементий (L. I. Dementiy, Editor-in-Chief), гл. редактор, д-р психол. наук, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск)
Е. Л. Доценко (E. L. Dotsenko), д-р психол. наук, ТюмГУ (Тюмень)
Т. Л. Крюкова (T. L. Krukova), д-р психол. наук, КГУ (Кострома)
А. Ю. Маленова (A. Yu. Malenova, Executive Editor), отв. редактор, канд. психол. наук, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск)
Ю. П. Поваренков (Yu. P. Povarenkov), д-р психол. наук, ЯрГПУ им. К. Д. Ушинского (Ярославль)
З. И. Рябикина (Z. I. Ryabikina), д-р психол. наук, КубГУ (Краснодар)
И. А. Фурманов (I. A. Fourmanov), д-р психол. наук, БГУ (Минск)
Б. И. Хасан (B. I. Hasan), д-р психол. наук, ИППР (Красноярск)
С. В. Чернобровкина (S. V. Chernobrovkina), канд. психол. наук, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск)
М. С. Яницкий (M. S. Yanitsky), д-р психол. наук, КемГУ (Кемерово)

*Учредитель
ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского»*

*Адрес редакции:
644053, Омская обл.,
г. Омск, ул. Нефтезаводская,
д. 11, каб. 312
Тел.: +7 (3812) 67-12-06
E-mail: psyjournal@omsu.ru*

*Главный редактор
Л. И. Дементий*

*Ответственный редактор
А. Ю. Маленова*

*Редактор Е.П. Барановская
Технический редактор Т. Н. Чечуков
Дизайн обложки З. Н. Образова*

*Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-72193
от 15 января 2018 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

Свободная цена

*Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайтах научных
электронных библиотек
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).
Индексируется в РИНЦ, международ-
ной регистрационной базе данных
(каталоге) периодических изданий
Ulrich's Periodicals Directory*

*Дата выхода в свет 28.12.2020
Ризография. Формат 60x84 1/8.
Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 10,6.
Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 60 экз. Заказ 188.*

*Отпечатано в типографии
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

*Адрес издателя и типографии:
644077, Омская обл.,
г. Омск, пр-т Мира, д. 55а*

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

ПСИХОЛОГИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

- Барабанов Р. Е., Одинцова М. А., Фанталова Е. Б.* Психологические составляющие качества жизни студентов с нарушением голоса 6
- Иванова И. В.* Рефлексивно-ценностный подход к педагогическому сопровождению саморазвития подростков: формирование адаптивных копинг-стратегий 16
- Камнева Е. В., Пряжников Н. С., Бабанова Е. В., Буянова С. М.* Имитации личной и профессиональной ответственности в условиях директивных предписаний 27
- Карпова Э. Б., Николаева Е. А., Удалова В. А.* Исполнение самоизоляционных мер в период пандемии COVID-19 в контексте социальной ответственности личности 42
- Москвитина О. А.* Цифровизация жизнедеятельности: особенности ответственного поведения личности 47
- Опекина Т. П., Голубева А. А.* Переживание ревности в близких отношениях и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин 53
- Самойлик Н. А.* Проявление локуса контроля в зависимости от типа профессионально-ценностных ориентаций обучающихся ведомственного вуза ФСИН России 60
- Шадрин Н. С.* О становлении и перспективах развития субъекта деятельности и релевантных ему форм саморегуляции и ответственности 66

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Михеева Л. А.* Ответственность личности в период ранней взрослости как предиктор перфекционизма и психологического благополучия 76

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Маленова А. Ю.* Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе» 83

- ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ** 91

CONTENTS

TO READERS

PERSONAL RESPONSIBILITY PSYCHOLOGY

Barabanov R. E., Odintsova M. A., Fantalova E. B. Psychological Components of the Quality of Life of Students with Voice Impairment6

Ivanova I. V. Reflexive-Value Approach to Pedagogical Support of Self-Development of Adolescents: The Formation of Adaptive Coping Strategies16

Kamneva E. V., Prjazhnikov N. S., Babanova E. V., Buyanova S. M. Limitation of Personal and Professional Responsibility Under the Terms of the Directives27

Karpova E. B., Nikolaeva E. A., Udalova V. A. Self-Isolation Measures During the COVID-19 Pandemic in the Context of Personal Social Responsibility42

Moskvitina O. A. Digitalization of Life and Activity: Features of Responsible Behavior of Individual47

Opekina T. P., Golubeva A. A. Experiencing Jealousy in Close Relationships and Psychological Well-Being of Adult Men and Women.....53

Samoylik N. A. The Manifestation of Locus of Control Depending on the Type of Professional Value Orientations of Students of Governmental Universities of the Federal Penitentiary Service of Russia60

Shadrin N. S. On the Formation and Prospects of Development of the Subject of Activity and the Relevant Forms of Self-Regulation and Responsibility.....66

RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

Mikheeva L. A. Personal Responsibility in Early Adulthood as a Predictor of Perfectionism and Psychological Well-Being76

SCIENTIFIC LIFE

Malenova A. Yu. All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Social, Professional and Personal Responsibility of the Personality in Modern Society”83

INFORMATION FOR AUTHORS.....91

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Перед Вами специальный выпуск нашего журнала, объединяющий статьи, посвященные, прямо или косвенно, проблеме ответственности.

Для меня феномен ответственности и ответственность как научная проблема – очень личная история. Две мои диссертации, и кандидатская, и докторская, посвящены проблеме ответственности. Диссертации моих учеников – В. Е. Купченко, О. Ю. Гроголевой, Н. В. Лейфрид – представляют исследования ответственности в контексте жизненного пути, взросления личности, ее успешности. Тема ответственности стала центральной в исследованиях студентов факультета психологии ОмГУ, аспирантов и магистрантов.

В одной из своих работ я высказала мысль о том, что ответственность – это личностно значимая и социально высоко востребованная личностная характеристика. Пожалуй, нет ни одной сферы жизни, в которой ответственность не являлась бы условием и гарантом ее конструктивной реализации. Именно поэтому настолько широк спектр проблем и вопросов, связанных с исследованием этого феномена – его содержания, проявления, регулятивного потенциала ответственности как личностной черты.

Третья конференция «Социальная, профессиональная и персональная ответственности личности в современном обществе», которую наш факультет провел в октябре 2020 г., продемонстрировала беспрецедентный рост числа исследований в этой области, отразив широкий спектр их направлений. Достаточно только взглянуть на перечень направлений (секций) нашей конференции, чтобы убедиться в этом:

- Методологические и теоретические проблемы изучения ответственности личности;
- Ответственность личности в современном обществе: вызовы современности;
- Проблема социальной ответственности в современной психологической науке и практике;
- Ответственность в контексте экзистенциальных проблем личности;
- Ответственность в тезаурусе близких понятий: субъектность, контроль, аутентичность;
- Персональная, профессиональная и социальная ответственность в чрезвычайных, экстремальных и кризисных ситуациях;
- Социальная и персональная ответственность в условиях пандемии и самоизоляции;
- Социальная ответственность государства, бизнеса, организаций в российском обществе;
- Экологическая ответственность и безответственность личности в окружающей среде;
- Социальная и персональная ответственность личности в городской среде;
- Ответственность личности в разных сферах жизнедеятельности: здоровье, образование, семейные и межличностные отношения;
- Ответственность личности в профессиональной деятельности;
- Ответственность и активность личности в трудных жизненных ситуациях;
- Проблема диагностики ответственности и субъектных характеристик личности;
- Ответственность личности в контексте помогающих практик;
- Проблема ответственности личности в исследованиях молодых ученых.

Феномен ответственности – сложный и многогранный. Именно поэтому эта тема всегда будет актуальной и востребованной в научных исследованиях не только психологов, но и представителей других наук.

Попытки продвинуться в понимании этого феномена, определить его место в системе других личностных феноменов и характеристик содержится в статьях, представленных в данном выпуске. Я уверена, что мы и дальше продолжим знакомить Вас с последними исследованиями ответственности в последующих выпусках.

Выражаю искреннюю признательность и благодарность всем нашим коллегам из разных стран и городов России, принявшим участие в нашей конференции с докладами, выступлениями на пленарной части конференции, с мастер-классами, а также авторам статей данного выпуска журнала – Бабановой Елизавете Васильевне (Финансовый университет при Правительстве РФ), Барабанову Родиону Евгеньевичу (Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт), Буяновой Светлане Михайловне

(Финансовый университет при Правительстве РФ), Голубевой Анастасии Александровне (Костромской государственной университет), Ивановой Ирине Викторовне (Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского), Камневой Елене Владимировне (Финансовый университет при Правительстве РФ), Карповой Эльвире Борисовне (Санкт-Петербургский государственный университет), Михеевой Лиане Алексеевне (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского), Москвитиной Ольге Александровне (Психологический институт РАО), Николаевой Екатерине Андреевне (Санкт-Петербургский государственный университет), Одинцовой Марии Антоновне (Московский государственный психолого-педагогический университет), Опекиной Татьяне Петровне (Костромской государственной университет), Пряжникову Николаю Сергеевичу (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ), Самойлик Наталье Анатольевне (Кузбасский институт ФСИН России), Удаловой Виктории Александровне (Санкт-Петербургский государственный университет), Фанталовой Елене Борисовне (Московский государственный психолого-педагогический университет), Шадрину Николаю Семеновичу (Павлодарский государственный педагогический университет).

*Главный редактор журнала
профессор Л. И. Дементий*

ПСИХОЛОГИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 6–15.

УДК 159.9.07

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.6-15

Р. Е. Барабанов, М. А. Одинцова, Е. Б. Фанталова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЕМ ГОЛОСА

Статья посвящена описанию результатов эмпирического исследования качества жизни у студентов (юношей и девушек) с патологией голосового аппарата и их условно-здоровых сверстников. В результате проведенной работы были выявлены особенности психологической структуры качества жизни юношей и девушек с нарушением голоса в сравнении с условно-здоровыми респондентами. Изучено влияние готовности к саморазвитию на качество жизни юношей и девушек с нарушениями голоса. Выяснилось, что выраженность познавательных потребностей и готовность к саморазвитию является значимым фактором, влияющим на психологическую структуру качества жизни лиц. При этом структура качества жизни включает в себя компоненты готовности к саморазвитию, экзистенциальную исполненность, внутренние ресурсы, личностную активность и удовлетворенность жизнью.

Ключевые слова: патология голоса; качество жизни; готовность к саморазвитию; юноши и девушки; студенты; особые образовательные потребности.

R. E. Barabanov, M. A. Odintsova, E. B. Fantalova

PSYCHOLOGICAL COMPONENTS OF THE QUALITY OF LIFE OF STUDENTS WITH VOICE IMPAIRMENT

The article is devoted to the description of the results of an empirical study of the quality of life in students (boys and girls) with a pathology of the vocal apparatus and their conditionally healthy peers. As a result of the work carried out, the features of the psychological structure of the quality of life of boys and girls with voice impairments were identified in comparison with conditionally healthy respondents. The influence of readiness for self-development on the quality of life of boys and girls with voice disorders was studied. It turned out that the severity of cognitive needs and readiness for self-development is a significant factor influencing the psychological structure of the quality of life of individuals. At the same time, the structure of the quality of life includes components of readiness for self-development, existential fulfillment, internal resources, personal activity and satisfaction with life.

Keywords: voice pathology; the quality of life; readiness for self-development; boys and girls; students; special educational needs.

Понятие «качество жизни» представляет собой сложную категорию, исследование которой происходит на стыке ряда наук (социологии, экономики, психологии и т. д.). К определению этой категории имеется два подхода: объективный и субъективный. Объективный подход направлен на исследование условий жизнедеятельности и благосостояния общества, а также выработку стратегических государственных целей по улучшению качества жизни населения страны. Субъективный подход направлен на исследование психологических со-

ставляющих качества жизни людей, а также факторов, формирующих это качество [1]. При первом подходе качество жизни определяется как сложная синтетическая категория, аккумулирующая все значимые для личности условия существования, уровень развития и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей [2]. При втором – как жизненное благополучие, при котором у человека появляются внутренняя удовлетворенность условиями своего существования и ощущение счастья [3].

В свете представленной проблематики существует немало научных работ, посвященных изучению структуры качества жизни у различных нозологических больных. В этом ряду патология голосового аппарата (гортанная патология) одна из наиболее распространенных в соматической медицине, в частности в оториноларингологии [4]. Сведения о распространенности нарушений голоса в нашей стране и по данным авторов зарубежной литературы весьма разнятся. Согласно результатам обследования голоса в США, Японии, Израиле и ряде других стран, проведенного Д. К. Вильсоном (1990), процент голосовых нарушений колеблется от 1,5 до 21 % [5]. По данным исследовательской работы Ю. С. Василенко известно, что частота хронических заболеваний голосового аппарата среди взрослых составила около 60 случаев на 10 000 городских жителей, а среди людей, имеющих речевые профессии, нарушениями голоса страдали до 40 % [6]. Разброс результатов обследования голосовой функции может быть объяснен различиями в критериях, лежащих в основе исследований, в возрасте испытуемых и в условиях проведения экспертизы [7]. При этом в последнее десятилетие возрастает число больных молодого трудоспособного возраста, у которых на фоне гортанной патологии развивается инвалидность, что требует специальной организации образовательного и трудового пространства [7; 8]. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос изучения качества жизни лиц с патологией голоса и сопоставление этих данных с группой здоровых респондентов. На наш взгляд, в рамках образовательного пространства это позволит разработать траекторию качественной социально-психологической помощи студентам, целью которой станет повышение уровня качества жизни и реализация индивидуальных образовательных потребностей.

Таким образом, всё вышеизложенное определило актуальность и целесообразность проведения настоящего исследования.

Цель исследования: изучить психологические составляющие качества жизни студентов (юношей и девушек) с патологией голосового аппарата.

Методики исследования:

1. Методика «Субъективное качество жизни» Т. В. Эксакусто и А. А. Заиченко.

2. Методика «Оценка уровня удовлетворенности качеством жизни» Н. Е. Водопьяновой.

3. Опросник «Психологическое благополучие личности» К. Рифф. Тест адаптирован и модифицирован Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко.

4. Методика «Самоактивация» М. А. Одиной и Н. П. Радчиковой.

5. Методика «Тест смысложизненных ориентаций» Дж. Крамбо и Л. Махолика. Тест адаптирован и модифицирован Д. А. Леонтьевым на основе более ранней версии К. Муздыбаева.

6. Методика «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглера. Тест адаптирован И. Н. Майниной и А. Ю. Васановым.

7. Методика «Опросник жизнестойкости» Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой.

8. Методика диагностики готовности к саморазвитию А. М. Прихожан.

Эмпирической базой исследования выступили две площадки: отделение фониатрии ФГБУ «Научно-клинический центр оториноларингологии Федерального медико-биологического агентства России» (НКЦО ФМБА), а также АНО ВО «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт» (МИТУ-МАСИ). Исследование проводилось в небольших по составу группах или индивидуально. В исследовании приняли участие юноши и девушки, проходящие лечебно-реабилитационные мероприятия в отделении фониатрии НКЦО ФМБА, являющиеся учащимися различных вокально-эстрадных отделений московских вузов, а также юноши и девушки, не имеющие голосовой патологии и обращений в фониатрические кабинеты, студенты гуманитарного факультета кафедры психолого-педагогических и театральные дисциплин МИТУ-МАСИ, в количестве 220 человек (128 юношей и 92 девушки).

В выборку были отобраны лица в возрасте от 17 до 23 лет, согласно выбранной периодизации возрастного развития, которые на момент проведения исследования являлись учащимися высших учебных заведений.

Результаты исследования и их обсуждение

Необходимо отметить, что особые образовательные потребности лиц с голосовой патологией предполагают не только необходимость создания особых педагогических условий, позволяющих удовлетворять потребности в получении новых знаний и развитии,

но и выраженную внутреннюю нацеленность на саморазвитие, которая, в связи с имеющимися соматическими ограничениями, может быть более выраженной, чем в группе условно-здоровых сверстников. Гипотеза этого исследования заключается в том, что **выраженная внутренняя ориентация на саморазвитие определяет особенности психологической структуры качества жизни**. Для ее подтверждения в двух группах испытуемых проведена методика «Диагностика мотивации

к саморазвитию» А. М. Прихожан, которая позволила выявить различия в уровне готовности к саморазвитию между двумя группами респондентов. Мы предположили, что средние значения в данном случае не будут отражать реальное положение дел, в связи с чем провели расчет, показывающий количество участников исследования, имеющих высокий, средний и низкий уровень готовности к саморазвитию (табл.). К полученным результатам применен критерий Фишера.

Готовность респондентов к саморазвитию

Уровень готовности к саморазвитию	Группа с ООП (нарушением голоса), %	Условно-здоровая группа, %	φэмп	Достоверность различий
Низкий	42,7	12,7	5,15	Достоверны ($p \leq 0,01$)
Средний	16,4	61,8	7,23	Достоверны ($p \leq 0,01$)
Высокий	40,9	25,5	2,44	Достоверны ($p \leq 0,01$)

Таким образом, анализ показал, что группы респондентов существенно различаются между собой не по средним значениям готовности к саморазвитию, а по количеству респондентов, отнесенных к тому или иному уровню готовности. В группе условно-здоровых респондентов распределение приближается к нормальному – значительная часть участников исследования имеет средний уровень значений, крайние значения демонстрируют значительно меньше респондентов.

В группе с голосовой патологией мы видим иную картину. Средний уровень готовности к саморазвитию показывает крайне незначительное количество респондентов. Полюсные значения – высокий и низкий уровень – демонстрируют более 40 % опрошенных. Таким образом, можно считать, что наличие соматической патологии либо актуализирует потребность в развитии и нацеленность на получение новых компетенций, либо отодвигает вопросы саморазвития на второй план и существенно снижает значимость образовательной деятельности. Эта особенность группы может оказывать существенное влияние на структуру качества жизни, в связи с чем далее проведем факторный анализ, сравнивая между собой значения всех респондентов, в том числе имеющих голосовую патологию, но различающихся между собой по уровню готовности к саморазвитию.

Анализ полученных данных проводился с использованием программы математической обработки информации SPSS версии 22.0. В работе был применен факторный анализ, ко-

торый использовался для изучения взаимосвязей между значениями выделенных переменных и определения структуры качества жизни с выявлением факторных нагрузок в тех или иных категориях (показателях) качества жизни.

Примененный факторный анализ (метод главных компонент с Varimax-вращением) позволил выделить значимые факторы, вошедшие в себя от 66 до 72 % общей дисперсии в разных группах испытуемых, а также в двух подгруппах испытуемых с нарушением голоса.

В результате в группе условно-здоровых респондентов с нормальным (средним) уровнем готовности к саморазвитию, где вращение сошло за 8 итераций, удалось получить следующие данные.

В первый фактор (доля объясненной дисперсии 12 %) вошли компоненты самоактивации: самостоятельность (0,534); показатели психологического благополучия личности: позитивное отношение с окружающими (0,518), автономия (0,544), управление средой (0,703), личностный рост (0,709), цели в жизни (0,853), самопринятие (0,859), баланс аффекта (-0,782), осмысленность (0,868), человек как открытая система (0,503); также терминальные ценности и жизненные сферы: развитие себя (0,715), достижения (0,622), обучение и образование (0,572).

Управление средой, включая способность осознавать и ставить цели в жизни, создавая тем самым условия в окружающем пространстве для реализации собственных потребно-

стей, выражает готовность личности к открытому конструктивному общению с миром. Наряду с этим автономия позволяет свободно ориентироваться в окружающей среде.

Во **второй фактор** (доля объясненной дисперсии 19 %) вошли компоненты по шкале экзистенции: самотрансценденция (0,735), свобода (0,669); показатели самоактивации: физическая активность (0,565), личностная активность (0,764), самоактивация (0,793); показатель удовлетворенности качеством жизни: личные достижения (0,596).

Сочетание перечисленных компонентов помогает условно-здоровым респондентам налаживать активные социальные контакты и увлекаться своей деятельностью.

В **третьей фактор** (доля объясненной дисперсии 21 %) вошли показатели удовлетворенности жизнью и качества жизни: эмоциональные переживания (0,669), сфера общения (0,672); компоненты жизнестойкости: вовлеченность (0,597), принятие риска (0,509); параметр экзистенции: самодистанцирование (0,691); также терминальная ценность: высокое материальное положение (0,802).

Вышеперечисленные показатели являются составляющими различных детерминант качества жизни: психологической, эмоциональной, социальной. Вместе с тем наличие вовлеченности и принятия риска является определяющим фактором для обретения личностью состояния эмоциональной и интеллектуальной увлеченности деятельностью, что обуславливает и стремление к высокому социальному положению.

В **четвертый фактор** (доля объясненной дисперсии 24 %) вошли показатели жизнестойкости: вовлеченность (0,572), контроль (0,573) и жизнестойкость (0,813); также терминальная ценность: креативность (0,506).

Жизнестойкость является побудителем для активизации внутренних ресурсов, стремления к выживанию. Эти качества позволяют саморегулироваться, саморазвиваться и реализовывать свой потенциал.

В **пятый фактор** (доля объясненной дисперсии 15 %) вошел показатель удовлетворенности жизнью и качества жизни: активность в свободное время (0,523); здоровье (-0,515); компонент психологического благополучия личности: автономия (0,505); ценностно-побудительный компонент (0,557) субъективного качества жизни; также терминаль-

ные ценности и жизненные сферы: высокое материальное положение (0,617), достижения (0,534), общественная жизнь (0,574).

Как следует из этих результатов, компоненты пятого фактора важны для успешной самореализации личности в жизни и деятельности.

Таким образом, компонентами качества жизни для вышеописанной группы респондентов являются: психологическое благополучие (**фактор 1**), самоактивация (**фактор 2**), личностное развитие (**фактор 3**), жизнестойкость (**фактор 4**) и самореализация (**фактор 5**).

Также на основе анализа повернутой матрицы компонентов в группе респондентов с нарушением голоса, имеющих выраженную потребность в саморазвитии, где вращение сошло за 6 итераций, удалось получить пять значимых факторов (рис. 1), вобравших в себя 72 % общей дисперсии.

В **первый фактор** (доля объясненной дисперсии 23 %) вошли параметры, имеющие прямое отношение к саморазвитию, готовности к обучению, профессионализации, личным достижениям и личностному росту. Этот фактор получил название «Готовность к саморазвитию». Он содержит в себе такие шкалы, как цель (0,736); результат (0,750); ответственность (0,570); работа (0,540); личные достижения (0,779); личностный рост (0,724); цели в жизни (0,846); осмысленность (0,862); человек (0,502); креативность (0,557); активные социальные контакты (0,553); развитие себя (0,797); достижения (0,590); сохранение собственной индивидуальности (0,547); профессиональная жизнь (0,613); обучение и образование (0,657); уровень готовности к саморазвитию (0,788).

Важно отметить, что в группе юношей и девушек с высокой нацеленностью на обучение и развитие выявлены корреляционные связи с наличием осмысленных жизненных целей, а также с нацеленностью на профессию и трудовую деятельность как таковую. Таким образом, в этой группе респондентов максимально актуализированы задачи возрастного периода – приобретение и становление в профессии, которые являются первичными целевыми установками периода. Можно отметить, что опрошенные респонденты демонстрируют связь между личными достижениями, собственной индивидуальностью и развитием. Таким образом, для них вектор личностного и профессионального роста становится

важнейшим способом не потерять себя и создавать платформу для своего будущего, не-

смотря на заболевание, требующее значительных ресурсов в настоящем.

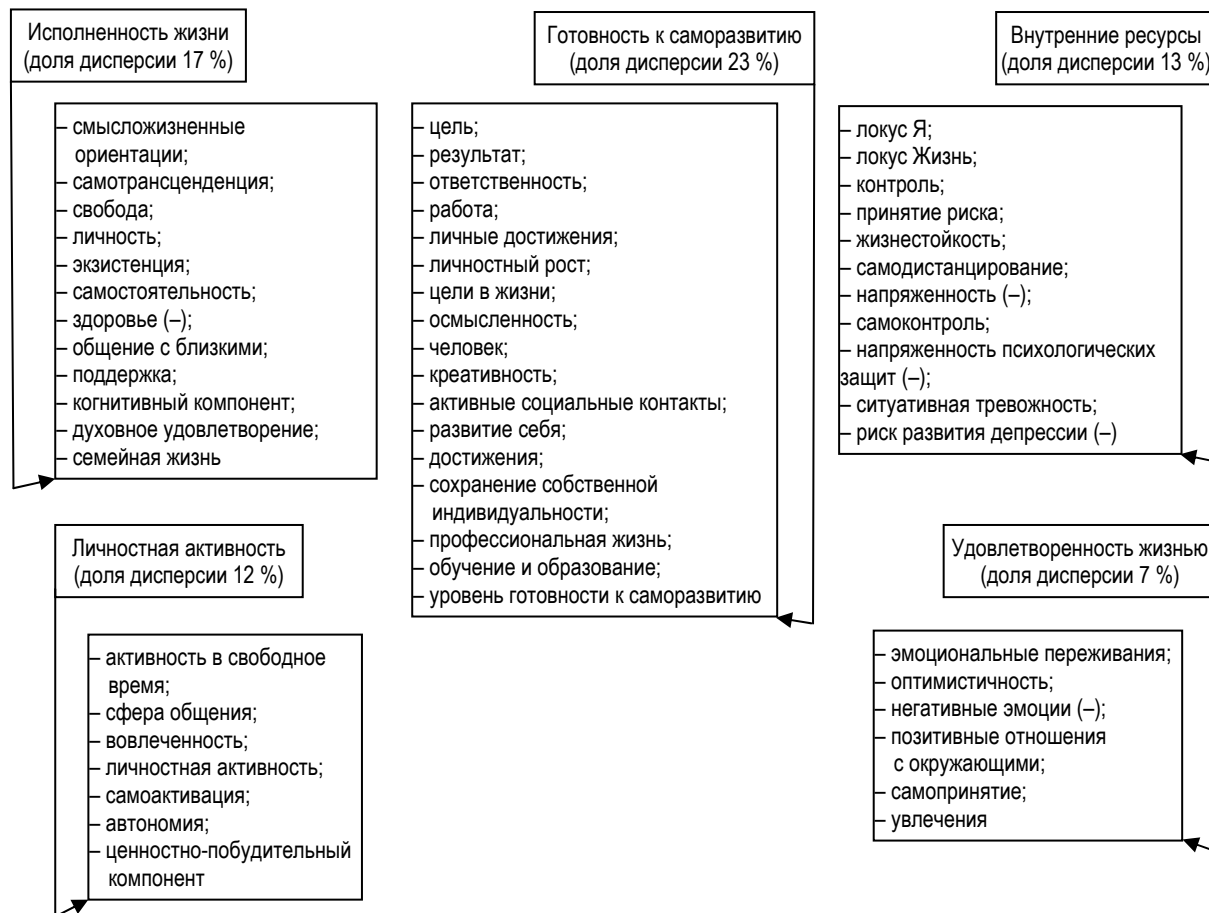

Рис. 1. Психологическая структура качества жизни у лиц с ООП (голосовой патологией) при выраженной готовности к саморазвитию

Во **второй фактор** (доля объясненной дисперсии 17 %) вошли компоненты по шкале исполненность жизни: смысложизненные ориентации (0,533); самотрансценденция (0,888); свобода (0,845); личностная исполненность (0,948); экзистенциальная исполненность (0,858); самостоятельность (0,810); здоровье (-0,928); общение с близкими (0,911); поддержка (0,507); когнитивный компонент (0,936); духовное удовлетворение (0,531); семейная жизнь (0,534).

Полученные значения характеризуют группу респондентов с нарушением голоса как лиц, нацеленных на эмоциональную удовлетворенность своей жизнью, способных понимать и принимать изменяющиеся условия жизни, как лиц, стремящихся к гармонизации. При этом экзистенциальная исполненность, способность диалогически обмениваться с миром на ценностном уровне, ощущение исполненности своей глубинной сущ-

ности является показателем личностной зрелости.

У представленной группы респондентов при общей картине значений наиболее выражена способность к самотрансценденции, свобода, самостоятельность и экзистенция при высокой корреляции с такими сферами жизни, как общение с близкими, семейная жизнь. Мы предполагаем, что такая комбинация выраженности показателей свидетельствует о том, что при наличии открытого эмоционального восприятия мира, некоторой свободы в решимости действовать от своих внутренних побуждений, респонденты ощущают стеснение в осуществлении своей жизненной линии, возможно беззащитность, нехватку внутреннего свободного пространства по отношению к себе, ввиду чего особую актуальность для них приобретает поддержка, внешний ресурс семейных отношений, а также духовное удовлетворение.

В третий фактор (доля объясненной дисперсии 13 %) вошли компоненты, определяющие ресурсную составляющую качества жизни: локус контроля Я (0,531); локус контроля Жизнь (0,752); контроль (523); принятие риска (0,507); жизнестойкость (0,927); самодистанцирование (0,582), напряженность (-0,523); самоконтроль (0,563); напряженность психологических защит (-0,576); ситуативная тревожность (0,673); риск развития депрессии (-0,512).

Такие результаты могут означать, что респонденты с нарушением голоса при высокой потребности в саморазвитии обладают определенным личностным ресурсом, позволяющим преобразовывать потенциально рискованные события собственной жизни в возможности к новым достижениям и росту. Эта стратегия возможна в связи с наличием у респондентов качеств жизнестойкости, внутреннего локуса контроля, который сочетается с возможностью управлять и контролировать течение событий собственной жизни, способностью принимать риск и видеть в нем потенциальные перспективы. Важно отметить, что подобные установки находятся в обратной пропорциональных зависимостях с напряженностью психологических защит, т. е. личность открыта к собственному опыту и готова принимать его во всем многообразии, не закрываясь и не подавляя травмирующую информацию. Вместе с тем интересен тот факт, что в эту группу шкал попал критерий самодистанцирования, предполагающий высокую способность личности к взгляду на себя со стороны, когда личность демонстрирует объективную позицию в отношении собственной личности, отодвигая эмоции и чувства на второй план. Такая стратегия может использоваться личностью как вариант защиты, основанный на механизмах рефлексии.

Также в эту группа компонентов попали высокие значения по шкале ситуативной тревожности. При отсутствии напряженности как общего эмоционального фона, вызывающего риски развития неблагоприятных эмоциональных состояний (депрессий, выраженных фрустраций, посттравматических состояний и т. д.) в группе присутствует состояние ситуационной тревожности в ответ на стрессогенные внешние факторы. Этот факт свидетельствует о наличии внутреннего триггера, заставляющего совершать определенные действия и не довольствоваться исходным со-

стоянием, т. е. действия совершаются для снятия или преодоления чувства тревоги.

В четвертый фактор (доля объясненной дисперсии 12 %) вошли компоненты личностной активности: активность в свободное время (0,613); сфера общения (0,597); вовлеченность (0,533); личностная активность (0,566); самоактивация (0,686); автономия (0,558); ценностно-побудительный компонент (0,622).

Очень симптоматично, что компоненты активности имеют изолированный характер – математическая статистика не нашла подтверждения их связи с определенными сферами жизни. Этот фактор является еще одним подтверждением того, что участники исследования, имеющие голосовую патологию, не в полной мере готовы реализовывать в отношении собственного здоровья или решения иных жизненных проблем. Таким образом, психологическая работа с этим контингентом должна осуществляться в направлении развития мотивационно-побудительной сферы, позволяющей интегрировать личностные ресурсы, жизненные смыслы, нацеленность на развитие в общую стратегию, подкрепленную конкретными поведенческими активностями.

В пятый фактор (доля объясненной дисперсии 7 %) вошли показатели качества и удовлетворенности жизни: эмоциональные переживания (0,525); оптимистичность (0,696); негативные эмоции (-0,523); позитивное отношение с окружающими (0,562); самопринятие (0,621); эмоциональный компонент (0,630); увлечения (0,767).

Это может означать, что лица с нарушением голоса способны создавать подходящий эмоциональный контекст для реализации собственных потребностей и направлений развития. Важно отметить, что с общей удовлетворенностью жизнью, помимо положительного эмоционального фона, связан компонент самопринятия. Таким образом, в группе респондентов с высокой нацеленностью на развитие эмоциональная удовлетворенность жизнью во многом определяется тем, насколько человек умеет прорабатывать отношения с самим собой, положительно оценивать и принимать себя во всем многообразии своих проявлений. Положительная самооценка является важнейшим фактором удовлетворенности жизнью в юношеском возрасте.

Исходя из этих результатов, мы видим, что психологическая структура качества жизни

ни юношей и девушек с нарушением голоса при наличии высокой готовности к саморазвитию представлена следующими группами факторов: готовностью к саморазвитию (**фактор 1**), экзистенциальной исполненностью (**фактор 2**), внутренними ресурсами (**фактор 3**), личностной активностью (**фактор 4**), удовлетворенностью жизнью (**фактор 5**).

Во второй подгруппе, где респонденты демонстрируют невысокое стремление к саморазвитию, также поставлена задача выявить структурное содержание качества жизни. В этой группе вращение сошло за 7 итераций, удалось получить следующие данные (рис. 2).

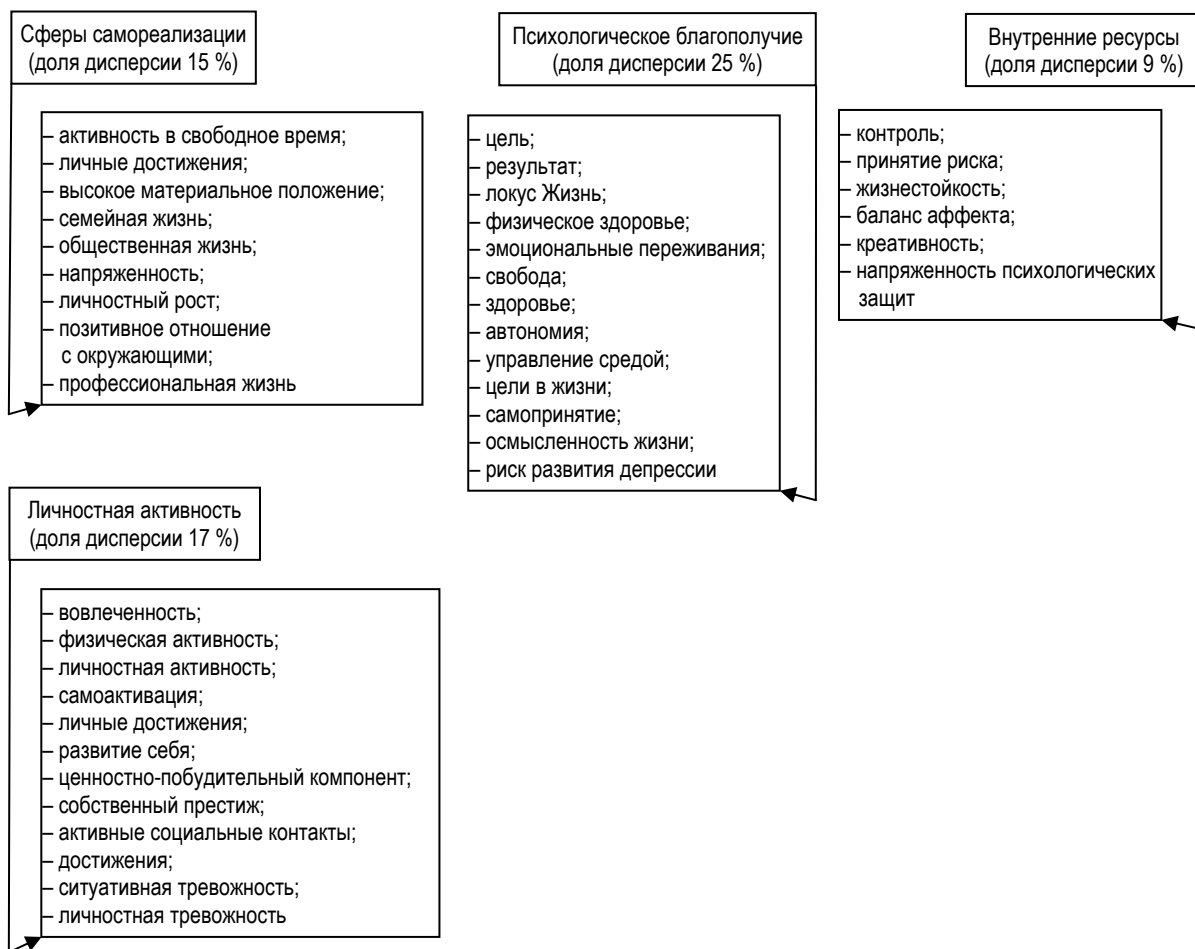

Рис. 2. Психологическая структура качества жизни у лиц с ООП (голосовой патологией) при невыраженной готовности к саморазвитию

В **первый фактор** (доля объясненной дисперсии 25 %) вошли компоненты психологического благополучия: цель (0,754); результат (0,766); локус Жизнь (0,741); физическое здоровье (0,810); эмоциональные переживания (0,661); свобода (0,517); самостоятельность (0,534); здоровье (0,529); автономия (0,544); управление средой (0,703); цели в жизни (0,853); самопринятие (0,859); осмысленность жизни (0,668); риск развития депрессии (-0,569).

В значительной степени в этот компонент вошли шкалы по тесту «Психологическое

благополучие личности» К. Рифф. Логическая интерпретация полученных данных позволяет предположить, что основной сферой, формирующей психологическое благополучие в данной подгруппе респондентов, является уровень физического здоровья. Именно эта сфера определяет цель и результат жизни, ее смысл, связанные с состоянием здоровья эмоциональные переживания, а также самооценку и самопринятие личности. Интересен выявленный факт, что психологическое благополучие во многом зависит от способности личности держать под контролем внешние

процессы, находить различные возможности к удовлетворению своих потребностей во внешней среде.

При этом шкалы, связанные с внутренними ресурсами, в этот фактор не входят, что требует целенаправленной работы по активизации собственных ресурсных состояний, обеспечивающих самоуправление и внутренний локус контроля.

Также необходимо отметить, что психологическое благополучие обеспечивается состояниями внутреннего покоя в отсутствии признаков переутомления и перенапряжения. При наличии таких симптомов необходимо первично снимать состояние истощения прежде, чем осуществлять какое-либо психологическое воздействие.

Во **второй фактор** (доля объясненной дисперсии 17 %) вошли компоненты личностной активности: вовлеченность (0,656); физическая активность (0,565); личностная активность (0,764); самоактивация (0,793); личные достижения (0,596); ценностно-побудительный компонент (0,557); собственный престиж (0,728); активные социальные контакты (0,511); достижения (0,622); ситуативная тревожность (-0,617); личностная тревожность (-0,711).

Чем лучше у личности выражен компонент самоактивации, тем более продуктивно она взаимодействует с окружающей средой. Данный тезис подтверждают тесные взаимосвязи в одном факторе таких компонентов, как личностная и физическая активности, ориентация на достижения и собственный престиж. В то же время сочетание перечисленных компонентов помогает личности налаживать активные социальные контакты и увлекаться своей деятельностью. Сравнивая полученные результаты по первой подгруппе, можно отметить, что личностная и ситуативная тревожность в данном случае относятся к компоненту активности и имеют обратно корреляционные связи с остальными элементами. Таким образом, наличие высокой тревожности является препятствующим фактором для любых форм активности, тогда как в группе с высокой ориентацией на развитие ситуативная тревожность выступает триггером активности.

В **третьей фактор** (доля объясненной дисперсии 15 %) вошли показатели, связанные с самореализацией личности в различных сферах: активность в свободное время (0,523); личные достижения (0,662); высокое матери-

альное положение (0,617); семейная жизнь (0,650); общественная жизнь (0,574); напряженность (0,622); личностный рост (0,584); позитивное отношение с окружающими (0,518); профессиональная жизнь (0,618).

Как следует из этих результатов, компоненты третьего фактора важны для успешной самореализации личности в жизни и деятельности. Важно отметить, что в этот блок включена шкала, связанная с профессией, но отсутствуют шкалы, связанные с обучением и готовностью к саморазвитию. Таким образом, подтверждается мысль о том, что в группе юношей и девушек с голосовой патологией есть значительное количество респондентов, которые не рассматривают обучение как способ саморазвития и в строгом виде не могут быть отнесены к группе лиц с особыми образовательными потребностями в связи с тем, что потребности в обучении для них не имеют большого значения.

В **четвертый фактор** (доля объясненной дисперсии 9 %) вошли показатели, связанные с внутренними ресурсами: контроль (0,573); принятие риска (0,642); жизнестойкость (0,813); баланс аффекта (-0,782); креативность (0,506); напряженность психологических защит (-0,621).

Жизнестойкость является побудителем для активизации внутренних ресурсов, стремления к выживанию. Возможно, такая картина обусловлена тем фактом, что лица с выраженной жизнестойкостью лучше справляются со стрессовыми ситуациями, спокойнее переносят ситуацию неопределенности и больше ориентируются на собственную систему ценностей и картину мира в ситуациях экзистенциальных выборов. Помимо контроля и принятия риска, которые являются компонентами жизнестойкости, в данную группу элементов включены шкалы «баланс аффекта» и «напряженность психологических защит», имеющие с остальными шкалами фактора отрицательную корреляцию. Таким образом, высокие внутренние ресурсы личности связаны с позитивной самооценкой, принятием себя во всех личностных проявлениях, уверенностью в себе, а также низкой степенью напряженности психологических защит. Анализ показывает, что фактор внутренних ресурсов в первой и второй подгруппах респондентов включает примерно одинаковый набор шкал и общую логику интерпретации.

Таким образом, компонентами качества жизни для вышеописанной группы респон-

дентов являются: психологическое благополучие (*фактор 1*), личностная активность (*фактор 2*), сферы самореализации (*фактор 3*), внутренние ресурсы (*фактор 4*).

Итак, сравнение результатов факторного анализа в группе лиц с патологией голосового аппарата, имеющих различные потребности в обучении и саморазвитии, позволяет нам подчеркнуть наиболее значимые различия между ними:

- Выраженность познавательных потребностей и готовность к саморазвитию является значимым фактором, влияющим на психологическую структуру качества жизни.

- Для подгруппы с высокой потребностью в обучении и развитии структура качества жизни включает в себя компоненты готовности к саморазвитию, экзистенциальную исполненность, внутренние ресурсы, личностную активность и удовлетворенность жизнью.

- Для подгруппы с невыраженной потребностью в обучении и саморазвитии выявлены следующие факторы качества жизни: психологическое благополучие, личностная активность, сферы самореализации и внутренние ресурсы.

- Для обеих подгрупп физическое здоровье является важным аспектом жизни. При этом для подгруппы с высокой потребностью в развитии здоровье связано с исполненностью жизни, т. е. ее восприятием, наделением смыслом и осознанной стратегией преодоления. Для подгруппы с низкой потребностью в обучении и саморазвитии физическое здоровье является определяющим элементом фактора психологического благополучия, формирующего жизненную цель, определяющего самооценку и самопринятие, общий эмоциональный фон и т. д. Таким образом, проникновение болезни в жизнь человека во второй подгруппе, на наш взгляд, носит более тотальный всеобъемлющий характер. При этом отношения с болезнью носят скорее эмоциональный, нежели активно-деятельностный характер.

- Подгруппе с низкой готовностью к развитию необходимо повышать действенность собственных ресурсов, так как анализ показал высокую степень контроля над внешней средой при недостаточности использования механизмов самоконтроля и саморегуляции.

- В подгруппе с высокой готовностью к обучению также необходимо развивать собственные ресурсные состояния в связи с высокой ориентацией на помощь близких людей и поддержку окружающих.

Заключение

Результаты исследования будут использованы при разработке программы психолого-педагогического и акмеологического сопровождения лиц с патологией голосового аппарата для осуществления этой работы практичными психологами и социально-психологическими службами различных образовательных учреждений, а также учреждений здравоохранения. Описание системы основных структурных составляющих качества жизни позволяет адресно направить внимание психолога на те психологические компоненты, которые способствуют благоприятному развитию личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанов Р. Е. Теоретические подходы к изучению качества жизни лиц с особыми образовательными потребностями (на примере лиц с патологией голосового аппарата) // Современные вопросы психологии и образования в контексте работы с различными категориями детей и молодежи: психолого-педагогические аспекты творческой самореализации : сб. науч. ст. по материалам IV Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. / гл. ред. Р. Е. Барабанов ; отв. ред. С. В. Жундрикова. – М. : Моск. архитектур.-строит. ин-т, 2019. – С. 10–28.
2. Барабанов Р. Е. Психологические аспекты изучения юношества (в контексте заболеваний и качества жизни) // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2019. – № 3. – С. 21–37.
3. Барабанов Р. Е. Изучение структуры качества жизни лиц с патологией голосового аппарата // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2019. – № 1. – С. 51–61.
4. Барабанов Р. Е. Основы медико-психологических знаний с клиникой патологий : учеб. пособие для высш. учеб. заведений. – М., 2016. – 232 с.
5. Вильсон Д. К. Нарушения голоса у детей : пер. с англ. – М. : Медицина, 1990. – 448 с.
6. Василенко Ю. С. Голос. Фонологические аспекты. – М. : Дипак, 2013. – 394 с.
7. Казарина О. В. Научное обоснование совершенствования фонологической помощи в Российской Федерации : дис. ... канд. мед. наук. – М., 2014. – 130 с.
8. Лаврова Е. В. Логопедия. Основы фонетики : учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по специальности «Логопедия». – М. : Academia, 2007. – 144 с.

Информация о статье

Дата поступления
12 октября 2020
Дата принятия в печать
11 ноября 2020

Сведения об авторах

Барабанов Родион Евгеньевич – старший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института (Москва, Россия). E-mail: 29196623@s.mfua.ru.

Одинцова Мария Антоновна – кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и педагогики факультета дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: mari505@mail.ru.

Фанталова Елена Борисовна – кандидат психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии развития факультета клинической и специальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: fantalovaeb@mgppu.ru.

Для цитирования

Барабанов Р. Е., Одинцова М. А., Фанталова Е. Б. Психологические составляющие качества жизни студентов с нарушением голоса // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 6–15. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.6-15.

Article info

Received
October 12, 2020
Accepted
November 11, 2020

About the authors

Barabanov Rodion Evgenievich – Senior Researcher, Senior Lecturer of the Department of Psychological, Pedagogical and Theatrical Disciplines, Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering (Moscow, Russia). E-mail: 29196623@s.mfua.ru.

Odintsova Maria Antonovna – Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of the Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia). E-mail: mari505@mail.ru.

Fantalova Elena Borisovna – Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Neuro and Pathopsychology of Development of the Faculty of Clinical and Special Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia). E-mail: fantalovaeb@mgppu.ru.

For citations

Barabanov R. E., Odintsova M. A., Fantalova E. B. Psychological Components of the Quality of Life of Students with Voice Impairment. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp. 6-15. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.6-15. (In Russian).

УДК 37.013.41

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.16-26

И. В. Иванова

РЕФЛЕКСИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ САМОРАЗВИТИЯ ПОДРОСТКОВ: ФОРМИРОВАНИЕ АДАПТИВНЫХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ*

В статье представлена идея рефлексивно-ценностного подхода как нового методологического подхода в педагогике, ориентированного на педагогическое сопровождение саморазвития подростков через формирование их готовности к экзистенциальному проектированию как созданию проекта собственной жизни, основанном на осознанном самостоятельном выборе, и его реализации в имеющихся условиях. Важным фактором саморазвития выступает преодоление, формирующее адаптивные копинг-стратегии, наличие которых позволит подростку не бояться трудностей, возникающих на пути достижения цели, а также наращивать личные ресурсы, выступающие необходимым условием адаптации и самовыражения в постоянно меняющемся мире. Особое внимание отводится организации такой образовательной среды, в которой последовательно проводится педагогическая работа, направленная на формирование нравственных ценностей как ориентира, задающего вектор саморазвития личности и построение соответствующих копинг-стратегий.

Ключевые слова: выбор; саморазвитие; готовность; рефлексивно-ценностный подход; педагогическое сопровождение; копинг-стратегии.

I. V. Ivanova

REFLEXIVE-VALUE APPROACH TO PEDAGOGICAL SUPPORT OF SELF-DEVELOPMENT OF ADOLESCENTS: THE FORMATION OF ADAPTIVE COPING STRATEGIES

The article presents the idea of a reflexive-value approach as a new methodological approach in pedagogy, focused on pedagogical support of self-development of adolescents through the formation of their readiness for existential design as creating a project of their own life based on a conscious independent choice, and its implementation in the existing conditions. An important factor in self-development is overcoming, which forms adaptive coping strategies, the presence of which will allow the adolescent not to be afraid of the difficulties arising on the way to achieving the goal, as well as to build up personal resources, which are a necessary condition for adaptation and self-expression in a constantly changing world. Particular attention is paid to the organization of such an educational environment in which pedagogical work is purposefully carried out, aimed at the formation of moral value orientations as a vector that sets the direction of personality self-development and the formation of appropriate coping strategies.

Keywords: choice; self-development; readiness; reflexive-value approach; pedagogical support; coping strategies.

Актуальность

Вопрос разработки новых методологических подходов в педагогике сегодня оказался востребованным в силу ряда объективных причин. Во-первых, современная социально-

культурная ситуация, заданная тенденциями развития современного общества в стране, побуждает подрастающее поколение активно развиваться в условиях цифровизации, поликультурности, свободы выбора в контексте

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00616.

разнообразия жизнестворчества и жизнеопределения. Во-вторых, целевая установка, провозглашенная современными нормативно-образовательными документами, регламентирующими модернизацию образования на разных уровнях: Государственной программой Российской Федерации «Развитие образования» на 2018–2025 гг.¹, Национальной доктриной образования в РФ², Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.³ и др., – так или иначе связана с необходимостью организации такой образовательной среды, в которой будет формироваться личность, готовая к самостоятельному, ответственному и осознанному выбору (личностному, социальному и профессиональному).

Сегодня большое внимание должно уделяться формированию у подрастающего поколения ответственности, готовности к свободному выбору, позитивных жизненных ориентиров и планов. Данная тенденция развития образования прослеживается не только в нашей стране, но и в образовательной политике разных стран мира, о чем свидетельствуют исследования А. Карр [1], А. Т. Нг [2], Ю. Жан, З. Ван [3] и многих других зарубежных ученых и исследователей в области педагогических и психолого-педагогических дисциплин.

Целевой ориентир на создание условий для саморазвития, формирование свободной и ответственной личности предполагает выстраивание отношений сотрудничества между педагогами и воспитанниками, что поможет сформировать у ребенка субъектную позицию, осознать свою значимость, свободу и ответственность.

Полагаем, что особую важность и востребованность сегодня должны получить теоретико-методологические труды и практико-ориентированные разработки, связанные с организацией педагогической работы с обучающимися подросткового возраста в части рассмотрения различных подходов к формированию их готовности к саморазвитию.

Действительно, задачи подросткового возраста связаны с постановкой жизненных целей, самоанализом своих настоящих возможностей («Я-реальный») и проектированием будущих возможностей («Я-идеальный»). Однако в современных социокультурных условиях подросток не всегда готов к самостоятельному и ответственному выбору и несе-

нию за него ответственности в силу ряда причин социокультурного характера. Сегодня пространство самоопределения большинства подростков оказалось суженным, поскольку жизненное стратегирование личности задают мифологемы, активно транслируемые СМИ и способствующие формированию предпочтений, интересов, целевых установок за самого человека. Телевидение и Интернет активно выполняют образовательную функцию и зачастую делают вызов воспитанию. Возникает риск деформации личности, выбора социально не одобряемых моделей поведения, снижения социальной активности, формирования смысложизненных ориентаций, не опирающихся на моральные нормы, культурные ценности и традиции.

Проблема

Сегодня, в век виртуальной реальности, когда в жизнь всего человечества активно вошли интернет-ресурсы, сетевые платформы, реклама, искусственные образовательные носители, влияющие на жизнедеятельность и выбор подростка, важно сформировать у него внутреннее ощущение зависимости реализации целей от собственного выбора, понимание возможности проектирования своей жизни самостоятельно, а также научить относиться к препятствиям на пути к достижению цели как к возможности для саморазвития личности. Бесспорно, в сложившихся условиях особую значимость приобретает проблема формирования у подростков восприятия ситуации преодоления трудностей как возможности для саморазвития, наращивания субъектно необходимых личностных ресурсов (интеллектуальных, мотивационных, деятельностных, экзистенциальных и т. д.).

Авторский подход

В научной школе под руководством профессора М. И. Рожкова кандидатом психологических наук И. В. Ивановой разработан *рефлексивно-ценностный подход как новый методологический подход в педагогике* [4], рассматривающий *педагогическое сопровождение саморазвития подростков* как особый вид педагогического взаимодействия, направленный на стимулирование осознания подростками смысла собственной жизни, ее ценностных составляющих и построения на их основе проекта собственной жизни.

«Подход – это фундаментальное основание деятельности» [5, с. 62], его роль состоит в представлении совокупности обобщенных

научных положений по исследуемой проблеме, в характеристике различных направлений ее изучения.

Ведущая **цель педагогического сопровождения** состоит в организации педагогического процесса, способствующего формированию готовности подростков к саморазвитию. В данном случае под **готовностью** понимается сформированность личности подростка, умеющего прожить жизнь на основе сделанного им экзистенциального выбора, осознающего его смысл и реализующего себя в соответствии с этим выбором.

Рефлексивно-ценностный подход представляет собой метод познания, основанный на идее единства субъекта и образовательной среды, при актуализации **рефлексии и ценностно-смысловой сферы личности**. Данный подход является ведущим в изучении процессов исследуемого сопровождения. Такое понимание позволяет, с одной стороны, интерпретировать жизнедеятельность человека в условиях специально организованной образовательной среды через моделирование своего индивидуального внутреннего мира, а с другой стороны, создавать условия для изменения параметров жизнедеятельности человека, развивать его как субъекта.

В качестве **категориального аппарата** рефлексивно-ценностного подхода используются общепринятые в психолого-педагогической науке понятия: «рефлексия», «ценностные ориентации», «образовательная среда», «субъект», «преодоление», – а также такие понятия, как «педагогическое сопровождение», «субъектность», «педагогическая технология», «педагогический метод», «дилеммная ситуация», «проблемная ситуация», «дополнительное образование детей». В работе

сделан акцент на дополнительном образовании детей как образовательной системе, построенной на принципах, предполагающих персонализацию образовательного процесса и обеспечивающих возможность разработки и реализации подростками проектов саморазвития. Дополнительное образование детей рассматривается нами как образование, одной из функций которого является формирование готовности подростка к саморазвитию.

В формате рефлексивно-ценностного подхода авторское содержательно-смысловое наполнение получили понятия, связанные с раскрытием закономерностей и принципов педагогического сопровождения саморазвития подростков в дополнительном образовании детей:

– **рефлексивно-ценностная образовательная среда** – событийная образовательная среда, в которой целенаправленно проводится работа по формированию ценностно-смысловой и рефлексивно-регуляционной сферы личности обучающихся (*авторское определение*);

– **создание и реализация проекта саморазвития** – последовательность самостоятельных действий подростка в определенный промежуток своей жизни, направленная на изменение самого себя через совершенствование ему необходимых качеств (*авторская трактовка*);

– **субъектная доминанта** – направленность актуального состояния подростка на саморазвитие в предпочитаемом виде деятельности (*авторское определение*).

Рефлексивно-ценностный подход представлен через комплекс закономерностей, а также общепедагогических и специфических принципов (табл. 1).

Таблица 1
Взаимосвязь комплекса закономерностей и соответствующих им принципов в формате рефлексивно-ценностного подхода к педагогическому сопровождению саморазвития подростков в дополнительном образовании

<i>Закономерности</i>	<i>Общепедагогические принципы</i>	<i>Специфические принципы</i>
Гуманистическое взаимодействие между педагогом и подростками	Принцип конвенциональности (по М. И. Рожкову); принцип центрирования (по М. И. Рожкову)	Принцип тьюторского педагогического сопровождения саморазвития подростков
Событийность жизнедеятельности подростков	Принцип оптимистической стратегии воспитания (по М. И. Рожкову); принцип социального закаливания (по М. И. Рожкову); принцип актуализации ситуации (по Т. В. Машаровой); принцип нравственного саморегулирования (по Т. Н. Сапожниковой)	Принцип актуализации рефлексии
Наличие поля самореализации	Принцип индивидуализации в работе с детьми (по М. И. Рожкову)	Принцип ценностного отношения к своей деятельности

Обозначенные закономерности и принципы выделены нами в опоре на выводы, сделанные в результате изучения процессуальных основ построения подростком проекта собственной жизни, а также рассмотрения формирования готовности подростков к саморазвитию как целевой функции дополнительного образования детей. Общепедагогические принципы конкретизируются в содержании специфических (локальных) принципов, действие которых представлено нами через условия и правила, соблюдение которых позволит сделать процесс педагогического сопровождения саморазвития подростков в дополнительном образовании эффективным. Специфические принципы рассматриваемого сопровождения выделены исходя из необходимости более предметного рассмотрения особенностей педагогического сопровождения саморазвития подростков в дополнительном образовании. В контексте данной статьи подробно не будем на них останавливаться в силу того, что предметной областью настоящего исследования является рассмотрение рефлексивно-ценностного подхода в отражении его специфики с точки зрения формирования копинг-стратегий подростков в ходе педагогического сопровождения саморазвития, методологически опирающегося на рефлексивно-ценностный подход, важным фактором которого является преодоление.

Впервые *термин «копинг» (англ. coping)* появился в психологической литературе в 1962 г. при описании преодоления детьми кризисов развития. В своем труде «Психологический стресс и процесс совладания с ним», изданном в 1966 г., Р. Лазарус представил копинг как стратегию совладания человека со стрессом и тревогой. Копинг раскрывается ученым через стремление к решению проблем, которое предпринимает индивид, если требования имеют огромное значение для его хорошего самочувствия (как в ситуации, связанной с большой опасностью, так и в ситуации, направленной на большой успех), поскольку эти требования активируют адаптивные возможности [6].

В российской психологической литературе *термин «копинг»* переводят как адаптивное «совладающее поведение» или «психологическое преодоление». Согласно словарю Владимира Даля, слово «*совладание*» происходит от старорусского «лад» (ладить) и означает справляться, приводить в порядок,

подчинять себе⁴, т. е. «совладать с ситуацией» – значит подчинить себе обстоятельства, сладить с ними.

В отечественной науке начиная с 1990-х гг. понятие копинга, особенности преодоления стресса представлены в научных трудах Л. И. Анцыферовой, К. С. Абульхановой-Славской, В. А. Бодрова, Н. Е. Водопьяновой, Л. А. Головей, А. Н. Зеляниной, Т. Л. Крюковой, А. Б. Леоновой, С. К. Нартовой-Бочавер, М. В. Сапоровской, О. Ю. Стрижицкой, Н. В. Тарабриной, Ю. В. Щербатых и др.

Если изначально исследования копинга были объединены общей идеей психозащитных реакций индивида на травматические, угрожающие его жизни события, то сейчас мы видим расширение научных представлений о копинге, который стал изучать реакции человека на повседневные стрессоры [7, с. 21]. Сегодня под *копинг-поведением (совладающим поведением)* в научной литературе понимается сознательное целенаправленное социальное поведение, адекватное, с одной стороны, личностным особенностям человека, с другой стороны, ситуациям, и представляет собой комплекс осознанных адаптивных действий человека (когнитивных, аффективных, поведенческих), которые помогают справиться с жизненными трудностями, внутренним напряжением и дискомфортом [8]. Копинг-поведение направлено на повышение адаптации личности к среде и может складываться и определяться через совокупность копинг-стратегий как конкретных действий по совладанию на основе личностных и средовых копинг-ресурсов [9, с. 34].

Классические, наиболее цитируемые определения *копинг-поведения*, отражающие его адаптивный характер, характеризуют данный феномен через социальное поведение или комплекс осознанных адаптивных действий (когнитивных, аффективных, поведенческих), помогающих человеку справляться с внутренним напряжением и дискомфортом способами, адекватными личностным особенностям и ситуации через осознанные стратегии действий [10, с. 60]. Множественный список копинг-стратегий насчитывает более 400 позиций [11]. Под *копинг-стратегиями* в современной научной литературе понимаются осознанно используемые человеком приемы совладания с трудными жизненными ситуациями и состояниями, совокупность различных поведенческих стратегий, попытки

справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека (что предполагает развитие когнитивной и поведенческой сфер) [12; 13].

Отечественный ученый, психолог Л. И. Анцыферова, рассматривая проблему копинга, обращает внимание на взаимосвязь личности и окружающего мира, влияния субъективных характеристик личности на выбор тех или иных преодолевающих стратегий, рассмотрение стрессовых событий в зависимости от ситуаций, которые им предшествовали, от состояний человека [14], что актуализирует необходимость целенаправленного решения подростком (в нашем случае) проблемных задач, имеющих в его жизнедеятельности, а также задач проблемного характера, специально созданных сопровождающим. При этом К. А. Абульханова-Славская отмечает, что индивид как субъект своего поведения либо активно создает свое бытие, либо пассивно исполняет свой способ поведения [15]. Учитывая данный факт, который напрямую связан с саморазвитием, определяя его вектор, одной из задач педагогического сопровождения саморазвития нами позиционируется формирование адаптивных копинг-стратегий подростка. Речь идет о формировании у подростка способности самостоятельно находить оптимальные приемы и стратегии выхода из сложных ситуаций, готовности работать со стрессом, воспринимать ситуацию преодоления не как травмирующую, а в качестве ресурса для личностного роста и саморазвития в конкретной области (интеллектуальной, мотивационной, предметно-деятельностной и других, в которых обнаружена нехватка личностных ресурсов).

В классификации, предложенной Р. Лазарусом и С. Фолкман, выделяется два вида копинг-стратегий: копинг, ориентированный на проблему, и копинг, сфокусированный на эмоциях. Опираясь на эту классификацию, применительно к реализации педагогического сопровождения саморазвития подростков, организованного в контексте методологии рефлексивно-ценностного подхода, копинг, ориентированный на проблему, имеет связь с рациональным анализом проблемы, он проявляется в самостоятельном анализе подростком случившегося (конкретной трудной для него ситуации, связанной с преодолением), в

обращении за помощью к людям, реализующим функцию сопровождения. В данном случае речь идет о мобилизации ресурсов поведения подростка, благоприятствующих его саморазвитию и самовыражению. Также важно организовать работу, направленную на формирование копинг-стратегий, сфокусированных на эмоциях, которые мобилизуют ресурсы для регулирования эмоциональных переживаний. Усилия, направленные на регулирование эмоциональных переживаний, могут иметь различные формы: отвлечение от отрицательных эмоций, дистанцирование от проблемы, ориентация на положительные аспекты ситуации. В нашем случае именно ориентация на положительные аспекты проблемной ситуации позволяет реализовать оптимистическую стратегию воспитания (по М. И. Рожкову) как один из ведущих принципов реализуемого сопровождения.

Важно, что копинг-поведение запускается определенной ситуацией, задающей его особенности, – «ситуационным фактором» (по Т. Л. Крюковой [16]), данное положение учтено в методологии рефлексивно-ценностного подхода, а именно в качестве закономерности рассматриваемого сопровождения выступает событийность жизнедеятельности подростков, которая раскрывается через общепедагогические принципы: принцип оптимистической стратегии воспитания, принцип социального закалывания (оба – по М. И. Рожкову), принцип актуализации ситуации (по Т. В. Машаровой), принцип нравственного саморегулирования (по Т. Н. Сапожниковой), а также специфический принцип актуализации рефлексии, предложенный нами в контексте проводимого исследования.

В качестве важного условия, позволяющего сделать процесс педагогического сопровождения саморазвития подростков эффективным, необходимо осуществлять взаимодействие всех его субъектов, построенное на основе знаковых событий, приобретающих для сопровождаемых субъектно важный характер, обеспечивающий возможность и необходимость активной работы мысли и чувств.

Реализация копинг-стратегий поведения происходит в трех сферах иерархической структуры психики, в связи с чем Э. Хайм выделил три группы видов копинг-стратегий:

– эмоциональную (адаптивные варианты: протест, оптимизм; неадаптивные варианты:

подавление эмоций, покорность, самообвинение, агрессивность; относительно адаптивные варианты копинг-стратегий: эмоциональная разрядка, пассивная кооперация);

– когнитивную (адаптивные варианты: сохранение самообладания, установка собственной ценности, проблемный анализ; неадаптивные варианты: игнорирование, смирение, растерянность; относительно адаптивные варианты копинг-стратегий: относительность, религиозность, придача смысла);

– поведенческую (адаптивные варианты: альтруизм, сотрудничество, обращение; неадаптивные варианты: активное избегание, отступление; относительно адаптивные варианты копинг-стратегий: отвлечение, компенсация, конструктивная активность)⁵.

Структурно в составе копинг-стратегий Е. А. Сергиенко характеризует три компонента:

– когнитивный компонент (внутреннее, мысленное решение проблемы);

– эмоциональный компонент (как эмоциональное решение проблемы);

– поведенческий компонент (конкретные поступки и действия для разрешения проблемы) [17].

Адаптивные копинг-стратегии формируются на всех этапах рассматриваемого сопровождения, однако наиболее рельефно данная задача просматривается применительно к содержанию второго этапа сопровождения.

Этапами педагогического сопровождения саморазвития подростков, методологически основанного на рефлексивно-ценностном подходе, являются три логически связанных структурных элемента:

Этап 1. Пропедевтический этап сопровождения. Направлен на формирование смысловых ориентаций подростков, основанных на нравственных ценностях, становление субъектной жизненной позиции подростков через нравственную экспертизу событий (в нашем случае для реализации поставленных целей предлагается авторская дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа «Маленький принц», насыщенная дилеммными ситуациями, основанными на материале одноименного произведения А. де Сент-Экзюпери).

Этап 2. Актуальный (этап индивидуально-проектного сопровождения). Включает в себя разработку подростками индивидуальных проектов саморазвития; этап предваряется *педагогической работой с про-*

блемными ситуациями, реально существующими в жизнедеятельности подростка или специально заданными педагогом и соответствующими семи сферам личности, в которых формируются потребности в саморазвитии (по О. С. и Т. Б. Гребенюк [18]), при этом подросток сам определяет, какую жизненно важную проблемную ситуацию ему важно решить. Нами выделено семь видов проблемных ситуаций (проблемная ситуация в области интеллектуальной сферы, в области эмоций, в области мотивационной сферы, в области рефлексии своего поведения, в области волевой сферы, в области предметно-практической сферы и в области экзистенциальной сферы), в соответствии с личностными сферами, в которых подросток обнаруживает свою проблему. Решение проблемных ситуаций, субъектно важных для подростка, переходит в разработку и реализацию соответствующих проектов саморазвития: «Интеллектуальное обогащение», «Эмоциональный баланс», «Мои интересы и желания», «Самоанализ как путь к успеху», «Воля к победе», «Опыт как путь к успеху» и проект «Увидеть свое будущее».

Сопровождение разработки подростками индивидуальных проектов саморазвития проводится дифференцированно (с учетом наличного уровня готовности подростка к саморазвитию) по схеме, состоящей из девяти этапов, составленных нами в основе на теорию преодоления Р. Х. Шакурова [19], и являющейся структурно общей для проектов саморазвития: 1) выход из «зоны комфорта», формулирование проблемы; 2) вербализация и анализ содержания проблемной задачи; 3) самопознание и самопрогнозирование; 4) этап готовности к переменам; 5) анализ собственных мотивов самоизменения; 6) принятие личностной ответственности за свободный выбор; 7) составление проекта саморазвития; 8) продвижение по выбранному пути, ценностно-смысловое регулирование поведения; 9) рефлексия проекта.

В процессе разработки и реализации индивидуальных проектов саморазвития применяется консультирование, социальное проектирование, организация социальных акций, волонтерство, социально-психологические тренинги, выбор которых определяется задачами, решаемыми в ходе проекта саморазвития каждого подростка.

Этап 3. Рефлексивный этап педагогического сопровождения саморазвития подростков. Направлен на создание условий для осмысления подростками реализованных ими проектов саморазвития, проведение анализа экологичности выбора подростка, положенного в основу экзистенциального проектирования. На данном этапе также проводится работа с *индивидуальной картой подростка «Я познаю себя»*, заполняемой сопровождаемыми на протяжении всей организуемой работы в рамках описываемого сопровождения.

Важной задачей педагогического сопровождения саморазвития подростков, основанного на методологии рефлексивно-ценностного подхода, выступает формирование у сопровождаемых восприятия преодоления трудностей как возможности для саморазвития, способности к преодолению. Речь идет о формировании копинг-стратегий.

Решение данной непростой задачи восходит к организации педагогической работы с проблемными ситуациями. С целью формирования у подростков восприятия ситуации преодоления трудностей как возможности для саморазвития нами разработана *авторская методика изучения влияния проблемной ситуации на процесс саморазвития подростка «О трудностях на пути к цели»*, содержание основанная на притче «Осел и фермер»⁶. С данной методики начинается работа этапа индивидуально-проектного сопровождения.

Рассматриваемая методика носит диагностический и формирующий характер, поскольку позволяет отследить наличный уровень отношения к проблемной ситуации, обнаружить имеющиеся личностные ресурсы преодоления, сформированные копинг-стратегии, опыт преодоления трудных жизненных ситуаций, а также, в ходе анализа притчи, ее исхода, обсуждения ее идеи, спрогнозировать траекторию саморазвития через накопление адаптивных копинг-стратегий.

Методика основана на использовании арт-психотехник, проектных техник, рефлексивных психотехник, самофутурировании и структурно выдержана пятью этапами, которые соотносятся с этапами педагогического сопровождения саморазвития подростков в ситуации преодоления трудностей: 1) «первичная оценка» ситуации; 2) оценка личностью собственных возможностей; 3) осмысление, конструирование новых поведенче-

ских программ; 4) реализация новых поведенческих программ, проверка новых альтернатив поведения; 5) рефлексия новых поведенческих программ.

Методикой предусмотрено *обсуждение проблемных вопросов по содержанию притчи*, например: Как Вы думаете, что чувствует осел? С какими трудностями он столкнулся? В чем его вина? В чем причины возникших трудностей? Чем Вы можете объяснить намерения хозяина? Считаете ли Вы намерения хозяина благородными? Чем продиктованы решение и действия хозяина? Как Вы думаете, нужно ли отчаиваться ослу в сложившейся ситуации? Сформулируйте проблему. Какие есть у осла ресурсы (возможности) для выхода из сложившейся трудной ситуации? Какие Вы предлагаете способы для решения возникшей проблемы? Возможно ли ослу выбраться из ямы? Каким образом? Достаточно ли у героя ресурсов для того, чтобы предложенный способ был им реализован? Если нет, что нужно предпринять? Какие есть альтернативные способы достижения цели? Почему выбрали именно данный вариант развития событий? Какие Вы предвидите последствия выбранного способа выхода из сложившейся ситуации? Каковы возможные последствия? Экологичен ли выбор? (Не наносит ли он кому-либо ущерб?) Решена ли проблемная ситуация полностью? Можно ли данный способ преодоления трудностей назвать благоприятным для саморазвития и самоуважения героя? Какие новые качества он смог приобрести в данной ситуации? и т. д.

Примеры используемых арт-техник:

- выразите цветом чувства осла в сложившейся ситуации, придумайте название своей творческой работе;
- напишите «письмо» ослу, в котором поделитесь своими предложениями действий, направленных на решение его проблемы;
- выполните рисунок / цветной набросок к развязке составленной Вами притчи, выразите цветом чувства осла в сложившейся ситуации, когда имеющиеся трудности преодолены и проблема решена, предложите название рисунку.

Пример проективной техники: предложите творческий продукт – нечто, что поможет ослу сохранить спокойствие в сложившейся ситуации и обеспечит веры в свои силы (это может быть подходящая пословица, поговорка, смысловой рисунок, герб, символ,

эмблема, высказывание), оформите данную работу (запишите либо зарисуйте).

Пример рефлексивной техники: завершите притчу, т. е. предложите развитие ее сюжета, запишите получившийся вариант развития событий на листе бумаги. По завершении задания проводится рефлексия по вопросам: Почему выбрали именно данный вариант развития событий? Какие ресурсы потребовалось активизировать герою притчи для данного решения? Потребовалась ли чья-то помощь? и т. д. Педагог анализирует текст составленной подростком притчи, делает вывод об отношении подростка к ситуации преодоления трудностей, о наличии сформированных копинг-стратегий преодоления.

В завершение методики в ходе определения морали притчи делается акцент на том, что в жизни каждого бывает немало трудностей, иногда они следуют одна за другой, иногда приходится справляться сразу с несколькими проблемами, однако не стоит их воспринимать как попытку жизни «закопать» вас. Трудности – это ступени, опыт. Когда мы его приобретаем, то становимся на ступеньку выше в своем развитии. Как бы ни было трудно, какие бы испытания не посылала жизнь, никогда не нужно сдаваться, лучше следовать примеру ослика: встряхнуться и подняться. Если не останавливаться, то можно выбраться даже из самого глубокого колодца (как образа проблемы). Нужно относиться к ситуации преодоления трудностей как к возможности проявить свои лучшие способности и развить в себе качества, необходимые для решения трудных жизненных проблем.

Обрабатывая результаты методики, важно обратить внимание на следующие показатели: активность подростка на разных этапах взаимодействия; вектор выраженных эмоциональных переживаний; осознанность / спонтанность переживаний; содержание предлагаемых подростком способов поведения, их аргументированность; реальность предлагаемых действий, их последовательность, экологичность выбора; выражение отношения подростка к ситуации преодоления трудностей; наличие творческого подхода к решению проблемы.

Таким образом, стимулирование подростков к рефлексии проблемной ситуации и прогнозированию вариантов разворачивания ситуации преодоления трудностей является

самостоятельным компонентом методики педагогического сопровождения саморазвития подростков, иллюстрирующим результаты предыдущих этапов работы и позволяющим определить задачи последующего взаимодействия подростков с референтными педагогами.

В ходе реализации методики и обработки полученных данных можно оценить то, какие копинг-стратегии применял тот или иной подросток:

– конструктивные копинг-стратегии: самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблем, положительная переоценка, копинг, ориентированный на решение проблемы (ПОК);

– неконструктивные копинг-стратегии: конфронтация, дистанцирование, бегство-избегание, копинг, ориентированный на эмоции (ЭОК), копинг, ориентированный на избегание (КОИ).

В данном случае перечень копинг-стратегий нами взят в опоре на перечень, предложенный в методике «КПСС – Копинг-поведение в стрессовых ситуациях – опросник обобщенных реакций» (адаптированная Т. Л. Крюковой) [20].

Основные требования к проведению методики, составленные в опоре на существенные характеристики педагогического сопровождения саморазвития подростка, заданные рефлексивно-ценностным подходом:

1. Проблемная ситуация и работа с ней должны способствовать выявлению сформированности готовности подростка к саморазвитию и реализуемых им копинг-стратегий.

2. Изучение личности подростка в контексте методики, проблемной ситуации должно быть направлено на решение педагогических задач, связанных с формированием субъектности, развитием рефлексии, прогностических способностей, ценностей нравственного порядка в контексте формирования адаптивных стратегий преодоления.

3. Исследование должно выявлять не только наличный, актуальный уровень развития той или иной индивидуальной особенности, копинг-стратегий, а проводиться с учетом возможных перспектив развития каждого подростка, которые он может достичь при сотрудничестве со взрослыми.

4. Оценка результатов, полученных с помощью методики, должна производиться не путем их сравнения с какими-либо нормами

или средними величинами, а путем сопоставления их с результатами предыдущих диагностических проверок с целью выявления характера и величины его продвижения в развитии. Должны оцениваться усилия самого подростка в процессе принятия жизненно важного для него решения.

5. На протяжении всего периода педагогического взаимодействия с подростками необходимо проводить оценку динамики показателей готовности подростков к саморазвитию.

При проектировании методики «О трудностях на пути к цели» нами учтены основные признаки копинг-стратегий, предложенные С. К. Нартовой-Бочавер:

– ориентированность на проблему или на себя, или locus копинг;

– область психического, в которой разворачивается преодоление (внешняя деятельность, представления или чувства);

– эффективность (приносит желаемый результат по разрешению затруднений или нет);

– временная протяженность полученного эффекта (разрешается ситуация радикально или требует возврата к ней);

– ситуации, провоцирующие копинг-поведение (кризисные или повседневные) [21].

Данные позиции учитываются также при организации педагогического сопровождения саморазвития подростков в ситуации преодоления трудностей.

С. В. Фроловой, занимающейся изучением копинг-стратегий у подростков, показано, что важным показателем эффективности выработанной копинг-стратегии у испытуемых является успешное решение следующих возрастных задач, которые представляют собой индивидуальную картину саморазвития в период вхождения во взрослость: принятие ответственности за собственное развитие на себя; изживание или радикальное изменение связей, оставшихся от детства, преобразование детско-родительских отношений; соотношение мечты с реальностью взрослой жизни; формирование предварительного основания для жизни во взрослом мире (получение высшего образования, приобретение профессии, служба в армии и т. п.); поиск наставника, который выполняет двойную функцию: поможет совместно выстроить первые шаги в карьере, а также будет способствовать процессу психологического отделения от родителей; поиск идентичности; установление близких, интимных отношений [22].

Данный вывод ученого можно дополнить, применительно к области нашего исследования, тем, что важным результатом педагогического сопровождения саморазвития подростков, организованного на основе методологии рефлексивно-ценностного подхода, видится сформированность адаптивных копинг-стратегий, позволяющих воспринимать ситуации преодоления трудностей как возможности для саморазвития. Это обстоятельство позволит говорить о том, что подросток берет на себя функцию строителя своей судьбы, несения ответственности за свои выборы (личностные, профессиональные, социальные).

Также следует заметить, что применительно к конкретной ситуации подросток может использовать разные копинг-стратегии, и один и тот же подросток в различных ситуациях может применять либо разные стратегии, либо наиболее типичные для него, причем в ряде случаев для преодоления стресса в конкретной ситуации возможна реализация нескольких разнородных копинг-стратегий. Полагаем, что чем больше количество возможных стратегий, которыми подросток может воспользоваться, тем более адаптивным он будет в ситуациях преодоления препятствий на пути саморазвития. Успешность использования какой-либо копинг-стратегии в одной проблемной ситуации не гарантирует ее эффективность в других ситуациях. Этот вывод подводит нас к принятию важности и необходимости лонгитюдности педагогического сопровождения саморазвития подростков, направленного на формирование копинг-стратегий разных видов, но, все-таки, в приоритете адаптивных (по понятным причинам).

Выводы

1. Формирование свободной и ответственной личности обучающегося – важный целевой ориентир образовательной политики разных стран мира.

2. Подростковый возраст является сенситивным для формирования готовности личности к саморазвитию, а также формирования копинг-стратегий как стратегий совладающего поведения, актуализирующихся в ходе саморазвития и самопроектирования. Это актуализирует разработку новых подходов к сопровождению саморазвития обучающихся данной возрастной группы.

3. Важную роль в преодолении трудностей играет социокультурная среда, которая предрасполагает человека к проявлению реакций на стресс тем или иным образом.

4. Учитывая, что копинг-стратегии являются результатом приобретенного опыта, делаем вывод о том, что последовательное и грамотное обучение навыкам адаптивного копинг-поведения, включающее формирование соответствующих копинг-стратегий, является важной задачей педагогического сопровождения саморазвития подростков в контексте реализации рефлексивно-ценностного подхода.

5. Педагогическое сопровождение саморазвития подростков, основанное на разработанном нами рефлексивно-ценностном подходе, направленном на создание условий для формирования готовности подростков к саморазвитию через осознанный и ответственный выбор, можно рассматривать как подход, ориентированный на формирование у подростков адаптивных копинг-стратегий как стратегий активного преодоления.

6. Реализация индивидуально-проектной деятельности в рамках педагогического сопровождения позволяет формировать у подростков восприятие ситуаций преодоления трудностей как возможности для саморазвития и перевести проблемную ситуацию в индивидуальный проект саморазвития как проект совершенствования качеств, необходимых и значимых для подростка. Использование авторской методики «О трудностях на пути к цели», выступающей как диагностическое и формирующее средство, способно внести вклад в педагогическую работу, направленную на формирование адаптивных копинг-стратегий преодоления и сформировать личность, не боящуюся сложностей, а воспринимающую проблемную ситуацию как возможность для саморазвития.

7. Предлагаемый рефлексивно-ценностный подход как новый методологический подход в педагогике обеспечивает новое видение реализации педагогического сопровождения саморазвития подростков в системе образования. Наиболее рельефно реализация рефлексивно-ценностного подхода нами видится в условиях дополнительного образования детей, поскольку оно построено на принципах, обеспечивающих возможность персонализации образовательного процесса и реа-

лизацию разнообразных проектов саморазвития обучающихся.

Примечания

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2018–2025 гг.: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 дек. 2017 г. № 1642 (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/71848426>.

² Национальная доктрина образования в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 4 окт. 2000 г. № 751. URL: <https://base.garant.ru/182563>.

³ Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html>.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 1863–1866. URL: <https://dal.slovaronline.com>.

⁵ Виды копинг-стратегий (Е. Хайм). URL: https://studopedia.ru/11_129594_vidi-koping-strategiy-e-haym.html.

⁶ Одна мудрая притча о трудностях. URL: <https://www.greatpicture.ru/odna-mudraya-pritcha-o-trudnostyah>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carr A. Positive Psychology and You: A Self-Development Guide. – 1st ed. – London : Routledge, 2019. – 428 p.
2. Ng T. Experiences of Chinese young people in devising their self-development plans in Hong Kong: a qualitative study // Asia Pacific Journal of Educators and Education. – 2019. – Vol. 34. – P. 167–185.
3. Zhan Y., Wan Z. College Students' Possible L2 Self Development in an EFL Context during the Transition Year // English Language Teaching. – 2016. – Vol. 9. – № 1. – P. 41–50.
4. Рожков М. И., Иванова И. В. Рефлексивно-ценностный подход к педагогическому сопровождению саморазвития школьников // Педагогика. – 2020. – Т. 84. – № 8. – С. 63–72.
5. Борытко Н. М. Диагностическая деятельность педагога. – М. : Академия, 2006. – 288 с.
6. Lazarus R. The theory of stress and psychophysiological studies // Emotional stress. – Moscow, 1970. – P. 178–209.
7. Нартова-Бочавер С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – № 5. – С. 20–30.
8. Крюкова Т. Л. Психология совладания в разные периоды жизни : моногр. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова : Костромаиздат, 2010. – 380 с.

9. Набиуллина Р. Р., Тухтарова И. В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом : учеб. пособие. – Казань : Каз. гос. мед. акад., 2003. – 98 с.
10. Хазова С. А. Совладающее поведение одаренных старшеклассников // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 5. – С. 59–69.
11. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции : психометрические характеристики и возможности применения методики соре // Психология. Журнал ВШЭ. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 82–118.
12. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций : моногр. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
13. Карвасарский Б. Д. Клиническая психология. – СПб. : Питер, 2004. – 539 с.
14. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психозащита // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 3–18.
15. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – 300 с.
16. Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы : сб. науч. ст. – М., 2008. – С. 138–152.
17. Сергиенко Е. А. Субъектная регуляция совладающего поведения: Современное состояние и перспективы. – М. : Ин-т психологии РАН, 2008. – 273 с.
18. Гребенюк О. С., Гребенюк Т. Б. Основы педагогики индивидуальности : учеб. пособие. – Калининград : Изд-во КГУ, 2000. – 572 с.
19. Шакуров Р. Х. Эмоция. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). – Казань, 2001. – 136 с.
20. Крюкова Т. Л. О методологии исследования и адаптации опросника диагностики совладающего (копинг) поведения // Психология и практика : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Соловьева. – Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001. – С. 70–82.
21. Нартова-Бочавер С. К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – № 5. – С. 20–30.
22. Фролова С. В. Исследование стратегий преодоления кризисных ситуаций в подростковом возрасте // Психологическая помощь подростку в кризисных ситуациях. – Саратов, 2005. – С. 10–18.

Информация о статье

Дата поступления

20 августа 2020

Дата принятия в печать

11 ноября 2020

Сведения об авторе

Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной адаптации и организации работы с молодежью Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Калуга, Россия). E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru.

Для цитирования

Иванова И. В. Рефлексивно-ценностный подход к педагогическому сопровождению саморазвития подростков: формирование адаптивных копинг-стратегий // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 16–26. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.16-26.

Article info

Received

August 20, 2020

Accepted

November 11, 2020

About the author

Ivanova Irina Viktorovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Adaptation and Organization of Work with Youth, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia). E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru.

For citations

Ivanova I. V. Reflexive-Value Approach to Pedagogical Support of Self-Development of Adolescents: The Formation of Adaptive Coping Strategies. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp. 16–26. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.16-26. (In Russian).

УДК 159.99

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.27-41

Е. В. Камнева, Н. С. Пряжников, Е. В. Бабанова, С. М. Буянова

ИМИТАЦИИ ЛИЧНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИРЕКТИВНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

Ответственность понимается как альтруистически ориентированная деятельность, основанная на осознании последствий своей деятельности. В статье обосновывается вынужденная необходимость имитаций ответственности, когда от работника требуют деятельности, противоречащей его профессиональной совести и здравому смыслу. Анализируются противоречия, связанные с разным пониманием «хорошей» работы (честной, качественной, социально ориентированной) разными субъектами трудовых отношений, включая работника и носителей директивных предписаний (руководством, коллегами, представителями общественности и т. д.). Предлагается модель прогнозирования возможных имитаций личной и профессиональной ответственности, построенная на отражении этих противоречий. Применительно к творческим видам труда (наука, образование, культура и т. д.), находящимся под сильным бюрократическим давлением различных директивных предписаний, предлагаются идеи развития «параллельной» науки, когда, с одной стороны, приходится имитировать определенную активность (показной «трудоголизм»), а с другой стороны, находить возможности для настоящего творчества.

Ключевые слова: ответственность; осторожность; страх; безрассудство (безответственность); имитация ответственности; модель прогнозирования вариантов имитации ответственности.

Е. В. Kamneva, N. S. Prjazhnikov, E. V. Babanova, S. M. Buyanova

IMITATION OF PERSONAL AND PROFESSIONAL RESPONSIBILITY UNDER THE TERMS OF THE DIRECTIVES

Responsibility is understood as altruistic activity based on awareness of the consequences of one's activities. The article justifies the forced need to imitate responsibility, when an employee is required to have activities contrary to his professional conscience and common sense. Contradictions related to different understandings of "good" work (honest, high-quality, socially oriented) by different subjects of labor relations, including the employee and the bearers of policy prescriptions (leadership, colleagues, members of the public etc.) are analyzed. It proposes a model of predicting possible imitations of personal and professional responsibility, based on the reflection of these contradictions. In the case of creative work (science, education, culture etc.), under strong bureaucratic pressure of various policy prescriptions, the ideas of the development of "parallel" science are proposed, when, on the one hand, it is necessary to imitate a certain activity (ostentatious "workholism"), and on the other hand, to find opportunities for real creativity.

Keywords: responsibility; caution; fear; recklessness (irresponsibility); imitation of responsibility; model of predicting options for imitation of responsibility.

1. Проблема исследования

Современный мир, включая и экономические, и производственные отношения, характеризуется всё усиливающейся неопределенностью, сложностью и, соответственно, всё возрастающими требованиями к ответственности работников разного уровня. К сожалению, готовность к такой ответственности в сложных деловых взаимоотношениях демон-

стрируют не все, что предполагает усиление взаимокompенсации усилий разных специалистов, ориентированных на честную и качественную работу. Исходя из этого **проблема нашего исследования** заключается в том, что, с одной стороны, вызовы современной эпохи требуют от специалистов всех уровней более ответственного отношения к своей деятельности, но, с другой стороны, не все готовы

откликаться на эти вызовы, что предполагает перераспределение ответственности от тех, кто не осознает ее в полной мере, – к тем, кто готов к ответственному профессиональному и личному поведению в большей степени. Осложняется ситуация тем, что нередко безответственное деловое поведение прикрывается либо устаревшими нормативными положениями, не обеспечивающими качественную работу, либо сомнительными (и профессионально, и личностно не оправданными) указаниями лиц, которые по должности должны быть готовы к принятию эффективных решений в усложняющихся, нестандартных условиях, но сами находятся под воздействием сомнительных представлений и опасений – то, что мы условно называем «директивными предписаниями (и указаниями)». В этих случаях более ответственным и совестливым работникам нередко приходится, с одной стороны, имитировать выполнение таких директивных предписаний и указаний, но, с другой стороны, по возможности, всё же ориентироваться на честный и качественный труд.

В этом контексте, *объектом нашего исследования* является личная и профессиональная ответственность, а *предметом* – варианты имитации этой ответственности в условиях вынужденного выполнения директивных предписаний, но с сохраненной ориентацией на достойное выполнение своих обязанностей. *Цель исследования* – уточнение понятия «ответственность» в усложняющихся социально-экономических и производственных условиях, а также рассмотрение вариантов имитации ответственности. Соответственно, *задачами исследования* являются: 1) уточнение особенностей ответственности в условиях несостыковок сомнительных директивных предписаний и осознания смысла своей работы совестливыми специалистами; 2) рассмотрение вариантов вынужденной имитации ответственности; 3) построение модели оптимального выбора наиболее достойного варианта вынужденной имитации ответственности, с сохранением ориентации на честный и качественный труд.

Тема имитации труда и жизнедеятельности в разных сферах становится всё более популярной у исследователей. Например, еще Е. А. Климов и А. К. Маркова писали о «псевдопрофессионализме», когда никудышные работники («псевдопрофессионалы») принимаются окружающими за «ценных» специали-

стов или они сами себя выдают за «незаменимых мастеров» [1, с. 127–132; 2, с. 50–51]. Можно вспомнить и об имитации своей конкурентоспособности в «выгодных продажах» личностью себя на рынке труда, когда такие «продажи» становятся важнее ценности самого труда, о чем писал Э. Фромм [3]. Сюда же можно отнести и проблему «псевдоэлиты», не способной к реальным позитивным преобразованиям, но всё делающей для опошления прежних ценностей, хотя по своим ресурсам (образованию, воспитанию, общественному влиянию и т. д.) эти люди могли бы увековечить себя как «выдающиеся деятели» [4]. Также интересны рассуждения об имитациях семейного счастья [5; 6, с. 83–110]. К сожалению, всё чаще возникают ситуации вынужденной имитации бестолковой профессиональной активности в условиях сомнительных реформ в образовании и науке [7; 8], когда ученым и преподавателям приходится имитировать и свою личностную деградацию, например для того, чтобы избежать упреков в «нелояльности», «субъективизме», «инакомыслии» и т. п.

2. Уточнение понятия «ответственность». Ответственность в системе близких понятий

Проблема ответственности давно находится в центре внимания философов, психологов, правоведов, специалистов в области управления и др. [9–16]. Обычно в качестве синонимов «ответственности» выделяют следующее, указывая даже частоту употребления этих слов: «ответ» (263,3), «совесть» (58,6), «обязательство» (53,3) и др.¹ Еще одно близкое понятие – «долг», которое, по мнению Г. Селье, означает «добровольно принятый человеком кодекс исполнения» [17, с. 73–74]. Соответственно, проблематика ответственности часто связана и с вопросами «исполнительности». В контексте обозначенной выше проблемы ответственности и исполнительности, возникают вопросы: «ответственность – перед кем?» или «ответственность – за кого?». Но возникает и не менее важный вопрос: кто будет осуществлять санкции, если «ответ», «обязательства» не выполняются (не «исполняются»)? И как быть с «совестью»?

В самом общем плане можно обозначить следующие варианты ответственности: 1) перед законом (административно-правовая ответственность), 2) перед обществом (моральная ответственность) и 3) перед собственной

совестью (нравственная ответственность) [14]. При этом именно нравственная ответственность по-настоящему предполагает «ответ» и «обязательства» перед собственной совестью. Например, даже в случае соблюдения («исполнения») закона или какой-то моральной нормы, но при явной неудаче (недостижении цели, вреда кому-то и т. д.), часто можно сослаться на «плохой» закон или на «устаревшую» (или «неадекватную») моральную норму. И только при нравственной ответственности приходится признать свою собственную вину, так как сослаться можно лишь на сформировавшуюся / не удачно сформировавшуюся систему ценностей, убеждений, смыслов или на свою неспособность эти ценности реализовать. Хотя и здесь можно сослаться на огрехи воспитания и образования, т. е. на людей или на всё общество, которые не позаботились о полноценной социализации и личностном развитии данного человека. И всё же, с какого-то момента развития, человек сам должен отвечать за свои поступки и даже за свое правовое, моральное и нравственное развитие.

Вопрос о периодах этического развития личности во многом остается дискуссионным. И всё же, часто ответственность связывают с совершеннолетием, т. е. с окончанием периода детства, согласно ч. 1 ст. 1 Конвенции о правах ребенка², т. е. «по достижению 18-летнего возраста», что даже закреплено во мно-

гих законодательствах. Правда, вопрос об ответственности в разных сферах деятельности нередко соотносят и с другими периодами развития человека. Например, профессиональная ответственность предполагает получение образования, диплома и соответствующих сертификатов, определяющих компетенцию (как круг полномочий и ответственности) данного человека в определенных производственных вопросах. При этом некоторые авторы, например А. К. Маркова, считают, что на высших стадиях профессионального развития оно сливается с личностным развитием, и специалист лишь тогда способен полноценно реализовать себя, когда он готов и на личностном уровне отвечать за свою работу, «самопроектировать себя как личность профессионала» [2, с. 52].

Ситуации, предполагающие ответственное поведение, выборы и поступки часто дезориентируют человека, когда он путает ответственность с «осторожностью» или со «страхом». Мы предлагаем следующее разведение этих понятий [18]. Наша модель основана на двух критериях: 1) осознание и прогнозирование последствий своих действий (или бездействий), где на одном полюсе – высокий уровень осознания и прогнозирования последствий, а на другом – низкий уровень; 2) личная заинтересованность в данных действиях, где на одном полюсе – эгоистичность, а на другом – альтруистичность (см. рис. 1).

Рис. 1. Модель «ответственности» в соотношении с другими близкими понятиями – осторожность, страх и безрассудство (безответственность)

На представленной модели (см. рис. 1) на пересечении выделенных выше координат образуются следующие позиции для самоопределяющейся личности: 1) ответственность – на пересечении высокого уровня осознания последствий своих действий и альтруизма; 2) осторожность – на пересечении высокого уровня осознания последствий и эгоизма; 3) страх – на пересечении низкого уровня осознания последствий и эгоизма – как «неосознаваемый страх за себя», о чем пишут

разные авторы, определяя сущность страха [19]; 4) безответственность, безрассудство – на пересечении слабого осознания последствий своих действий и альтруизма, когда «доброта хуже воровства». В этой связи возникает сложный вопрос и о том, всегда ли готовы люди принять нашу ответственность «за них» (отвечать «вместо них»)? По сути, это уже обозначенный выше вопрос о соотношении ответственности «перед кем-то» и ответственности «за кого-то».

Заметим, что представленная модель (см. рис. 1) позволяет уточнить и антипод «ответственности» – «безответственность». К сожалению, ограниченный формат статьи не позволяет показать возможности модели для анализа различных психологических барьеров, осложняющих для самоопределяющейся личности достойный выбор. Например, взаимопереходы выделенных выше состояний и позиций, когда изначальный страх по мере осознания личностью особенностей данной ситуации и своих собственных возможностей, постепенно может преобразоваться в осторожность или в ответственность. Или, наоборот, по мере ослабления степени осознания (когда кто-то может просто запутаться в своих оценках и размышлениях), ответственность может преобразоваться в страх или в безрассудство (безответственность). Также интересны вопросы взаимосвязи ответственности перед обществом и перед собой, которые ставит в своей работе «Теория справедливости» Дж. Ролз, предполагающие определенные взаимные компромиссы личности с обществом и с окружающими людьми [20, с. 371].

При этом сильно запутавшийся человек может выдавать свой страх за безрассудство, за осторожность или даже за ответственность. Это может происходить как осознанно (точнее, с попытками как-то рационализировать свои выборы и поступки, вплоть до моральных самооправданий, близких к самообману), так и неосознанно. Кроме того, и внешние оценки могут быть ошибочными. Всё это позволяет говорить о несоответствии внешнего поведения и внутренних моральных позиций человека, что, по сути, выводит нас на проблематику имитаций ответственности. Но также это позволяет говорить и об ошибочном восприятии поступков личности со стороны других людей, когда они готовы оценивать поступки личности как истинные, даже тогда, когда они, по сути своей, имитационны. Например, внутренне трусливый человек внешне демонстрирует свою ответственность, но и окружающие его люди также могут видеть в нем «героя». Но самое интересное, что иногда и сам человек готов обманывать самого себя, т. е. имитирует ответственность перед самим собой, и не всегда это осознает. Но всегда ли это плохо, ведь иногда и достойные поступки, и даже «геройство» совершается от

страха («плох тот солдат, который совсем не боится смерти»)?

3. Проблема выделения «адресатов» и уровней ответственности

Уточнение понятия «ответственность» неизбежно ставит вопрос и об уровнях ответственности на каждом этапе развития человека как личности, как гражданина, как профессионала, как семьянина и т. д. – в зависимости от сфер его жизнедеятельности. Понятно, что человек еще только на этапе освоения какой-то деятельности не может в полной мере отвечать за ее результаты и последствия. Но по мере накопления опыта возрастает и его ответственность. Возможны разные основания при выделении уровней ответственности, например: 1) формальные основания (наличие диплома, стажа деятельности, наград, рекомендаций уважаемых людей и т. п.); 2) реальная эффективность в определенной сфере, требующая подтверждения человеком своей репутации, имиджа и т. п.; 3) собственные представления человека о своем долге, обязательствах и т. п.; 4) внешняя или внутренняя ответственность (перед кем-то, перед чем-то или перед самим собой) и т. п. Для нашего дальнейшего анализа наиболее интересна ответственность перед своей совестью, которая часто вступает не только в противоречие с другими видами ответственности, но и с разными ее уровнями, когда, например, человек в случае невыполнения определенных обязательств может сослаться на свою «неосведомленность», на «отсутствие опыта» (на его низкий уровень) или на неправильное обучение или воспитание, т. е. переносить ответственность на других людей, одновременно признавая свою некомпетентность и личностную незрелость и т. д.

Например, Л. Кольберг, выделяя этапы развития моральной зрелости, начинает с примитивного («доморального») уровня, в основе которого – страх перед наказанием, и завершает высшими уровнями, связанными не только с осознанием своей гражданской и моральной ответственности («конвенциональный» уровень), но и с готовностью выстраивать свои нравственные принципы («автономной» морали), что близко к пониманию совести [21]. В целом мы разделяем данную логику развития морали, высшим уровнем которой является готовность личности к построению собственных критериев достойного /

недостойного поведения и соответствующей ответственности перед самим собой.

Важно также обозначить варианты ответственности (и соответствующие «санкции» за невыполнение своих обязательств), соотносимые с теми или иными «адресатами ответственности»: 1) перед семьей и близкими (санкции могут носить не только межличностный, но и общественный характер, если человек не выполняет общепринятых обязательств перед семьей и детьми); 2) перед коллективами и руководством (санкции здесь больше носят административный характер, хотя иногда могут быть и уголовными, при серьезных авариях или хищениях); 3) перед друзьями и различными общественными группами, с которыми связан данный человек (при этом каждая группа может вырабатывать свои санкции, иногда экзотические и даже антиправовые, как это делается в тоталитарных сектах); 4) перед обществом в целом или какими-то большими социальными группами, с которыми человек себя идентифицирует (санкции также могут варьироваться в зависимости от традиций и культурных норм данных сообществ); 5) перед культурой в целом (нередко здесь санкции переносятся в будущее, когда потомки оценивают реальный вклад данного человека в жизнь общества или какой-то сферы деятельности, но и в настоящем времени человек может прогнозировать такие оценки потомков или даже «суд истории»); 6) перед Богом (санкции могут носить регламентированный характер, в зависимости от влияния на человека данной церкви и конкретных прихожан, но могут быть и индивидуальными, например, когда человек ищет «свой путь к Богу» и сам себе является судьей, а иногда и «палачом»); 7) перед воображаемыми людьми (ушедшими из жизни или вообще вымышленными, когда человек как бы спрашивает себя, «как бы они отнеслись к моим поступкам?»); 8) перед собственной совестью (санкции здесь могут создаваться самим человеком, но при этом он не зависит напрямую от традиций какой-то конфессии или каких-то культурных норм).

Уточнение «адресатов» ответственности, т. е. того, перед кем отвечает человек, неизбежно возвращает нас к вопросу и о том, за кого человек готов отвечать и нуждаются ли такие «адресаты» в этом. Например, понятно, что мы можем и даже должны отвечать за тех, кто по разным причинам сам за себя ответить

не может (не осознает последствий каких-то событий или своих собственных действий). Но как быть с ответственностью за Бога, пусть даже за саму идею «божественного»? – Возможно, иногда и Он нуждается в защите, например, от нападок воинствующих невежд. В целом, вопрос о разведении ответственности «перед кем?» и «за кого?» еще нуждается в дополнительном осмыслении.

Последний вариант «адресатов» – ответственности перед своей совестью – представляется нам наиболее интересным, но одновременно и очень сложным для большинства людей. Хотя можно предположить, что в какой-то мере каждый человек хотя бы иногда, с разной степенью смелости и успешности, пытается выстроить свои взгляды на «достойное» и «недостойное», а также определить для себя степень «раскаяния» и «наказания», в случае отступления от обязательств перед собственной совестью. Но как уже отмечалось, важно еще выделить этапы готовности человека к такому самостоятельному построению образа себя как совестливого субъекта. Серьезным барьером здесь могут быть представления некоторых авторитетных психологов о том, что высшим уровнем личностного развития (и соответствующей ответственности) является «эсхатологический» уровень, выше которого как бы и не должно быть ничего [22]. Хотя опросы показывают, что значительная часть респондентов, включая и современную студенческую молодежь, имеет весьма смутные представления о Боге, о бессмертии, о «рае» и «аде» (как своеобразных регуляторов морального поведения) [23].

Не вдаваясь в этот вопрос в глубокую дискуссию, мы всё же считаем, что у каждого человека может быть свое представление о высшем уровне ответственности: либо это представления, напрямую связанные с устоявшимися высшими достижениями культуры (включая и религиозные представления), либо это представления, основанные на некотором этическом творчестве, когда человек в своем личностном развитии и определении для себя меры ответственности ищет собственные моральные ориентиры, опираясь при этом и на опыт культуры (куда, несомненно, входит и религиозный опыт), включая анализ, и достижений, и ошибок, и заблуждений, и преступлений, что в целом соответствует и упоминавшимся выше взглядам Л. Кольберга, когда человек готов к построению собствен-

ных представлений о «достойном» и «недостойном» [21]. В итоге, такой творческий поиск может и обогатить этот опыт культуры, но может и извратить его, что также можно отнести к ответственности конкретного человека не только перед культурой, но и перед самим собой, правда, уже по высшему спросу.

4. Проблема многовекторности, фрагментарности и ситуативности ответственности

Реально человек имеет много вариантов ответственности: как гражданин, как работник, как семьянин, как родитель, как друг и т. д. При такой многовекторности ответственности приходится выбирать для себя приоритеты, что часто связано и с построением иерархии ценностей на более высоких уровнях самоопределения, а также – соответствующих целей, и более конкретных задач (обязанностей, функций и даже операций), за которые человек отвечает, уже в более конкретной своей деятельности. К сожалению, нередко, даже при сложившихся приоритетах и соответствующих ценностно-мотивационных иерархиях, возникают противоречия между разнонаправленными ответственностями и их уровнями. Это часто осложняется и проблемами, связанными с частичной и эпизодической ответственностью. «Частичная ответственность» проявляется в том, что человек или его окружение реализуют свои обязательства по разным вариантам ответственности и на разных ее уровнях. Например, человек чувствует высокую ответственность перед своей семьей и старается делать всё для ее блага, не жалея самого себя (реализует ответственность на высших уровнях), но при этом пренебрежительно относится к ответственности к своим коллегам или к своим гражданским обязанностям. Как уже отмечалось, сложно по всем направлениям быть одинаково ответственным, что и побуждает человека выделять для себя приоритеты ответственности. Важно лишь, чтобы эти приоритеты были просоциальными и хоть как-то обогащали общество и культуру.

Не менее сложные ситуации возникают, когда человек, по разным причинам, реализует свою ответственность лишь фрагментарно (эпизодически). Это может быть связано и с «эпизодичностью» самого контроля и соответствующих санкций по отношению к данному человеку (например, человек честный и воспитанный, даже когда за ним кто-то на-

блюдает, но при слабом контроле по каким-то параметрам своей деятельности поддается соблазну «безответственности» и может превратиться и в безответственного мерзавца). Либо это может быть связано с недостатками его воспитания, образования, а может, и с особенностями его характера и личности (повышенная импульсивность, демонстративность, слабый самоконтроль и самоорганизация и т. п.). Иногда такая «ситуативность» и «фрагментарность» может носить и «циклический», т. е. повторяющийся характер, что позволяет в некоторых случаях даже прогнозировать поведение и поступки такого противоречивого человека. «Цикличность» может даже порождать особый вид «ответственности перед ритуалом», перед самим процессом выполнения каких-то действий (при этом нередко ответственность как бы переносится с результатов и смысла этой деятельности на сам процесс, ритуал его выполнения). Правда, сами такие действия могут соотноситься и с людьми, когда-то побудившими данного человека выполнять данный ритуал, но и сам ритуал со временем может приобрести определенную самостоятельность. В любом случае, и для самого человека, и для тех, кто с ним связан и как-то пытается его понять, возникают сложности в оценке его реальной ответственности, на фоне обозначенной выше «многовекторности», «фрагментарности» и «ситуативности», ведь в каких-то ситуациях он бывает ответственен (иногда и чрезмерно), а в других случаях показывает полное отсутствие ответственности.

5. Проблема имитаций ответственности и имитации санкций за безответственность

Приведенные выше размышления позволяют сделать предварительный вывод о том, что и профессиональная деятельность, и активность личности в разных сферах жизни во многом противоречива с точки зрения оценки ответственности его поведения и поступков. Можно кратко обозначить основные противоречия, возникающие в трудовой деятельности, провоцирующие сложные моральные выборы работника: между профессиональной ролью и личностными позициями работника (например, противоречие должностных требований моральным убеждениям и ценностям работника); между представлениями работника о достойной, общественно-полезной работе и нормативными документами (напри-

мер, когда какие-то документы просто морально устарели и давно не отражают новые реалии, что осложняет жизнь многих людей); между разными представлениями работника и его коллег или руководителей о честном труде; между честной профессиональной позицией работника и его клиентами, заказчиками, потребителями, изначально подозревающими работника в нечестности, что усугубляется в современных условиях, когда многие работы переводятся в «цифровой формат» и всё меньше возникает ситуаций непосредственного общения (когда участники деловых и экономических отношений могли бы «посмотреть друг другу в глаза»); противоречия, связанные с разной оценкой опыта работника, когда он может «прикинуться» новичком, с которого и «спрос меньше», и др.

Всё это часто побуждает (а иногда и вынуждает) работника либо осознанно, либо неосознанно имитировать те свои моральные позиции, которые в реальности он не реализует (по причине страха, слабого осознания ситуации и самого себя). Как это ни парадоксально, возможны имитации и девиантного экономического или социального (точнее, антисоциального) поведения [24]. Например, когда приходится имитировать обман покупателей или навязывание клиентам ненужных им услуг (так называемое «разводилово»), в условиях, когда и коллеги, и руководство ожидают от работника именно такое, по сути девиантное, экономическое поведение, а работник всячески старается смягчить такие сомнительные правила своей работы, по возможности даже подсказывая своим клиентам и покупателям, как минимизировать их моральные и финансовые потери.

Как уже отмечалось выше, на основе разнонаправленной, а также ситуативной, фрагментарной и циклической ответственности возможна и аналогичная их имитация. Например, в каких-то случаях ответственность имитируется, а в каких-то – она настоящая и даже высокого уровня. При обоснованном и строгом контроле возможно и развитие системы санкций уже применительно к таким имитациям ответственности. Понятно, что по отношению к каким-то имитациям санкции могут быть реальными и серьезными (чувствительными для человека), а в каких-то случаях эти санкции малоэффективны, так как невозможно проконтролировать всё и вся. Можно также размышлять и об уровнях эф-

фективности (строгости, обоснованности) санкций по отношению к разным имитациям ответственности. Всё это позволяет говорить и об иерархии санкций по отношению к безответственным личностям или профессионалам, а также – об иерархии санкций применительно к имитациям ответственности. Самое интересное, если мы допускаем высокий уровень развития совестливого поведения у каких-то работников: когда личностное и профессиональное сливаются, то кто-то может выстраивать и свои собственные внутренние санкции и их иерархии для случаев, когда сам человек чувствует, что нарушает взятые на себя обязательства как перед другими людьми, так и перед своей совестью. При этом не всегда санкции действительно предполагают раскаяние данного человека, так как и они сами могут превратиться в имитации раскаяний. Но особенно интересны случаи, когда сам человек готов обнаружить имитации ответственности перед самим собой, т. е. осознать, что сам себя обманывает. В психологии трудовой мотивации описываются варианты таких самооправданий, а по сути, самообманов, когда разумом человек, быть может, и чувствует фальшь своей работы, но ему не хватает совести для того, чтобы признать такой самообман [14, с. 185–188]. Естественно, нельзя забывать и о позитивных моментах, связанных с имитацией «во благо», но, всё же, и в этих случаях часто приходится иметь дело с вынужденной имитацией ответственности.

6. Проблема директивных предписаний в профессиональной деятельности

Суть директивных предписаний – в их обязательном характере. Это может быть обозначено на уровне законов, положений, должностных инструкций, устных распоряжений и т. п., а также – на уровне существующих традиций и даже моральных норм различных деловых взаимоотношений, нарушение которых может значительно осложнить жизнь и карьеру работника. При этом можно различать «предписания», которые в основном носят формальный характер и как-то зафиксированы в документах или устоявшихся нормах общественного сознания, и «указания», которые чаще представлены словами («устными распоряжениями» или «замечаниями» со стороны тех, кто следит за выполнением определенных правил поведения и т. п.). С одной стороны, и законода-

тельное (нормативно-правовое), и неформальное регулирование трудовой деятельности необходимо, а многие директивные предписания вообще «написаны кровью», например в армии, Министерстве чрезвычайных ситуаций, на транспорте, при работе на опасных объектах и т. п. Но, с другой стороны, есть множество примеров, когда такие «директивные предписания» могут быть устаревшими или просто абсурдными (принятыми в спешке, под воздействием эмоций, на дилетантском уровне или банально «пролоббированы» заинтересованными корыстными группами, а то и по причине самоутверждения «высочайших» лиц), и тогда такие предписания не только осложняют жизнь многих людей, но и ставят самих работников, вынужденных их исполнять, перед сложным моральным выбором: либо выполнять эти предписания, по сути, идя на сделку со своей совестью и здравым смыслом, либо отказываться от их исполнения, но рискуя быть наказанным, уволенным или даже отправленным в «места не столь отделенные». И как один из вариантов решения этой сложной моральной (а точнее – нравственной) дилеммы, нередко выбирается имитация ожидаемой от начальства (или со стороны строгих «контролеров») профессиональной активности.

В качестве примеров, *иллюстрирующих сложные личностные и профессиональные выборы*, можно привести некоторые типичные ситуации:

1. Одно время в Москве существовал закон, запрещающий чистку от снега машин во дворе, нарушение которого предполагало штраф в 5 000 рублей: якобы это мешает работе дворников. Нам не известно, применялся ли этот закон на практике, в силу его очевидной абсурдности, но можно предположить, каковы были бы нравственные метания работника, который должен был бы отвечать за его соблюдение. Надо сказать, что несколько лет назад этот закон всё же был отменен Мосгордумой. Но и здесь можно предположить, каковы были / не были бы «муки совести» тех «ответственных деятелей», которые его когда-то всё же принимали и применяли.

2. Много аналогичных примеров можно приводить из деятельности инспекторов ГИБДД: неудачно расставленные или давно устаревшие ограничительные знаки (например, оставшиеся после давно законченных ремонтных работ) или сомнительные предпи-

сания лишать водительских прав на совершенно свободных дорогах, когда вынужденно приходится объезжать опасные ямы, но делать это по встречной полосе, и т. п. К сожалению, всё это провоцирует некоторых инспекторов ГИБДД специально «караулить» несчастных водителей, вынужденных совершать такие «нарушения», что нередко заканчивается банальным вымогательством взяток. И это вместо того, чтобы, наоборот, в сложных ситуациях помогать водителям, с одной стороны, не нарушать правила (например, ходатайствовать об установлении знака объезда в таких местах), а с другой стороны, сохранять свой автомобиль, предупреждая их заранее о таких дорожных сложностях. И здесь перед работником стоит нравственный выбор: либо «строго выполнять» сомнительные законы и предписания, либо, всё же, реально заботиться о настоящей дорожной безопасности.

3. К сожалению, немало примеров вынужденного выполнения сомнительных «директивных предписаний» имеется в науке и образовании. О проблемах реформирования науки и образования говорится всё больше и больше [7; 8]. Нередко перед преподавателями вузов и учеными стоит сложный личностный (нравственный) выбор: с одной стороны, усердно выполнять иногда возмутительно абсурдные «предписания», например составлять громоздкие и неудобные для использования учебно-методические комплексы по нелепым и часто меняющимся форматам; заниматься утомительным планированием и громоздкой отчетностью, значительно осложненной «цифровыми» псевдоинновациями, или выполнять требования «взаимопосещаемости», по сути, мешая своим коллегам работать творчески и спокойно, и т. п. Но с другой стороны, невыполнение подобных «предписаний» грозит санкциями (снижением надбавок, осложнением отношений с более «исполнительными» коллегами и начальством, а нередко и увольнением в ходе очередной аттестации или конкурса). О более достойном профессиональном и личностном самоопределении в этих ситуациях будет сказано чуть ниже, но реально многие преподаватели и ученые не выполняют в полной мере такие «предписания» хотя бы потому, что иначе у них просто не останется времени для настоящей, творческой работы. И тогда многие вынуждены имитировать свой «трудого-

лизм», либо подыгрывая руководству (которому тоже часто приходится отчитываться «наверху» по сомнительным критериям успешности деятельности их кафедр, лабораторий и научных отделов), либо «обманывать» коллег и руководителей (например, писать для них нелепые отчеты, часто не соответствующие действительности, и т. п.), которые сами слишком усердно готовы тратить свое время и силы на бесплодную суету, по сути, отказываясь от настоящей научной и преподавательской деятельности или сильно извращая и усложняя ее для себя и других.

4. Лично мы впервые столкнулись с абсурдностью вышестоящих указаний еще в 1980-е гг., когда работали на одном оборонном предприятии. Тогдашнее руководство понимало «эффективную профориентацию», в том числе, и как «агитацию школьников на непрестижные» профессии СГПТУ и самого этого предприятия, куда не очень охотно шли люди из-за плохих условий труда и сомнительных перспектив профессионального развития (в любой организации имеются подобные профессии). Понимая явную неэтичность таких распоряжений, мы реально рассказывали школьникам правду о перспективах обучения в данном СГПТУ и работе по сомнительным вакансиям, т. е. старались поступать честно. Еженедельно мы отчитывались на совещаниях о том, в каких школах проводили такую сомнительную «агитацию», фактически обманывая свое начальство. Позже мы поняли, что начальство прекрасно всё понимало, но прощало нам такой «обман», поскольку мы выполняли «правила игры», т. е. публично не спорили с начальством, так как и начальству приходилось давать отчеты в тогдашние вышестоящие инстанции.

Данный пример показывает, что, во-первых, перед работником нередко возникает выбор: кого обманывать, перед кем «имитировать» свою активность – перед доверившимися клиентами (потребителями, посетителями, обучающимися), перед строгим начальством или перед собственной совестью. Во-вторых, что часто и руководство вынуждено имитировать многие сомнительные директивные указания, но при этом и в своей деятельности и в деятельности своих подчиненных допускает некоторое отступление от такой директивности, и тогда можно даже говорить о «солидарной имитации», в которой участвуют уже несколько понимающих и

поддерживающих друг друга специалистов, включая и руководителей, которые сохранили совесть и профессиональное самоуважение.

7. Модель прогнозирования имитаций ответственности в ситуациях директивных предписаний

Представленные выше рассуждения позволяют предложить вариант модели, отражающей имитации ответственности. Модель образуется на пересечении следующих координат: 1) позиции тех, от кого исходят директивные предписания (на уровне нормативно-правовых документов, традиций и т. п., а также их носителей в лице руководителей, коллег и т. п.), где на одном полюсе – директивные представления о «правильной» работе, соотносимой с просоциальными ценностями, а на другом – искаженные или ошибочные представления о работе, чаще соотносимые с сомнительными ценностями; 2) позиция самого работника, где на одном полюсе – его представления о «правильной» (честной, качественной) работе, а на другом – искаженные представления о работе (часто антисоциальной направленности). На рис. 2 представлено, как проявляются разные варианты имитации ответственности и какие противоречия могут возникать у работника, стоящего перед сложными нравственными выборами, когда ему приходится ориентироваться и выбирать между разными вариантами ответственности с разными уровнями санкций по каждому из этих вариантов.

На представленной модели (см. рис. 2) буквами отмечены следующие позиции самоопределяющегося работника с возможными имитациями своей профессиональной активности. *А* – противоречие между просоциальной направленностью директивных предписаний и искаженными представлениями работника о своем труде. Здесь высока вероятность того, что работник будет имитировать просоциальную ответственность перед носителями директивных предписаний (коллегами, руководством, общественным мнением и т. п.). Заметим, что данная модель совсем не исключает ситуации, когда и директивные предписания могут быть полезными и разумными. *В* – представления о «хорошей» работе работника и его руководителей (коллег и других носителей директивных предписаний) совпадают, но даже и в этом случае возможны имитации, когда направленность работника, т. е. его истинные ценности носят анти-

общественный характер, и даже просоциальная трудовая активность такого работника будет не до конца искренней. С – представления и работника, и носителей директивных предписаний совпадают. Имитации ответственности здесь минимальны. Но если над ними (и работником, и его руководством) стоят какие-то более влиятельные люди (или силы – в виде нормативных актов и т. п.), требующие более качественной и честной работы, то да-

же в этом случае возможны имитации хорошей, просоциальной работы. D – явное противоречие между ориентацией работника на честный труд и директивными указаниями, ориентированными на сомнительную (в крайних случаях – и на антисоциальную) работу. В подобных случаях работник может отказаться от своих представлений о «честной» работе, но может и имитировать согласие с директивными предписаниями.

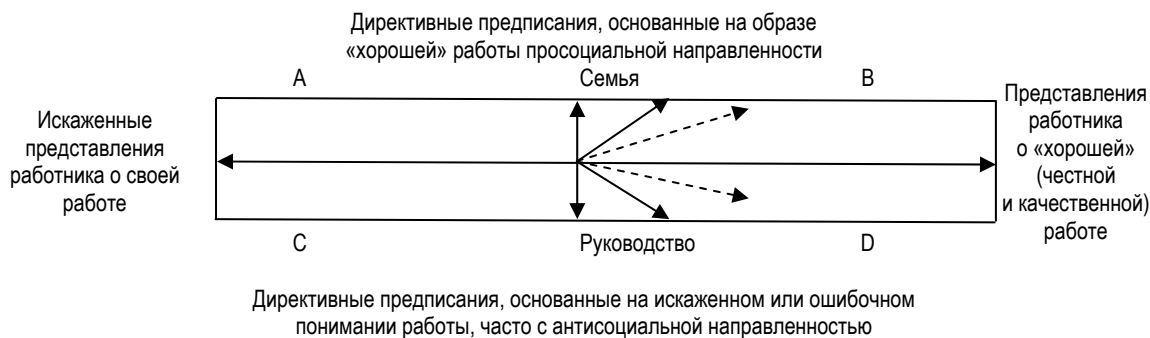

Рис. 2. Модель прогнозирования имитаций ответственности:

→ – направленность на адресатов ответственности (перед кем человек готов отвечать), где величина стрелки отражает степень значимости данного «адресата»; - - → – представления человека о возможных санкциях со стороны данного адресата, где величина такой стрелки отражает силу этих санкций (страх человека перед такими санкциями); A, B, C, D – возможные варианты имитаций (пояснения смотри в тексте)

Также на рис. 2 показан пример противоречия между приоритетными, по сравнению с другими «адресатами», ориентациями работника на интересы «семьи» и «руководства». С учетом более выраженной ориентации работника на авторитет «руководителя» и его страхом перед более реальными санкциями со стороны «руководителя» (на рис. 2 это пунктирная стрелка, сопровождающая ориентацию на «руководство», более длинная, чем при опасении санкций со стороны «семьи»), можно предположить, что работник будет ориентироваться на сектор D, отражающий противоречие между просоциальной ориентацией руководителей и частичной просоциальной ориентацией работника. При этом на рисунке показано, что просоциальная ориентация работника совпадает и с ориентацией на интересы семьи (на рис. 2 это сплошная стрелка, направленная в сектор B), но при меньшем страхе санкций со стороны семьи (на рис. 2 это пунктирная линия, сопровождающая ориентацию работника на «семью» – меньших размеров, чем такая же пунктирная стрелка при ориентации на санкции со стороны «руководства»).

Соответственно, можно предположить, что при такой разнонаправленной ориентации (на интересы «семьи» и интересы строгого «руководства»), доминирующий в сознании работника страх перед санкциями «руководства» будет побуждать его к имитациям исполнения «директивных предписаний», чтобы не испортить отношения с руководителями, и даже чтобы не пострадала его семья в случае недовольства начальства, а может, и его настоящая работа (когда даже имитации создают возможность для настоящей трудовой деятельности – подробнее об этом см. ниже). Более подробный анализ подобных ситуаций можно было бы проводить и с использованием схемы модели разведения «ответственности» с другими близкими понятиями, представленной на рис. 1, которая позволила бы более четко обозначить и возможные состояния работника – страх, осторожность, ответственность и безрассудство (безответственность), – побуждающие его к тем или иным имитациям. Понятно, что данная модель не может отражать всех особенностей и факторов, провоцирующих те или иные имитации ответственности.

Если продолжить доработку представленной выше модели, то по каждой позиции –

A, B, C и *D* (см. рис. 2) – можно выделить следующие варианты действий работника: 1) адаптироваться к требованиям директивных предписаний, выполнять их и даже не сожалеть об этом, т. е. принять всё на личностном уровне (понятно, что это не предполагает имитаций, так как в этом случае работник и внешне, и внутренне солидарен с этими предписаниями); 2) внешне выполнять предписания, т. е. не идти на обострение, но внутренне протестовать (в этом случае можно говорить о внутренней имитации, что во многом обеспечивает и самоуважение работника, особенно в ситуациях, когда реально сложно что-то изменить на своей работе к лучшему); 3) открытый протест и нежелание подстраиваться под сомнительные директивные предписания (это не предполагает имитаций, но чревато серьезными санкциями, вплоть до увольнения с работы, что не всегда бывает конструктивно, тем более, что в последнее время слишком много примеров бездарного и безответственного топ-менеджмента, и это, судя по всему, надолго); 4) имитация ответственности, соответствующей требованиям директивных предписаний, но при этом поиск возможностей выполнять работу честно и качественно (в соответствии с представлениями самого работника), что иногда бывает возможным при «правильной» отчетности.

В последнем случае повышается вероятность сохранения совести работника, основанной на честном исполнении своих обязанностей перед клиентами, потребителями, заказчиками, а иногда и перед непосредственными руководителями, которым также приходится отчитываться по сомнительным форматам отчетности и т. п. Таким образом, ответственность как бы переносится с неадекватного «адресата», ориентированного на сомнительные или даже антисоциальные ценности – на других «адресатов», ради которых и осуществляется та или иная профессиональная деятельность (потребителей, посетителей, клиентов, заказчиков, обучающихся и т. п.). Понятно, что здесь речь идет о вариантах имитации ответственности, соотносимых с сектором *D* на рис. 2.

8. Имитации личностной и профессиональной ответственности в контексте представлений о развитии личности профессионала

Сама идея имитации профессиональной деятельности в условиях сомнительных ди-

рективных предписаний во многом соответствует реалиям трудовой жизни. Особенно остро проблема имитаций ответственности стоит в творческих видах деятельности, когда сложно оценить их подлинную эффективность, что порождает, с одной стороны, стремление высоких начальников всё регламентировать и этим вообще парализовать творчество, а с другой стороны, провоцирует и нездоровые стремления ряда творческих специалистов извращать свое творчество, спекулируя на нечетких критериях эффективности своего труда. Например, применительно к образованию и науке, известный естествоиспытатель Г. Селье пишет о неизбежности «определенной степени компромисса» в научно-преподавательской деятельности, что в итоге и «обеспечивает его всем необходимым для работы» [25, с. 220].

Если обратиться к пониманию сущности любого профессионального труда, то она сводится к решению проблем. Здесь можно использовать понятие «эргатическая функция» (от др.-греч. «эргос» – «труд», т. е. трудовая), которую Е. А. Климов определял как «любое уменьшение неопределенностей связи элементов в эргатической системе» [26, с. 49–57]. Если рассматривать противоречия, связанные с разным пониманием труда носителями директивных предписаний и самим работником, который вынужден часто идти на определенные компромиссы (по Г. Селье), то разрешение таких противоречий («неопределенностей» – по Е. А. Климову) становится важнейшей чертой развитого и ответственного специалиста. Более того, такую способность следует постепенно (и осторожно) формировать еще у студентов, а может, и закладывать в программы профориентационной работы со школьниками, чтобы они понимали неизбежность таких компромиссов на разных этапах своей карьеры и будущей трудовой деятельности. Если же говорить о перспективах профессионального развития, то на высших уровнях у многих специалистов вырабатывается «индивидуальный стиль трудовой деятельности», также во многом предполагающий не только адаптацию к работе, но и развитие взаимосоответствия человека и его деятельности, а иногда и подстраивание работы под себя, чтобы было удобнее достигать более высоких результатов. Но такое творческое отношение к своему труду нередко предполагает и некоторый отход от существ-

вующих инструкций, когда ответственный работник, как отмечает А. К. Маркова, «выходит за пределы требований профессии и обогащает ее» [2, с. 142]. Хотя такая творческая позиция и предполагает некоторую имитацию нормативных требований работы, но часто руководители прощают это (дают «привилегию») особенно эффективным работникам, которые как бы перерастают существующие ограничения и предписания.

Интересно, что Г. Селье осуждает некоторых талантливых студентов, которые, видя нелепости организации образования в американских университетах, пытаются наводить там порядки и часто оказываются отчисленными. Главная беда этих студентов в том, что они перепутали цели, и вместо того, чтобы получить образование и диплом, пытаются «сделать невозможное», т. е. даже будучи и умными, и старательными, они не сумели для себя выделить приоритеты, так как оказались не гибкими, не способными к компромиссу, или к имитации своей лояльности по отношению к университетским глупостям и безобразиям. Подытоживая свои размышления, Г. Селье отмечает, что «они и в науке будут бесплодны», так как не способны будут выделять для себя значимые цели и не размениваться по мелочам на пути к этим целям [17, с. 53–54].

Учитывая огромные масштабы сомнительных директивных предписаний в творческих сферах труда, и особенно в образовании и науке [7; 8; 18], можно предположить, что сама жизнь заставляет развивать «параллельную» науку. Такая наука предполагает, что ученые, университетские преподаватели и их по-настоящему ответственные руководители, вместе с творческими студентами и аспирантами, чтобы не утратить свою квалификацию и не растранижить ее в «околонаучной» бюрократической суеде, станут, с одной стороны, поддерживать (или «подыгрывать») своим руководителям, чтобы имитировать ожидаемую от них «наверху» активную деятельность (показной «трудоголизм»), но, с другой стороны, находить время и силы для настоящего творчества. Тем более, что много примеров, показывающих, что далеко не все руководители, включая и некоторых министерских работников, бездумно готовы к реализации сомнительных высочайших «директивных предписаний» и по возможности минимизируют вред от них, как бы создавая на своих должностях своеобразное «прикрытие»

для творчески ориентированных коллег. Если же говорить о коллективных вариантах имитации ответственности, то в любых научных и преподавательских коллективах всегда отыщутся люди, готовые дополнительно взять на себя сомнительную бюрократическую нагрузку, освобождая своих коллег для настоящей работы. По нашему мнению, таких самоотверженных специалистов, особенно в наше непростое («нелегкое») время, надо особо ценить и по возможности дополнительно поощрять и морально, и материально [4, с. 232–233].

Могут возникнуть сомнения, что перенос имитаций, а по сути – «обмана», с клиентов, заказчиков, покупателей, обучающихся и т. п. – на самих носителей сомнительных директивных предписаний может повредить самоуважению работников, особенно представляющих творческие профессии, с развитым чувством собственного достоинства и ответственности за свой труд. Мы считаем, что именно ответственность перед людьми, ради которых они и работают, а не перед начальством, контролерами и всей системой, допускающей сомнительную директивность, как раз и оправдывает этих совестливых работников, раз уж не удастся сразу изменить такую систему. И сама минимизация вреда в данном случае может рассматриваться как вариант «разумных компромиссов» (по Г. Селье), пока, к сожалению, неизбежных и даже необходимых, если совестливый работник вообще не отказывается от своей профессиональной деятельности из опасений, что вдруг ему придется делать сложный нравственный выбор. Здесь можно вспомнить и рассуждения Э. Шострома о «человеке-актуализаторе», который, видя, что им манипулируют (заставляя делать то, что ему как-то претит, противоречит его убеждениям и ценностям), иногда готов и «подыграть» манипуляторам, что в итоге позволяет ему не только решать свои задачи «по совести» и не портить с манипуляторами отношений, но и сохранять себя как личность [27].

Также о допустимости манипуляции и обмана в некоторых жизненных и профессиональных ситуациях, например, чтобы не обидеть кого-то горькой правдой или когда приходится решать деловые вопросы с людьми, не способными взять на себя дополнительную ответственность и проявить инициативу (по глупости или из страха), говорит и Ч. В. Форд

в своей книге «Психология обмана» [28]. Недаром Себастьян Бран писал: «Мы лезть и ложь прикончить можем, лишь только глупость уничтожим». Можно вспомнить и «ложь во спасение», когда, например, сомнительной становится «правда предателя», общающего врагам о том, где прячутся от преследований (от насилия, от рабства и т. д.) женщины и дети, и т. п. Но следует прислушаться и к словам Марка Твена: «Не расходуйте ложь попусту, откуда Вам знать, когда она и впрямь может Вам пригодиться». И всё же, вынужденные имитации ответственности в контексте данной статьи – это не совсем ложь, это скорее «подыгрывание во благо» тем пока еще влиятельным и даже «респектабельным» людям, которые сами готовы обманываться и этим пытаются обманывать других, но с которыми приходится выстраивать деловые, а иногда и неформальные, личностные отношения. Таким образом, имитации ответственности совестливого работника – это, скорее, гибкое компромиссное поведение, совершаемое «ради правды» (блага для конкретных людей и общества), ради сохранения репутации и самого смысла многих общественно-полезных профессий.

9. Выводы

Проведенный анализ проблемы имитации личной и профессиональной ответственности позволил сделать следующие выводы:

1. Сама ответственность определяется осознанностью последствий своих действий и поступков, а также альтруистической направленностью личности работника. Это отличает ее от страха, осторожности и безрассудства (безответственности).

2. Высшие уровни ответственности характеризуются готовностью личности выстраивать свою систему нравственных ориентиров и определять приоритетных «адресатов» ответственности (перед кем и за кого держать ответ и от кого получать санкции), но при этом соотнося каждый раз свое этическое творчество с существующими правовыми и моральными нормами.

3. Ответственность характеризуется своей многовекторностью, фрагментарностью (эпизодичностью), ситуативностью и цикличностью. Это вынуждает человека самоопределяться как в поиске «адресатов» ответственности, так и в реализации тех или иных уровней ответственности по каждому адресату. Также это побуждает человека имитиро-

вать определенную ответственность по отношению к тем «адресатам», которые оказываются менее значимыми в его системе ценностей.

4. Сами «директивные предписания» могут быть формализованными (в виде нормативно-правовых актов и норм общественного сознания), вербализованными (в виде «устных указаний» применительно к конкретным ситуациям) или усвоенными работником, когда такие предписания становятся внутренними регуляторами его деятельности.

5. Предложена модель прогнозирования тех или иных вариантов имитаций, в зависимости от соотношения (в крайних случаях и противоречий) представлений о «хорошей» работе со стороны носителей директивных предписаний и со стороны работника, по своему представляющего «хорошую работу».

6. Обоснована идея формирования у специалистов готовности к разумным компромиссам, разновидностью которых являются и некоторые имитации ответственности. При этом показано, что готовность к этим компромиссам, основанная на умении выделять приоритеты в своей основной деятельности, является важным условием эффективности того или иного профессионала и развития его как личности, способной «ради интересов дела» (а также интересов потребителей, клиентов, заказчиков и др.) идти на эти компромиссы.

Примечания

¹ Синонимы к слову ответственность. URL: <https://sinonim.org/s/ответственность> (дата обращения: 19.10.2020).

² Конвенция о правах ребенка: принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 44/25 от 20. нояб. 1989 г.: ратифицирована Постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900759> (дата обращения: 19.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов Е. А. Введение в психологию труда. – М. : Культура и спорт : ЮНИТИ, 1998. – 350 с.
2. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М. : Междунар. гуманит. фонд «Знание», 1996. – 308 с.
3. Фромм Э. Иметь или быть? – М. : Прогресс, 1990. – 336 с.
4. Пряхников Н. С. Психология элиты. – М. : МПСУ ; Воронеж : МОДЭК, 2012. – 320 с.

5. Астен-Тимофеева Л. В., Пряжников Н. С., Румянцева Л. С. Проблема имитации семейного счастья // Журнал практического психолога. – 2015. – № 6. – С. 160–186.
6. Пряжников Н. С. Психология нестабильной семьи: проблемы, парадоксы и немного оптимизма. – М. : МПСУ, 2020. – 164 с.
7. Балацкий Е. В. Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2 (26). – С. 124–149.
8. Пряжников Н. С. Морально-психологическое самочувствие работников высшей школы в условиях «стабильного» реформирования системы образования // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2018. – № 1. – С. 56–64. – DOI: 10.25513/2410-6364.2018.1.56-64.
9. Введение в философию ответственности : моногр / под общ. ред. А. И. Ореховского. – Новосибирск : СибГУТИ, 2005. – 186 с.
10. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., предисл., примеч. И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
11. Лисанюк Е. Н. Ответственность государства и норма прав человека // Философия права и ответственность государства / под ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 224–241.
12. Лисанюк Е. Н. Ответственность и идентичность субъекта // Субъективность и идентичность / под ред. А. В. Михайловского. – М. : Изд. дом НИУ-ВШЭ, 2012. – С. 273–292.
13. Муздыбаев К. Психология ответственности. – 2-е изд., доп. – М. : Либроком, 2010. – 248 с.
14. Пряжников Н. С. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. – М. : Юрайт, 2016. – 365 с.
15. Сычёв А. А. Этика экологической ответственности. – М. : Альфа-М, 2014. – 319 с.
16. Философия ответственности : моногр. / под ред. Е. Н. Лисанюк, В. Ю. Перова. – СПб. : Наука, 2014. – 255 с.
17. Селье Г. Стресс без дистресса. – Рига : Внeда, 1992. – 109 с.
18. Пряжников Н. С. Страх, осторожность и ответственность в деятельности психолога // Журнал практического психолога. – 2009. – № 6. – С. 143–166.
19. Леонтьев Д. А. Экзистенциальная тревога и как с ней бороться // Московский психотерапевтический журнал. – 2003. – № 3. – С. 107–119.
20. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 536 с.
21. Kohlberg L. Education, Moral Development and Faith // Journal of Moral Education. – 1974. – № 4 (1). – P. 5–16.
22. Братусь Б. С. Личность о. Александра Меня и современный кризис общества // Мир психологии и психология в мире. – 1994. – Окт.-дек. – С. 32–37.
23. Алмазова О. В., Баскаков В. Ю., Пряжников Н. С. Представления о бессмертии, рае и аде в контексте приобщения российской молодежи к духовной культуре // Актуальные проблемы психологического знания. – 2019. – № 3–4 (52). – С. 5–26.
24. Пряжников Н. С., Камнева Е. В. Проблема имитации девиантного экономического поведения // Самоуправление. – 2020. – № 3. – С. 362–365.
25. Селье Г. От мечты к открытию. Как стать ученым. – М. : Прогресс, 1987. – 368 с.
26. Климов Е. А. Пути в профессионализм. – М. : МПСИ : Флинта, 2003. – 320 с.
27. Шостром Э. Анти-Каргнеги, или Человек-манипулятор. – Минск : Полифакт, 1992. – 128 с.
28. Форд Ч. В. Психология обмана. – М. : Эксмо, 2013. – 350 с.

Информация о статье

Дата поступления

21 октября 2020

Дата принятия в печать

11 ноября 2020

Сведения об авторах

Камнева Елена Владимировна – кандидат психологических наук, директор Центра научных исследований экономического поведения личности, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: ekamneva@fa.ru.

Article info

Received

October 21, 2020

Accepted

November 11, 2020

About the authors

Kamneva Elena Vladimirovna – Candidate of Psychological Sciences, Director of the Center for Research on Economic Behavior, Associate Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: ekamneva@fa.ru.

Пряжников Николай Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры возрастной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: nsp-22@mail.ru.

Бабанова Елизавета Васильевна – студент 2-го курса магистратуры, помощник руководителя департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: Alcy0ne@mail.ru.

Буянова Светлана Михайловна – старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: svebuyanova@yandex.ru.

Для цитирования

Камнева Е. В., Пряжников Н. С., Бабанова Е. В., Буянова С. М. Имитации личной и профессиональной ответственности в условиях директивных предписаний // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 27–41. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.27-41.

Prjazhnikov Nikolai Sergeevich – Doctor of Pedagogy; Professor of the Department of Age Psychology, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: nsp-22@mail.ru.

Babanova Elizaveta Vasilievna – 2nd Year Graduate Student, Assistant Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: Alcy0ne@mail.ru.

Buyanova Svetlana Mikhailovna – Senior Lecturer of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: svebuyanova@yandex.ru.

For citations

Kamneva E. V., Prjazhnikov N. S., Babanova E. V., Buyanova S. M. Iimitation of Personal and Professional Responsibility under the Terms of the Directives. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp. 27-41. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.27-41. (In Russian).

УДК 159.923.2:316.621

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.42-46

Э. Б. Карпова, Е. А. Николаева, В. А. Удалова

ИСПОЛНЕНИЕ САМОИЗОЛЯЦИОННЫХ МЕР В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье приводится анализ различных взглядов на социальную ответственность в современной психологической науке. Рассматривается пандемия COVID-19 как совокупность обстоятельств, подразумевающих актуализацию социальной ответственности граждан в поведении, связанном с выполнением мер по предупреждению распространения инфекции. Анализируется возможная взаимосвязь социально-демографических характеристик и проявления социальной ответственности во время пандемии. Рассматриваются возможные факторы, ограничивающие проявление социальной ответственности в поведении, соответствующем мерам самоизоляции.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; самоизоляция; ответственность; социальная ответственность.

E. B. Karpova, E. A. Nikolaeva, V. A. Udalova

SELF-ISOLATION MEASURES DURING THE COVID-19 PANDEMIC IN THE CONTEXT OF PERSONAL SOCIAL RESPONSIBILITY

In the article we analyze various views on social responsibility in modern psychology. The COVID-19 pandemic is considered as a set of circumstances predisposed to the manifestation of social responsibility in behavior that is associated with compliance with restrictive measures. The possible relationships between social-demographic characteristics and social responsibility during the pandemic are analyzed. Also we consider possible factors which limit social responsibility in self-isolating behavior during COVID-19 pandemic.

Keywords: pandemic COVID-19; self-isolation; responsibility; social responsibility.

В период пандемии COVID-19 наиболее действенной мерой для предотвращения распространения заболевания принято введение режима самоизоляции. Эффективность этой меры может быть достигнута лишь при соблюдении такого режима гражданами. Во многих странах введены меры, внешне регулирующие соблюдение режима – например, штрафы. В психологическом аспекте представляется важным, какие психологические факторы влияют на внутреннюю регуляцию поведения, соответствующего мерам самоизоляции. К таким факторам могут относиться и законопослушность, и боязнь наказания, состояние тревоги, страх заразиться опасным для жизни заболеванием. Не менее важным фактором, способствующим регуляции своего поведения, связанного с соблюдением мер самоизоляции, является проявление социальной ответственности [1; 2].

В психологической науке понятие социальной ответственности рассматривается с разных точек зрения. Так, Л. И. Дементий рассматривает ответственность как личностное свойство [3, с. 6]; С. В. Карпунин пишет о социальной ответственности как о комплексном социальном явлении [4, с. 7]. Понятие ответственности рассматривается и как специфический феномен личности, проявляющийся в системе саморегуляции поведения человека [5–8]. Социальную ответственность как соблюдение норм трактовали К. А. Абульханова-Славская [9], А. А. Деркач [10], В. А. Розанова [11]; как признание ценности социального окружения – Л. Берковец, К. Луттерман [12]. Как отмечает Г. И. Кашапова [13], одним из критериев социальной ответственности являются ролевые обязанности и социальные отношения, их

обуславливающие, т. е. объектом социальной ответственности автор называет социальные нормы и ролевые функции, а субъектом – самого человека. А. А. Артамонова отмечает, что возникновение социальной ответственности возможно при условии предварительного предъявления к поведению людей определенных требований, сформулированных в устном или письменном виде – это объективный фактор социальной ответственности. Однако соблюдение данных норм невозможно и без субъективного фактора социальной ответственности – свободы воли человека, которая предстает как отношение индивида к общественным интересам с точки зрения правильного понимания и выполнения им своих обязанностей, вытекающих из социальных норм [14, с. 19]. Активную, субъективную роль человека как носителя ответственности подчеркивает и И. А. Панарин, который отмечает в ней добровольный «отклик на социальные проблемы в соответствии с социальными нормами, ценностями, особенностями субкультуры и моральными обязанностями» [15, с. 36]. Таким образом, функция ответственности как социальной категории состоит в активизации социального поведения человека в соответствии с принятыми в обществе ценностями, нормами или требованиями.

Важным в связи с этим представляется, насколько ответственность проявляется в его реальном поведении, а не только в оценке себя, своих действий в гипотетических ситуациях – дистанцируется ли человек психологически от происходящих в его жизни событий или, наоборот, включается в них. Чувство ответственности предполагает переживание своей индивидуальной значимости, ощущение личного контроля над происходящими событиями [16, с. 119]; т. е. даже сформированная как устойчивая характеристика личности, ответственность реализуется не во всех жизненных ситуациях, а лишь в тех, в которых человек ощущает возможность что-то изменить.

Введенный режим самоизоляции, делегирующий гражданам ответственность по его соблюдению, является моделью ситуаций, в которых проявление социальной ответственности востребовано объективно, и есть соответствующие условия для реализации ответственного поведения. Вместе с тем возложение на себя ответственности за распространение вирусной инфекции сопряжено с рядом

существенных неудобств, изменяющих качество жизни человека, что может препятствовать реализации активного ответственного поведения. Кроме того, в ситуации пандемии многие столкнулись с обилием разнородной информации, распространяемой в СМИ и социальных сетях, которая позволяет трактовать введенные меры как ненужные, а саму проблему пандемии как преувеличенную или вовсе не существующую. Такая размытость транслируемых норм дает возможность несоблюдения режима даже людям со сформированной социальной ответственностью. Таким образом, ситуация пандемии включает и объективный фактор социальной ответственности, выражающийся в предъявляемых населению требованиях Роспотребнадзора, и субъективный, предполагающий не только принятие предписанных норм и осознания собственного вклада в возможный сценарий событий, но и необходимость реализации принятой на себя ответственности в своем поведении.

Нами было выдвинуто предположение, что соблюдение самоизоляционных мер может быть связано с проявлением социальной ответственности, поскольку ситуация пандемии предполагает необходимость сплоченности общества для борьбы с вирусом, что невозможно без осознания индивидом своей ответственности за происходящее и желания индивида проявить свою ответственность в данной ситуации.

Социальную ответственность в нашем исследовании мы понимаем как заботу о здоровье в обществе, а под **осознанием своей ответственности** – представление о личном вкладе в картину распространения заболевания.

Мы провели исследование, в котором попросили участников ответить на вопросы об изменениях в образе жизни в период самоизоляции и о соблюдении рекомендованных мер самоизоляции. Для этих целей была разработана анкета, включающая в себя вопросы, раскрывающие интересующие аспекты психологического состояния населения во время пандемии, их отношение к условиям самоизоляции, а также социально-демографические характеристики респондентов.

Исследование проводилось в конце апреля 2020 г. (через 2 месяца после начала введения строгих самоизоляционных мер) с помощью гугл-опросника, размещенного в различных социальных сетях. В нашем ис-

следования приняли участие 449 человек (в возрасте от 12 до 79 лет, 80 % – женщины), средний возраст выборки составил 30 лет ($\pm 12,2$). Не имеют детей 71,5 % выборки; у 18,4 % есть несовершеннолетние дети; у 10,2 % все дети достигли совершеннолетия.

Указали, что соблюдают самоизоляционные меры, 83,1 % участников, однако при рассмотрении их фактического поведения оказалось, что лишь 2,9 % из них находились исключительно дома; 62,5 % выходили в случае вынужденной необходимости (в магазин, на прогулку с питомцами, на работу); 26,3 % гуляли около дома или на дальние расстояния; 8,3 % навещали гости, т. е. фактически не соблюдали самоизоляционных мер.

При этом среди 16,9 % указавших о несоблюдении режима самоизоляции 27,6 % выходили из дома в случаях вынужденной необходимости (магазин, работа); 31,6 % гуляли у дома или на дальние расстояния; 40,8 % ходили в гости.

На вопрос, могут ли респонденты что-то сделать для того, чтобы препятствовать распространению COVID-19, 92,9 % участников ответили утвердительно, т. е. выказали готовность взять на себя ответственность за происходящее. При помощи таблиц сопряженности мы установили, что осознание своей ответственности за происходящее (под которым мы понимаем представление о личном вкладе в распространение вируса) положительно связано с соблюдением режима самоизоляции ($\chi^2 = 30$; $p = 0,00$). Согласно результатам сравнительного анализа, осознание своей ответственности не зависит ни от возраста, ни от наличия детей и способа проживания – с семьей (партнером) или одиноко.

Таким образом, несмотря на то, что большинство участников опроса считали, что соблюдают самоизоляционные меры и что могут повлиять на распространение инфекции, в реальном поведении по осуществлению режима самоизоляции не все респонденты соблюдали его в полной мере.

Статистически достоверных различий по полу, возрасту между группами с разной степенью самоизоляции обнаружено не было. Вместе с тем оказалось, что родители несовершеннолетних детей чаще нарушали самоизоляционные меры для выхода на прогулку у дома или на дальние расстояния ($\chi^2 = 14,6$; $p = 0,02$).

Ответы респондентов на вопрос о мотивах соблюдения самоизоляции распределились следующим образом:

- необходимо придерживаться мер самоизоляции для заботы о себе и об окружающих – 82,2 %;
- необходимо придерживаться мер самоизоляции для заботы о других людях – 8,7 %;
- необходимо придерживаться мер самоизоляции для заботы о себе – 6,2 %;
- мер самоизоляции придерживаться не нужно – 2,9 %.

При этом качественный анализ осознанных мотивов, лежащих в основе соблюдения / несоблюдения режима самоизоляции, позволил получить более широкий спектр содержательных описаний обоснования своего поведения респондентами.

Причины, по которым граждане соблюдают режим самоизоляции (ответы на открытый вопрос: «Почему Вы соблюдаете / не соблюдаете режим самоизоляции?»), можно подразделить на несколько смысловых групп:

- *социальная ответственность* («не хочу подвергать опасности своих близких, себя, остальных граждан, нагружать медиков», «не хочу заразить других», «не хочу быть виновником чьей-то смерти», «потому что я социально ответственная», «уважаю других людей») – 16,5 %;
- *индивидуальная* («чтобы не попасть под административную ответственность», «не хочу болеть», «боюсь штрафа») – 12 %;
- *забота о близких* («не хочу заразить бабушку», «живу с пожилым человеком») – 9 %;
- *ресурсная* («есть возможность», «нет необходимости его нарушать», «нечем будет заплатить за штраф») – 4 %;
- *эмоциональная* («боюсь вируса», «боюсь умереть») – 4 %;
- *психологическая* («берегу свое психическое здоровье», «так спокойнее», «в удовольствие сидеть дома») – 3,5 %;
- *по медицинским показаниям* («я в группе риска») – 2 %;
- *субъективное ощущение отсутствия выбора* («меня не спрашивают», «всё закрыто, ходить некуда», «это судьба») – 1 %;
- *религиозная* («береженого бог бережет») – 1 %.

Наиболее часто встречается констелляция первой и второй групп («не хочу заразиться сам и заразить других людей») – 47 %.

Причины несоблюдения режима самоизоляции объясняются через аналогичные смысловые единицы, однако отмечаются некоторые особенности. Так, встречается недоверие информации из СМИ («новости – это бред», «не нашла подтверждения, что режим самоизоляции необходим и эффективен», «не верю в эффективность режима»), личные убеждения («я не в группе риска, меня это не касается», «тому, кому надо умереть, умрет», «гулять необходимо, чтобы был хороший иммунитет», «от судьбы не убежишь»), обращение к потребностям («тяжело сидеть дома», «прогулка до дальнего магазина – необходимое развлечение; желание встретиться с любовником раз в неделю», «полная изоляция плохо влияет на мое психическое здоровье», «потребность в движении и свежем воздухе»).

Важным также представляется, что для респондентов, не соблюдающих режим самоизоляции, наряду с причинами, которые называют соблюдающие режим, характерны высказывания о недоверии сведениям из СМИ. Можно предположить, что если бы для них были убедительными аргументы необходимости рекомендованных мер, могла бы проявиться их социальная ответственность за распространение эпидемии [1]. Полученные результаты подтверждают теоретические представления о том, что социальная ответственность реализуется тогда, когда, по мнению человека, он может повлиять на ситуацию [6].

Несмотря на то, что большинство респондентов (92,9 % выборки) продемонстрировали «осознание своей ответственности» и была получена статистически достоверная связь между представлением о личном вкладе в картину распространения вируса SARS-CoV-2 и соблюдением мер самоизоляции, полученные в нашем исследовании данные позволяют утверждать, что осознание своей ответственности не является гарантией ее проявления в реальном поведении, связанном с выполнением самоизоляционных требований. Более того, только 16,5 % респондентов проявили «социальную ответственность», как она понималась в этом исследовании, т. е. проявление заботы о здоровье общества – сограждан, медиков. Вместе с тем оказалось, что 9 % респондентов считают, что несут ответственность за своих близких, в том числе входящих в группу риска, 12 % полагают, что ответственны за собственное здоровье.

Полученные результаты могут говорить о значимости волевого фактора для проявления ответственного поведения. Мы объясняем полученные данные также тем, что социальная ответственность отдельных лиц может не проявляться в связи с наличием множества различных взглядов на саму ситуацию пандемии. Такая неоднозначность информации, транслируемой СМИ, создает возможность для отношения к самоизоляционным мерам как к чрезмерным или ненужным. Кроме того, социальная ответственность может проявляться в виде поведения, не соответствующего заявленным требованиям самоизоляции, по причине отсутствия юридического закрепления понятия «режима самоизоляции», что позволяет неверно соотносить свое поведение с действительным соблюдением мер по самоизоляции.

Изменившиеся спустя полгода с начала пандемии требования к населению, касающиеся соблюдения мер, направленных на предупреждение распространения коронавирусной инфекции, – сместившиеся с самоизоляции на соблюдение масочного режима, а также сохраняющийся рост заболеваемости во всем мире определяют необходимость дальнейшего изучения социальной ответственности граждан как ресурса борьбы с COVID-19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Everett J., Colombatto C., Chituc V., Brady W. J., Crockett M. The effectiveness of moral messages on public health behavioral intentions during the COVID-19 pandemic. – March, 2020. – 23 p. – DOI: 10.31234/osf.io/9yqs8.
2. Oosterhoff B., Palmer C. A. Psychological Correlates of News Monitoring, Social Distancing, Disinfecting, and Hoarding Behaviors among US Adolescents during the COVID-19 Pandemic. – March, 2020. – 20 p. – DOI: 10.13140/RG.2.2.22362.49602.
3. Дементий Л. И. Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2005. – 47 с.
4. Карпухин С. В. Социальная ответственность личности как философская проблема : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2000. – 39 с.
5. Абульханова-Славская К. А. Типология личности и гуманистический подход // Гуманистические проблемы психологической теории. – М. : Наука, 1995. – С. 27–48.

6. Быков С. В. Проблемы психологии ответственности личности. – Тольятти : ВУИТ, 2004. – 213 с.
7. Дементий Л. И. Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2005. – 47 с.
8. Шадрин Н. С. Уровни внутреннего мира человека: проблема связи понятий «ответственность», «саморегуляция» и «отчуждение личности» // Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. – С. 43–47.
9. Абульханова-Славская К. А. Типология личности и гуманистический подход // Гуманистические проблемы психологической теории. – М. : Наука, 1995. – С. 27–48.
10. Деркач А. А. Акмеология. – М., 2004. – 299 с.
11. Розанова В. А. Психология управления : учеб. пособие. – М. : Бизнес-школа Интел-Синтез, 2000. – 387 с.
12. Berkowitz L., Lutterman K. The traditionally socially responsible personality // The Public Opinion Quarterly. – 1986. – Vol. 32. – P. 196–185.
13. Кашапова Г. И. Ответственность как социально-психологический феномен и уровни ее развития // Казанский педагогический журнал. – 2012. – № 1 (91). – С. 110–116.
14. Артамонова А. А. Социальная ответственность личности в современном обществе // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 3 (3). – С. 19–20.
15. Панарин И. А. Психология социальной ответственности лидеров молодежных движений : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2010. – 44 с.
16. Платонова А. В., Кашин Д. О. Заместительные нравственные переживания в дискурсе о коллективной нравственной ответственности // Вестник науки Сибири. – 2015. – № 1 (16). – С. 118–125.

Информация о статье

Дата поступления

29 октября 2020

Дата принятия в печать

11 ноября 2020

Сведения об авторах

Карпова Эльвира Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.karpova@spbu.ru.

Николаева Екатерина Андреевна – студент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: nik.kate.kot@yandex.ru.

Удалова Виктория Александровна – студент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: udalovaviktoria97@gmail.com.

Для цитирования

Карпова Э. Б., Николаева Е. А., Удалова В. А. Исполнение самоизоляционных мер в период пандемии COVID-19 в контексте социальной ответственности личности // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 42–46. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.42-46.

Article info

Received

October 29, 2020

Accepted

November 11, 2020

About the authors

Karpova Elvira Borisovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: e.karpova@spbu.ru.

Nikolaeva Ekaterina Andreevna – Student of the Department of Psychology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: nik.kate.kot@yandex.ru.

Udalova Viktoria Alexandrovna – Student of the Department of Psychology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: udalovaviktoria97@gmail.com.

For citations

Karpova E. B., Nikolaeva E. A., Udalova V. A. Self-Isolation Measures During the COVID-19 Pandemic in the Context of Personal Social Responsibility. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp. 42–46. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.42-46. (In Russian).

УДК 159.9+330.3

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.47-52

О. А. Москвитина

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ*

В статье рассматриваются особенности ответственности личности в контексте цифровизации ее жизнедеятельности. Ответственность личности анализируется в диапазоне от повседневной, личной до исторической. Приводятся примеры возникающих ограничений и сложностей для проявления ответственного поведения в цифровом мире. Акцент делается на свободе как главном условии для реализации ответственного поведения личности в цифровом мире.

Ключевые слова: ответственность; поведение; цифровизация; жизнедеятельность; личность; свобода.

О. А. Moskvitina

DIGITALIZATION OF LIFE AND ACTIVITY: FEATURES OF RESPONSIBLE BEHAVIOR OF INDIVIDUAL

The article discusses the features of personal responsibility in the context of digitalization of its life and activity. Personal responsibility is analyzed in the range from everyday responsibility to historical. Examples of emerging limitations and challenges for responsible behavior in the digital world are given. The emphasis is on freedom as the main condition for the implementation of responsible behavior of the individual in the digital world.

Keywords: responsibility; behavior; digitalization; life activity; individual; freedom.

Переход к новому технологическому укладу, наступление новой информационной эпохи в истории человечества влечет для людей, проживающих в местах, куда «ступила нога» цифровых технологий, значительное изменение их жизнедеятельности. Изменения эти связаны с наступлением в экономическом развитии современного общества четвертой промышленной революции, технологии которой основаны на искусственном интеллекте, созданном благодаря интеллекту естественному [1].

Виртуализация жизнедеятельности, «сращивание» психического с цифровой средой кардинально меняет окружающий человека мир, предъявляет к нему требования, которые зачастую он не может выполнить в силу того, что эти требования для большинства людей находятся за пределами их физических, пси-

хологических и моральных возможностей. Происходит нарушение экологии человека, погружение его в мир, физически не существующий, но определяющий всё сильнее его жизнь. Примером этому может служить паника, более 20 лет назад охватившая часть компьютеризованного мира: в преддверии миллениума пользователи были переполнены мрачными ожиданиями программных сбоев (связанных с переходом в новое тысячелетие) на своих виртуальных устройствах [2].

Исследователи отмечают, что, с одной стороны, происходит постепенное, но неуклонное исключение людей из производств и системы управления через применение технологий «умного города», «интернета вещей» и др. [3; 4], а с другой – у человека, находящегося в технологической среде,

* Работа выполнена в рамках госзадания «Структура и виды поведения современных школьников с разными уровнями психологического благополучия в цифровой среде» Рег. № НИОКТР АААА-А20-120060490048-8.

например на определенных платформах, есть возможность формировать так называемое «дружественное» окружение для достижения своих целей [5]. Перемещение в виртуальный мир человека, а вернее, в большей степени его личностного начала, приводит к тому, что всё то, что составляет его содержание: активность, убеждения, предпочтения, представления, особенности мировоззрения и пр., – оцифровывается, становится частью так называемого «цифрового профиля», или «аватара». Избыточная публичность и/или отрыв от реальности, от живого общения и практики жизни не может не деформировать человека. И причиной тому может стать страх неуспешности и несостоятельности, желание социального одобрения или, напротив, стремление к резонерству и противопоставлению себя другим, а также самоцензура – «как бы чего лишнего не обнародовать» и т. д. Цифровой мир, мир виртуальной реальности и современные способы передачи информации, обладая не антропогенной, но машинной природой, влияют на человеческие представления о возможном, допустимом и целесообразном [6]. Для совладания с этим невозможным цифровым миром был создан «культурный интерфейс», приспособляющий мир битов и байтов к человеческому восприятию, создавая у обывателя иллюзию контроля над ним. Примером культурного интерфейса является рабочий стол на мониторе компьютера с его понятными «папками», «корзинами» и пр. [2]. Однако такое «приручение» цифровых «джунглей» весьма иллюзорно: примером тому может стать еще одно проявление виртуальной реальности – искусственный интеллект, который проникает в частную жизнь, и никто не может сказать, насколько глубоко это проникновение [7]. В связи с этим особенно остро встает вопрос о такой имманентно присущей человеку черте, как стремление обладать чем-то своим, собственностью: проблема не только «пиратства» и нарушения авторских прав [8], но и доступности для злоумышленников цифровых документов, их подделка, отсутствие должного надзора за проникновением в цифровые хранилища и, как следствие, утрата прав не только на интеллектуальную собственность, но иногда и на вполне реальную, физическую. Но более тревожным на сегодняшний день является слабая законодательная база, регулирующая взаимоотношения между человеком и «циф-

рой». Особенности последствий от воздействия искусственного интеллекта на человеческую жизнь создают риски и угрозы [9]; у «цифры» больше «прав», чем у человека, который вынужден цифровыми технологиями пользоваться [10], возникает предпосылка доминирования искусственного интеллекта над разумом человека [3]. Здесь невольно вспоминается фантастический рассказ Фредерика Чиландера «Судебный процесс», особенно его плачевный финал¹.

Цифровизация влияет не только на судьбы отдельных личностей, но и на общество в целом. Возникают явления так называемого цифрового неравенства и разделения людей по принципу доступности для них новейших технологий, устройств, сети «Интернет», а также навыков их использования. Люди, лишенные в силу разных причин «цифровых благ цивилизации», не вовлечены в изменяющиеся под влиянием технологий коммуникацию и поведение, восприятие и мышление, образование и профессионализацию и в целом – мировоззрение и уклад жизни [11]. Происходит вытеснение живого опыта, поколенческий разрыв усугубляется [12].

Видимые изменения мира, обусловленные цифровизацией жизни человека, связаны, во-первых, с открытостью данных и исчезновением анонимности, что провоцирует всякого рода манипуляции и мошенничества, во-вторых, с изменением привычек потребления, что влияет на количество времени, отведенного на досуг, его формы и пр., в-третьих, с изменением форматов обучения и его содержания, в-четвертых, с заменой личности аватаром и с изменением процессов идентификации и социализации, в-пятых, с коммуникативным сближением людей из разных культур, с их интеграцией, а также с познанием нового, в-шестых, с изменением применения языка, которое влечет за собой изменение культуры устной и письменной речи, изменение смыслов и значений языковых единиц [11].

Передавая контроль, а во многом и ответственность за себя цифровым технологиям, созданным и регулируемым ИТ-компаниями, человек постепенно отчуждается от многих значимых областей жизни, не только в широком социальном контексте, но даже в личном, приобретая взамен комфорт и удобство. Человек, привыкший жить в физическом мире, где есть и явное, и тайное, редко удерживает в сознании тот факт, что любые его

действия в виртуальном мире оставляют нестираемые и недоступные для его воздействия «цифровые следы», хранящиеся в его «информационном досье» – всё то, чем «питается и живет» искусственный интеллект – так называемые «большие данные» (Big Data) [7]. Всё окружающее и сама жизнь становятся переработанной информацией, но самое важное заключается в том, что не только обыватель создает и предоставляет информацию о себе, своих привычках и предпочтениях, особенностях поведения, об окружении и связях, но и информация извне воздействует на него, направляя и ограничивая свободу его выбора, а следовательно, и его ответственность. Так, на сегодняшний день общественности представлены разоблачения манипуляций характером преподносимой пользователям информации корпорациями Google (из поисковых запросов) и Facebook (из новостной ленты) [4].

Еще одним примером может служить сфера образования: ее качество, объем и доступность, которые определяли и будут определять жизнедеятельность человека и в современных цифровых условиях. Исследователи указывают, что существует проблема так называемого разделения обучения, которую следует анализировать, задавая три вопроса: во-первых, о том, кому будет дозволено обладать знанием и кто уже им обладает, во-вторых, о том кто принимает управленческие решения о том, кому будет дозволено знать, и, наконец, в-третьих, о том, каков источник власти, который решает вопрос о распределении образования [4]. Человек, ограниченный своими базовыми потребностями, не имеющий полноценной картины мира, оказывается ограниченным и в свободе принятия решений, и в возможностях осуществления своих намерений этими рамками, а следовательно, и пространство его ответственности становится значительно меньше [13].

В психологической науке понятийное поле, связанное с ответственностью, включает в себя компоненты «чувство», «отношение», «действие», «поступок», «поведение» [14] и «черта личности» [13]. Ответственность соотносится с волей, исполнительностью, выполнением обязательств в разных сферах жизнедеятельности. Движущей силой ответственного поведения, как любого другого, является мотивация (внешняя или внутренняя), определяющая его качественные характеристики [14]. Однако внешняя мотивация

теперь опосредуется интеллектуальным алгоритмом, представляющим собой средство для фильтрации базовых оснований культуры, т. е. всё, что «должно», и всё, что «ценно», становится средством направления туда, где выгодно для кого-то, кто определяет, в терминологии Ш. Зубофф: «Кто знает?» и «Кто решает?» [4].

Всё вышесказанное становится основой для развития повышенной ответственности [11], с одной стороны, и заставляет задуматься о ситуации риска и опасностей, исходящих от технологических новшеств [6], – с другой.

Ответственность разными исследователями определяется в диапазоне от поведенческой, личностной, экзистенциальной [15] и неситуативной [16] до социальной и исторической. Ответственность раскрывает особенности отношения человека к своим поступкам и их последствиям и готовности за них отвечать [17] как тому, кто их причинил и создал, она является основой для принятия осознанных решений. Готовность нести ответственность характеризует личность, которая достигла определенного уровня зрелости, обладающая готовностью к неситуативной ответственности. Исходя из того, что ответственность как личностное качество непосредственно является критерием личностной зрелости, люди, у которых развита неситуативная ответственность, обладают высоким уровнем самопознания и самореализации, больше задумываются о будущем [16]. Помимо повседневной, обыденной ответственности исследователями выделяется в качестве отдельного понятия бытийная, экзистенциальная ответственность, которая понимается как «активное осмысление жизни, принятие ее многоплановости, противоречивости, амбивалентности, способность с учетом данных характеристик управлять жизнью и собственным развитием» [18, с. 724]. Встает вопрос о том, насколько внешние ограничения соотносятся с этим понятием ответственности, а по сути, насколько она соотносится и со свободой выбора, и с возможностью управлять своей жизнью во внешнем плане с учетом современных цифровых ограничений.

В рамках взаимодействия между личностью и обществом ответственность понимается как свойство, позволяющее ему быть успешным в современных социально-экономических условиях [19]. Такое понимание ответственности как успешности в цифровом

мире приобретает особое звучание: самопрезентация в виртуальном пространстве, представление виртуальному сообществу определенного содержания, контента, например с целью извлечения выгоды (материальной или моральной), подвергает ответственность за публикуемое особому испытанию: возникает вопрос о цели публикуемого, о мотивации автора сообщения. С другой стороны, публикуемое конкретной личностью в виртуальной реальности будет иметь не только «персональные» для этой личности последствия в виде потока рекламы, новостей и пр., но средством насыщения искусственного интеллекта своим опытом [4].

Публичность в цифровой среде, вольное или невольное влияние (пусть и не моментальное) на ее содержание усиливает осознание связи между личностью и социокультурной средой, которая является предпосылкой и условием глубокого понимания человеком границ меры возможного, что является ответственностью высшего уровня [13]. В данном контексте речь может идти об исторической ответственности, предполагающей обеспечение шагов групп людей в будущее, и характеризуется уровнем самоопределения целых наций и народов [16]. Механизмом перехода от индивидуальной ответственности к исторической можно считать осознание человеком, личностью своей принадлежности к роду. Осознание и принятие этой принадлежности становится связью между прошлым – предками, их историей, настоящим – собой, своей историей и перспективой – и будущим – своими детьми или деяниями, а следовательно, и расширяет границы ответственности от повседневного, экзистенциального до социального и исторического контекста.

Виртуальная среда, среда социальных сетей «испытывает на прочность» прежде всего социальную ответственность. Возникает вопрос о том, какой она должна быть в новых технологических условиях взаимодействия между людьми, да и жизнедеятельности в целом, когда информационная среда пестрит сообщениями, например, об украденных персональных данных? Известно, что социальная ответственность раскрывает себя в системе отношений и взаимодействий между человеком и тем миром, в котором он существует [13] и включает в себя нормативную и субъективную ответственность, их соотношение; управляется ценностными механизмами

и носит внутренний характер: осознается, принимается и реализуется во благо других и самого себя [20]. Ответить на этот вопрос можно, поняв ценности цифрового мира. Безусловной ценностью является время, но если в реальном мире соотношение времени и ответственности сводится к ее предвосхищению в будущем за решения, принятые в настоящем, осознанию своей ответственности в текущем моменте и ретроспективному осознанию ответственности за то, что было сделано ранее, и те последствия, которые наступили в настоящем времени [15], то в цифровом мире, подчиняющемся экономическим законам, чем ближе время приближается к нулю между возникшей потребностью человека для достижения им цели и удовлетворением этой потребности, тем эффективнее человеческая система [3]. Таким образом, достижение целей и удовлетворение потребностей в своем персонифицированном мире (как непременно условии цифровизации жизнедеятельности) за максимально короткое время становится ценностью. Такая скорость в принятии решений является препятствием анализу возможных последствий, приводит к невозможности отдавать отчет в своих поступках, а следовательно, к невозможности полностью нести ответственность за них.

Новый информационный цифровой мир с избытком представляет поток образов, сюжетов, нередко случайных и обрывочных. Всё это приводит к медианасыщению человека и искажению реального и достоверного представления о мире; человек утрачивает возможность обмениваться опытом «вживую» и способность к саморефлексии [6]. С точки зрения исследователей характеристикой ответственного поведения субъекта является прогнозирование конечного результата своих поступков и предвосхищение наличия на пути его достижения непреодолимых препятствий, которые заставят его, субъекта, отказаться от результата [21]. Но в современных условиях «проблема технологий преломляется как проблема опыта свободы» [2, с. 13]. Изменит ли это ответственность? Вряд ли. Вероятно, по-прежнему ответственность / безответственность будет характеризоваться выполнением / невыполнением взятых на себя обязательств, внешней или внутренней мотивацией, однако контекст ее воплощения будет задавать и рамки ее воплощения. Ответственность предполагает свободу выбора, которая

имеет свои ограничения и меру [13]. Современный мир, непредсказуемый, с постоянно изменяющимися правилами «игры», не поддающимся ни контролю, ни осмыслению, вряд ли может вызвать доверие, а следовательно, и проявление свободного выбора. Можно предположить, что в сложившихся противоречивых условиях у человека может возникать феномен отчуждения моральной ответственности [22]. Следует учитывать, что представления об ответственности сложились еще до цифровых преобразований, однако теперь, когда человек погружен в социальные сети и сервисы, он не вполне может считаться той личностью, которая есть в реальности: личность сосуществует с аватаром, или цифровым двойником, представляющим из себя виртуальный образ, созданный для репрезентации себя другим. Возникает новый формат социально-цифровых ролей, постоянно подтверждаемый в виртуальном пространстве и ожидающий такой же виртуально-символической реакции в виде лайков, смайликов, комментариев.

В условиях ограничений и рисков, по нашему мнению, ответственность современной личности в своем активном, практическом выражении будет для многих людей сворачиваться по направлению от исторической к повседневной, сохраняя свой масштаб лишь в идеальном плане, т. е. в представлениях о том, как должно быть. Но для отдельных людей, готовых действительно, в реальности брать на себя ответственность и нести ее бремя, ее охват не будет сворачиваться, но, возможно, будет расширяться от повседневного контекста к историческому.

Примечание

¹ Чиландер Ф. Судебный процесс / пер. М. Николаевой. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72453&p=1> (дата обращения: 20.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов В. И., Лукьянов И. В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2017. – № 2. – С. 38–48.
2. Галкин Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3 (8). – С. 11–16.
3. Бондаренко В. М. Мировоззренческий подход к формированию, развитию и реализации «цифровой экономики» // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2017. – Т. 13. – № 1. – С. 237–251.
4. Зубофф Ш. Эпоха надзирающего капитализма. Борьба за будущее человечества на грани реальности / пер. С. Катукоев // Семь искусств. – 2020. – № 7. – URL: <http://7i.7iskusstv.com/y2020/nomer7/zuboff/> (дата обращения: 20.08.2020).
5. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63.
6. Александрова Л. Д. Опыт саморефлексии в контексте медиареальности и цифровой культуры // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 9 (419) : Философские науки. – Вып. 49. – С. 90–95.
7. Горбунов А. С. Личность и цифровые технологии в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – № 4. – С. 8–16.
8. Яковлев Л. С. Цифровые технологии в контексте антропологической революции // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3 (8). – С. 52–61.
9. Васильев А. А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия АлтГУ. – 2018. – № 6 (104). – С. 23–26.
10. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 5–17.
11. Лисенкова А. А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 217–222.
12. Москвитина О. А., Кабардов М. К. Особенности межпоколенческих отношений в условиях цифровизация общества // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике : сб. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л. М. Митиной. – М. : Психол. ин-т РАО, 2020. – С. 235–238.
13. Апанасенко О. Н., Малюков С. Г. Ответственность личности и уровень ее социальной ответственности // Царскосельские чтения. – 2013. – Т. II. – № XVII. – С. 159–163.
14. Смирнова А. Р. О структуре ответственности // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Т. 27. – Вып. 4 : Серия Философия. Психология. Педагогика. – С. 464–467.
15. Чумакова Е. В., Лукьянова С. П. Структура ответственности в контексте экзистенциального выбора личности // Психология. Психопсихология. – 2009. – № 18. – С. 37–42.

16. Бутаева У. А. Неситуативная ответственность как важный критерий зрелости // Проблемы современного образования. – 2019. – № 1. – С. 35–40.
17. Селезнёва Е. В. Особенности ответственного поведения у студентов // Акмеология = Астеология. – 2017. – № 1. – С. 18–22.
18. Фризен М. А. Рефлексивные основания экзистенциальной ответственности личности: от осмысления к измерению // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 9 (53). – С. 720–732. – DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-56.
19. Харитоновна И. В., Хорошун М. Э. Особенности взаимосвязи ответственности и мотивации самодетерминации в разные возрастные периоды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12-2. – С. 238–242.
20. Барановская Л. А. К вопросу о ценностной структуре социальной ответственности // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 1. – С. 204–212.
21. Прядеин В. П. Факторная структура воли, ответственности и исполнительности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (22). – С. 19–26.
22. Ледовая Я. А., Тихонов Р. В., Боголюбова О. Н., Казенная Е. В., Сорокина Ю. Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 4. – С. 23–39.

Информация о статье

Дата поступления

29 октября 2020

Дата принятия в печать

11 ноября 2020

Сведения об авторе

Москвитина Ольга Александровна – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Психологического института РАО (Москва, Россия). E-mail: mskvn-lg@yandex.ru.

Для цитирования

Москвитина О. А. Цифровизация жизнедеятельности: особенности ответственного поведения личности // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 47–52. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.47-52.

Article info

Received

October 29, 2020

Accepted

November 11, 2020

About the author

Moskvitina Olga Alexandrovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Psychological Institute of RAE (Moscow, Russia). E-mail: mskvn-lg@yandex.ru.

For citations

Moskvitina O. A. Digitalization of Life and Activity: Features of Responsible Behavior of Individual. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp. 47-52. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.47-52. (In Russian).

УДК 159.942.22

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.53-59

Т. П. Опекина, А. А. Голубева

ПЕРЕЖИВАНИЕ РЕВНОСТИ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ВЗРОСЛЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН*

В статье рассматривается феномен ревности в близких (романтических) отношениях взрослых. Представлены результаты исследования, посвященного изучению переживания ревности взрослых мужчин и женщин в близких отношениях. На основе качественного исследования (интервью) и количественной обработки данных анализируется сила ревности в отношениях у мужчин и женщин. Описываются отрицательные связи силы ревности с компонентами психологического и субъективного благополучия. Приводятся данные о специфических характеристиках романтической привязанности, свойственных взрослым с высокой силой ревности в отношениях: фрустрации, амбивалентности, склонности к «срастанию» с партнером. Описывается, что сила ревности партнеров отрицательно связана с их удовлетворенностью отношениями. Анализируются половые различия в реакциях на ревность, возрастание силы эмоциональных реакций на ревность с увеличением длительности отношений.

Ключевые слова: ревность; сила ревности; близкие отношения; привязанность; удовлетворенность отношениями; психологическое благополучие; субъективное благополучие; реакции на ревность.

Т. П. Опекина, А. А. Golubeva

EXPERIENCING JEALOUSY IN CLOSE RELATIONSHIPS AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF ADULT MEN AND WOMEN

The article examines the phenomenon of jealousy in close (romantic) relationships of adults. The article presents the results of a study on the experience of jealousy of adult men and women in close relationships. Based on qualitative research (interviews) and quantitative data processing, the author analyzes the strength of jealousy in relationships between men and women. The negative connections of the power of jealousy with the components of psychological and subjective well-being are described. The article provides data on the specific characteristics of romantic attachment inherent in adults with a high power of jealousy in relationships: frustration, ambivalence, a tendency to "grow together" with a partner. It is described that the strength of partners' jealousy is negatively related to their satisfaction with the relationship. Sex differences in reactions to jealousy, an increase in the strength of emotional reactions to jealousy with an increase in the duration of the relationship are analyzed.

Keywords: jealousy; the power of jealousy; close relations; attachment; relationship satisfaction; psychological well-being; subjective well-being; reactions to jealousy.

Близкие отношения – это вид межличностных отношений, в которых ключевую роль играют эмоциональная чувствительность, эмпатия, высокая избирательность и относительная устойчивость. Такие отношения основаны на сильных положительных или амбивалентных эмоциях и выражаются в стремлении каждого из партнеров быть уверенным во взаимности чувств [1]. В то же время, не-

смотря на высокую степень значимости, близкие отношения являются контекстом для переживания множества стрессов: конфликтов, измены, деструктивной привязанности, насилия и др. [2]. Близость как психологическая дистанция с Другим связана с высокой уязвимостью партнеров, возможностью травматизации [3].

* Исследование поддержано Министерством высшего образования и науки РФ, проект FZEW-2020-0005.

Потребности партнеров в ощущении собственной ценности в отношениях, а также потребность в надежной и устойчивой связи с партнером характерны для близких отношений. Недостаточная удовлетворенность данных потребностей обуславливает возникновение ревности – совокупности физиологических и эмоциональных реакций человека на воображаемую или действительно имеющуюся опасность его статуса в близких (романтических) отношениях, на возможную измену партнера, на угрозу потери значимых отношений [2; 4]. Также ревность является компонентом романтической привязанности – сильной эмоциональной связи с партнером, направленной на поддержание близких отношений с ним [5; 6]. Таким образом, сила ревности, испытываемой в отношениях, может быть связана как с характеристиками самих отношений, так и с особенностями личности партнеров, т. е. являться достаточно устойчивой характеристикой. Обнаруживается противоречие: с одной стороны, сам контекст близких отношений (динамичность, высокая значимость, эмоциональная вовлеченность и др.) способствует возникновению ревности у партнеров [7]; с другой стороны, именно в романтических отношениях удовлетворяются важные потребности личности – в любви, принятии, а позитивные отношения с другими, в том числе с партнером, с точки зрения К. Рифф, являются одним из компонентов психологического благополучия взрослого человека [8]. Возникает вопрос: снижается ли психологическое и субъективное благополучие взрослых мужчин и женщин при переживании ими ревности, и если да, то с какой силой ревности связано это снижение?

Также задачами нашего исследования выступало изучение связи силы ревности с длительностью отношений, интенсивностью эмоциональных реакций на ревность у партнеров при ее переживании.

Выборка. В исследовании приняли участие 50 человек (40 женщин и 10 мужчин) в возрасте от 18 до 25 лет, состоящих в романтических отношениях от 1 года до 5 лет. Средняя длительность отношений составила 2 года. Средний возраст мужчин – 21 год, средний возраст женщин – 20 лет (стандартное отклонение – 1,49). Испытуемые на момент проведения исследования имели среднее специальное, неоконченное высшее и высшее образование.

Методы и методики исследования: мультиопросник измерения романтической привязанности у взрослых (Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment, MIMARA) К. А. Бреннана, Ф. Р. Шейвера, (адаптация Т. Л. Крюковой, О. А. Екимчик, 2009) [2]; опросник «Реакции на ревность» (Reactions to jealousy) К. Маслача, Э. Пайнс [9]; шкала психологического благополучия (The scales of psychological well-being) К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко, 2005) [10]; шкала субъективного благополучия (Scale for the subjective evaluation of Well-being) А. Перуэ-Баду и соавт. (адаптация М. В. Соколовой, 1996); шкала оценки отношений (The relationship assessment scale) С. Хендрика (адаптация О. А. Сычева, 2016) [11]; авторское феноменологическое полуструктурированное интервью. Математическая обработка статистических данных проводилась при помощи программы SPSS Statistics 12.0. Использовались следующие критерии: корреляционный анализ с помощью R-критерия Спирмена; анализ различий с помощью U-критерия Манна-Уитни, H-критерия Краскела-Уоллиса.

Результаты. Больше половины респондентов (64 %) отмечают, что ревность необходима в отношениях, но имеются и те (36 %), которые говорят о ее необязательности. Безусловно, такие ответы связаны с жизненным опытом испытуемых: либо для одних ревность является некоторым маркером, по которому они оценивают свои отношения, своего партнера, а для других ревность – это такая «сила», которая разрушает отношения и очень вредит благополучию в паре, снижая самооценку, уверенность, вызывая лишь негативные переживания и события.

Также большинство отмечает довольно сильное проявление собственной ревности. Так, по десятибалльной шкале 18 % испытуемых выбрали отметку в 6 баллов, 16 % испытуемых – отметку в 8 баллов и 14 % испытуемых – в 9 баллов. Наконец, 6 человек указывают на очень сильную ревность к партнеру в отношениях. Лишь 1 человек указывает на полное отсутствие ревности (рис. 1).

Можно предположить, что это зависит от характера человека, насколько такие люди эмоциональны, зависимы от партнера, привязаны к нему, от степени доверия к партнеру.

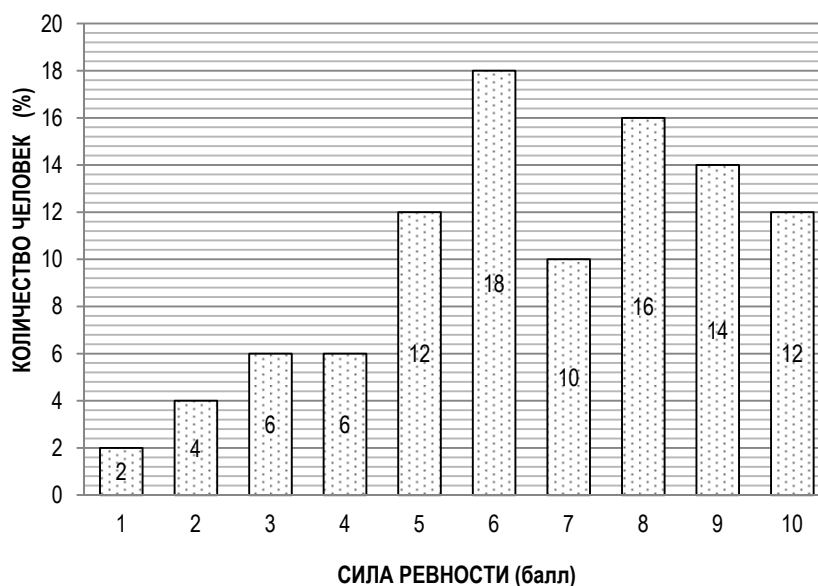

Рис. 1. Оценка испытуемыми силы собственной ревности (n = 50)

Исходя из полученных данных по шкале «Ревность / страх быть оставленным» (MIMARA) сформировались три группы: с низкой, средней и высокой выраженностью ревности у романтических партнеров. В первую группу – с низкой выраженностью ревности – вошло 8 женщин. Вторую группу – со средней степенью выраженности ревности – составили 28 человек (5 мужчин и 23 женщины). И к третьей группе – с высокой степенью выраженности – мы отнесли 14 человек (5 мужчин и 9 женщин). Среднее значение показателя ревности в выборке по шкале составляет 4,15 балла, что входит в диапазон средней выраженности и является нормативным показателем.

Так, мы обнаружили, что практически все люди испытывают ревность к своему романтическому партнеру, и у большинства она высокая, вследствие чего вызывает разнообразный комплекс как негативных, так и позитивных эмоций и чувств. Можно сказать, что испытуемые чувствительны к появлению ревности, возможно, в силу личностных характеристик, особенностей детско-родительской и романтической привязанности и др. И вместе с тем, чем сильнее ее переживание, тем больше список возникающих типов реакций на ревность.

Анализ полученных результатов выявил связи психологического благополучия и ревности у молодых взрослых людей, состоящих в романтических отношениях (табл. 1).

Таблица 1
Взаимосвязь показателей ревности романтических партнеров с психологическим благополучием и шкалами психологического благополучия (n = 50)

Критерии	Критерий Спирмена	Значимость
Ревность & Психологическое благополучие	-0,354	0,012
Ревность & Личностный рост	-0,305	0,031
Ревность & Цели в жизни	-0,456	0,001
Ревность & Самопринятие	-0,316	0,026

Так, чем выше показатели *ревности* в отношениях:

1. Тем ниже *психологическое благополучие* ($R = -0,354, p \leq 0,012$). Это связано с тем, что ревность выступает в качестве отрицательного компонента, проявляющегося в отношениях, который, постепенно нарастая, приводит человека к переживаниям, возникновению подозрений, недоверию, сомнениям в себе и партнере, всплеску эмоций, в результате чего всё это суммируется в виде негативного аффекта, тем самым снижая уровень психологического благополучия у романтических партнеров.

2. Тем ниже *личностный рост* ($R = -0,305, p \leq 0,031$). Это говорит о том, что ревность может быть связана с сильной зависимостью от своего партнера, в результате чего возникает ощущение неспособности изменить свое поведение или как-то повлиять на поведение партнера, к которому он уже привык, ему так удобнее, и, застывая в таком

состоянии, появившаяся ревность разрушает развитие человека в таких отношениях как личности, так как не ощущается чувство улучшения и приходит осознание отсутствия собственного развития.

3. Тем ниже показатель *цели в жизни* ($R = -0,456, p \leq 0,001$). Это связано с тем, что люди, испытывающие ревность, в наибольшей степени обеспокоены в данный момент только этой проблемой, где их переживания по этому поводу приводят к потере чувства направленности, для них, возможно, начинает теряться смысл жизни, уверенность в своем партнере и жизни в целом, что подтверждается результатами интервью.

4. Тем ниже *самопринятие* ($R = -0,316, p \leq 0,026$). Это связано с тем, что нарастание ревности в отношениях заставляет сомневаться не только в своем партнере, но и в самом себе, где человека начинает терзать беспокойство по поводу своих личных качеств, низкая самооценка и излишняя самокритика приводят человека к мысли, что он недостаточно хорош для своего партнера, в результа-

те чего он начинает относиться к себе негативно.

По шкалам субъективного благополучия показатели ревности коррелируют только лишь с одной шкалой: чем выше *ревность* в отношениях, тем ниже *значимость социального окружения* ($R = 0,364, p \leq 0,009$). Это может свидетельствовать о том, что нарастание ревности в отношениях связывается с опасностью потери ценного взаимоотношения с тем человеком, которого любишь, нежеланием делить его с кем-то еще, в результате чего партнер обесценивает важность взаимодействия с другими людьми, ставя на первый план своего любимого человека.

Группы с низкой, средней и высокой силой ревности отличаются своими особенностями. Сравнивая группы по шкале «Психологическое благополучие», можно отметить, что больше всего оно выражено в группе с низкой силой ревности ($H = 11,243, p = 0,004$), в то время как в группе с высокой силой ревности оно выражено меньше всего (рис. 2).

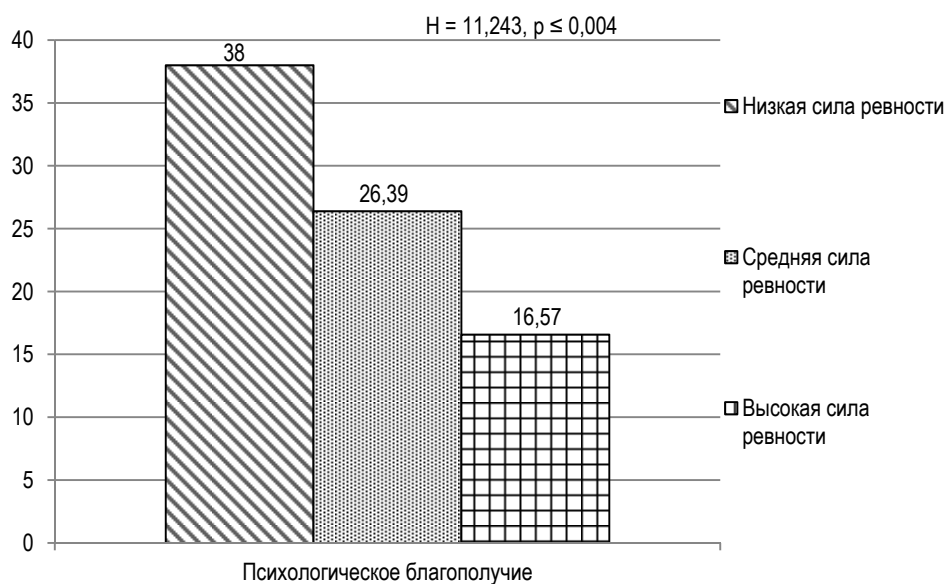

Рис. 2. Различия между группами по уровню психологического благополучия у партнеров, переживающих ревность ($n = 50$)

В группе со средней силой ревности проявляется такая эмоциональная реакция на ревность, как чувство собственника ($H = 6,08, p = 0,048$).

У группы с высокой силой ревности в большей мере проявляются такие реакции на ревность, как нервный срыв, возбуждение и

прилив энергии, сексуальное возбуждение, депрессия, ощущение, что попал в ловушку, снижение самооценки ($H = 7,251, p = 0,027$; $H = 7,288, p = 0,026$; $H = 13,650, p = 0,025$; $H = 5,980, p = 0,050$; $H = 7,716, p = 0,021$; $H = 6,126, p = 0,047$).

Используя в комплексе методику MIMARA, мы также видим различия. Опять же люди в группе с высокой силой ревности более фрустрированы и амбивалентны в отношениях, присутствует «срастание» с партнером ($H = 15,734, p = 0,000; H = 8,140, p = 0,017; H = 15,310, p = 0,000$). В группе с низкой силой ревности отмечается наименьшая выраженность этих показателей.

Помимо различий между группами с разной силой ревности нами были исследованы группа мужчин и группа женщин, переживающих ревность в романтических отношениях, с помощью критерия U-Манна-Уитни. Было выявлено, что женщины по сравнению с мужчинами более:

1) *удовлетворены отношениями* ($U = 113,000, p \leq 0,034$);

2) *стремятся к сближению* ($U = 58,500, p \leq 0,000$).

Это может говорить о том, что у женщин интенсивней, чем у мужчин, проявляется стремление к эмоциональной близости с партнером, и отношения им не доставляют дискомфорта, где они ощущают от них полную удовлетворенность.

Также было выявлено, что мужчины по сравнению с женщинами более:

1) *фрустрированы* ($U = 104,500, p \leq 0,019$);

2) *амбивалентны* ($U = 115,500, p \leq 0,039$).

Это может свидетельствовать о том, что мужчины чаще сталкиваются с противоречиями в чувствах по отношению к своему любимому человеку, когда не удовлетворяются возникающие потребности, и они могут переживать гнев, чувство разочарования от таких отношений, в которых иногда не могут определиться, что же им всё-таки нужно.

У женщин наиболее выражены такие реакции на ревность, как:

1) *нервная дрожь* ($U = 113,500, p \leq 0,034$);

2) *тошнота* ($U = 120,000, p \leq 0,053$);

3) *дрожь в руках или потные ладони* ($U = 121,500, p \leq 0,056$);

4) *учащение сердцебиения* ($U = 113,500, p \leq 0,034$);

5) *гнев* ($U = 118,500, p \leq 0,047$);

6) *чувство собственника* ($U = 111,500, p \leq 0,030$);

7) *раздражение и досада* ($U = 118,500, p \leq 0,047$).

Всё это может говорить о том, что женщины больше, чем мужчины, склонны к раз-

личному спектру эмоций и переживаний. Вероятно, они слишком сензитивны к появлению ревности в отношениях, в то время как мужчины стараются быть более спокойными, иногда сдерживая всё в себе.

Также нам удалось обнаружить связь между субъективным, психологическим благополучием и удовлетворенностью отношениями у партнеров, которые переживают ревность (по критерию R-Спирмена). Тем самым можно отметить следующее, что в общем-то не ново [3; 4], но в данном случае имеет подтверждение: чем выше субъективное благополучие ($R = -0,363, p \leq 0,010$) и психологическое благополучие ($R = 0,379, p \leq 0,007$), тем выше удовлетворенность отношениями у партнеров (табл. 2).

Таблица 2
Корреляционная связь между субъективным, психологическим благополучием и удовлетворенностью отношениями ($n = 50$)

Критерии	Критерий Спирмена	Значимость
Субъективное благополучие & Шкала оценки отношений	-0,363	0,010
Психологическое благополучие & Шкала оценки отношений	0,379	0,007

Это может указывать на то, что присутствие внутренней гармонии, равновесия, ощущения психологической целостности являются факторами состояния человека, которые не создают барьеров в отношениях, поэтому в целом отношения являются такими, в которых партнеры чувствуют полный комфорт и удовлетворение.

Проверяя частную гипотезу о связи длительности отношений с реакциями на ревность, мы выявили, что: большая длительность отношений вызывает у партнеров наибольшее проявление таких типов эмоциональных реакций на ревность, как чувство незащищенности ($R = 0,353, p \leq 0,012$) и чувство безнадежности ($R = 0,317, p \leq 0,025$) (рис. 3).

Вероятно, длительные отношения характеризуются большей значимостью и ценностью для партнеров, в связи с чем ревность, связанная с угрозой потери отношений, партнера, вызывает данные трудные эмоциональные реакции, усиливает чувство незащищенности при переживании ревности, чувство безнадежности.

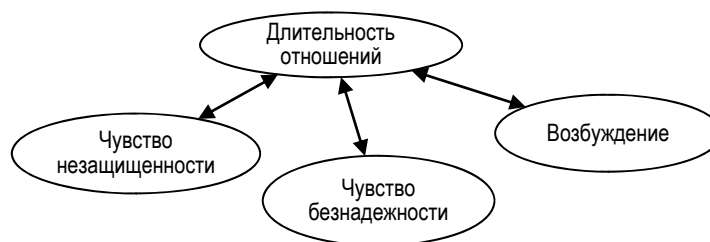

Рис. 3. Корреляционные связи между длительностью отношений и эмоциональными реакциями на ревность у романтических партнеров

Более длительные отношения также связаны с уменьшением такой эмоциональной реакции, как возбуждение ($R = -0,361$, $p \leq 0,010$). Возможно, в паре изначально было эмоциональное слияние, где мужчина и женщина открывали все границы друг другу, формируя единое целое, увеличивая чувство близости и важности друг для друга. Но со временем пропадает «загадочность», притяжение, потому что партнерам кажется, что они знают друг о друге всё. Так люди становятся слишком понятны друг другу и предсказуемы, из-за чего их взаимный интерес падает, снижается возбуждение.

Выводы. Сила ревности к партнеру в близких (романтических) отношениях молодых взрослых отрицательно связана с их психологическим благополучием. Чем сильнее выражена ревность в романтических отношениях, тем ниже психологическое благополучие молодых взрослых. Чем выше субъективное благополучие у романтических партнеров, тем выше их степень удовлетворенности отношениями. Чем больше делятся романтические отношения, тем более негативные эмоциональные реакции у партнеров вызывает переживание ревности. Полученные данные только приоткрывают круг проблем, которые требуют дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Екимчик О. А. Близкие отношения мужчины и женщины как контекст диадического стресса и копинга // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 77–82.
2. Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Опекина Т. П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. – 340 с.
3. Кроник А. А., Кроник Е. А. Психология человеческих отношений. – Дубна : Когито-Центр, 1998. – 214 с.
4. Шипова Н. С. Совладание с переживанием измены в близких отношениях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Кострома, 2014. – 26 с.
5. Brennan K. A., Clark C. L., Shaver P. R. Self-report measurement of adult attachment: An integrative overview // Attachment theory and close relationships / Eds. J. A. Simpson & W. S. Rholes. – New York : Guilford Press, 1998. – P. 46–76.
6. Fraley R. C., Shaver R. P. Adult Romantic Attachment: Theoretical Developments, Emerging Controversies, and Unanswered Questions // Review of General Psychology. – 2000. – Vol. 4 (2). – P. 132–154.
7. Екимчик О. А., Григорова Т. П., Смирнова Н. С. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 6. – С. 278–283.
8. Ryff C. D. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – Vol. 69. – P. 719–727.
9. Маслач К., Пайнс Э. Практикум по социальной психологии. – СПб. : Питер, 2001. – 528 с.
10. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–129.
11. Сычев О. А. Русскоязычная версия шкалы оценки отношений // Психология. Журнал ВШЭ. – 2016. – Т. 13, № 2. – С. 386–409.

Информация о статье

Дата поступления
23 октября 2020
Дата принятия в печать
11 ноября 2020

Сведения об авторах

Опекина Татьяна Петровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института педагогики и психологии Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: grigorova.t90@mail.ru.

Голубева Анастасия Александровна – студент 4-го курса Института педагогики и психологии Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: asee-golubeva@mail.ru.

Для цитирования

Опекина Т. П., Голубева А. А. Переживание ревности в близких отношениях и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 53–59. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.53-59.

Article info

Received
October 23, 2020
Accepted
November 11, 2020

About the authors

Opekina Tatyana Petrovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University (Kostroma, Russia). E-mail: grigorova.t90@mail.ru.

Golubeva Anastasia Alexandrovna – 4th Year Student of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University (Kostroma, Russia). E-mail: asee-golubeva@mail.ru.

For citations

Opekina T. P., Golubeva A. A. Experiencing Jealousy in Close Relationships and Psychological Well-Being of Adult Men and Women. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp. 53-59. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.53-59. (In Russian).

УДК 159.9.07

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.60-65

Н. А. Самойлик

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА ФСИН РОССИИ*

В статье представлены результаты исследования выражения локуса контроля в зависимости от типа профессионально-ценностных ориентаций на примере курсантов ведомственного вуза ФСИН России. Анализ типов профессионально-ценностных ориентаций показал, что в выборке курсантов преобладает когнитивный, что демонстрирует отношение к процессу обучения и осознание ответственности за организацию процесса приобретения и последующего применения в служебной деятельности профессиональных знаний. Результаты исследования показали, что представители с выраженным эмоциональным типом более ориентированы на межличностные отношения. Курсанты с выраженным поведенческим типом профессионально-ценностных ориентаций склонны к стремлению избегания неудач и пониманию важности поддержания служебных отношений. Полученные результаты могут быть использованы психологами и сотрудниками кадровых служб уголовно-исполнительной системы для разработки программ психологического сопровождения профессионализации сотрудников пенитенциарной сферы.

Ключевые слова: локус контроля; профессионально-ценностные ориентации; ответственность; курсанты; эмпирическое исследование.

N. A. Samoylik

THE MANIFESTATION OF LOCUS OF CONTROL DEPENDING ON THE TYPE OF PROFESSIONAL VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF GOVERNMENTAL UNIVERSITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

The article presents the results of the study of the expression of the locus of control depending on the type of professional value orientations in case of cadets of a departmental university of the Federal Penitentiary Service of Russia. The analysis of types of professional value orientations showed the cognitive one is the most common in the sample of cadets, which demonstrates the attitude to the learning process and awareness of responsibility for the organization of the process of acquisition and subsequent application of professional knowledge in professional activities. The results of the study showed that representatives with a pronounced emotional type are more focused on interpersonal relationships. Cadets with a pronounced behavioral type of professional value orientations tend to strive to avoid failures and understand the importance of maintaining service relationships. The results obtained can be used by psychologists and employees of the personnel services of the criminal executive system to develop programs of psychological support for the professionalization of prison staff.

Keywords: locus of control; professional value orientations; responsibility; cadets; empirical research.

Успешность профессионализации курсантов в рамках вузовского образования способствует повышению качества подготовки специалистов для современных исправитель-

ных учреждений, формированию системы профессиональных ценностей, а также становлению профессиональной позиции специалиста уголовно-исполнительной системы

* Исследование выполнено в соответствии с тематикой научных работ, утвержденных РАН, для ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России на 2020–2022 гг.

(далее – УИС). Большую роль в данном процессе играет локус контроля, характеризуемый Дж. Роттером как психологическое свойство личности, позволяющее приписывать успехи или неудачи внешним и внутренним факторам [1].

Принято считать, что локус контроля формируется в течение жизни и выступает важным регулятором поведения в различных ситуациях и видах деятельности, в том числе и в учебной. Применительно к курсантам ФСИН России И. В. Фокина утверждает, что «уровень субъективного локуса контроля может быть отнесен к одной из значительных характеристик самосознания, определяющей особенности поведенческих реакций в широком спектре социального взаимодействия и проявляющейся в чувстве ответственности, уровне активности и степени воздействия на обстоятельства жизни» [2, с. 59]. Локализация субъективного контроля курсантов ведомственного вуза обуславливает тенденции принятия ими ответственности за происходящие события в различных сферах жизнедеятельности. При этом основной упор делается на такие события, которые впоследствии могут выступать ведущими критериями профессионализма сотрудника УИС.

Вместе с тем специфика влияния субъективного контроля на характер становления представителей пенитенциарной сферы в условиях вузовской подготовки изучена недостаточно.

Немаловажно, что с локусом контроля тесно взаимосвязаны ценностные ориентации личности. Однако во время профессионального обучения лидирующие позиции занимают не просто ценности личности, а значимые категории профессионального сообщества. Результаты исследования, проведенного А. Р. Давудовой, М. М. Далгатовым и У. Ш. Магомедхановой, показали, что «ценности студентов с разным локусом контроля в большей степени различаются на уровне их структурной организации» [3, с. 147]. Данное обстоятельство позволяет констатировать, что ценности профессиональной деятельности интериоризируются и также становятся неотъемлемой частью личности в период профессионализации.

Под профессионально-ценностными ориентациями в данной статье будем понимать отражение в сознании человека системы значимых представлений, характеризующих от-

ношение к профессиональной деятельности как лично и социально значимой.

На основе исследований работ И. Ф. Исаева [4], В. А. Слостенина [5], Е. Г. Слободнюк [6] нами была разработана системная модель профессионально-ценностных ориентаций и предложена методика их диагностики [7].

Содержание профессионально-ценностных ориентаций представляют следующие элементы. В основе значимости и переживания отношений находятся совокупности различных видов взаимодействий внутри профессиональной деятельности и объективная позиция личности относительно реализуемой профессиональной деятельности. Подструктура знаний состоит из профессиональных знаний и умений, дающих возможность ориентироваться в специфике трудовой деятельности, решать профессиональные задачи на уровне научных теорий и технологий, что создает необходимые условия для профессионального становления и развития специалиста. Содержательные параметры системы ценностей каждого человека, детерминирующие эмоциональную сторону удовлетворенности самореализацией в профессиональной деятельности, отражают целевой компонент деятельности. Ценности результата обуславливают получение значимого итога профессиональной деятельности и его детальный анализ.

Ценности-качества проявляются в многообразии взаимосвязанных позитивных, деятельностных и поведенческих качеств личности. Ценности-умения демонстрируют качественный уровень профессиональной подготовки специалиста и включают в себя аналитические, прогностические, проективные, организаторские, коммуникативные и рефлексивные умения.

Специфика профессионально-ценностных ориентаций субъекта труда детерминруется несколькими ведущими факторами: принадлежностью к определенной профессиональной группе, ориентированной на определенный вид деятельности; включением в профессиональное сообщество, выполняющее ряд важных для социума функций; прогнозированием карьерного роста и отбором условий личностного развития в процессе труда; объективностью процесса профессиональной деятельности.

Целью настоящей работы является определение выраженности локуса контроля в за-

висимости от типа профессионально-ценностных ориентаций у курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Исследование было направлено на решение следующих задач:

1. Диагностика типа профессионально-ценностных ориентаций в группе респондентов.

2. Сравнительный анализ выраженности уровня субъективного контроля в зависимости от типа профессионально-ценностных ориентаций.

Настоящее исследование было проведено на базе ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России» (г. Новокузнецк) в 2019 г. Выборку исследования составили курсанты третьего курса, обучающиеся по специальности «Правоохранительная деятельность» и по направлению подготовки «Юриспруденция», в количестве 137 человек. Возраст испытуемых – от 19 до 21 года ($M = 20,3$; $\sigma = 0,13$); из них 76 % юношей и 24 % девушек.

В качестве психодиагностических методик были использованы: «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности» (Н. А. Самойлик; далее – ДиПЦОЛ) и «Уровень субъективного контроля» (Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд).

Для обработки полученных количественных результатов применялись следующие способы математической статистики: значение среднего показателя величины (M), частный (процентный) анализ и H -критерий Краскала–Уоллиса. Расчеты проводились с помощью программного обеспечения Statistica for Windows 10.0.

На первом этапе все участники были продиагностированы по методике ДиПЦОЛ с целью определения ведущего типа профессионально-ценностных ориентаций. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Представленность типов профессионально-ценностных ориентаций среди респондентов (%)

Тип профессионально-ценностных ориентаций	Показатель выраженности
Когнитивный тип	40
Эмоциональный тип	32
Поведенческий тип	26
Смешанный тип	2

На основании результатов диагностики можно констатировать, что лидирующим ти-

пом профессионально-ценностных ориентаций в исследуемой группе является когнитивный (40 %). Курсантов данного типа характеризует понимание важности специализированных знаний, а также активное их использование в будущей служебной деятельности. Кроме того, представители когнитивного типа отличаются осмыслением необходимости развития отношений, которые играют немаловажную роль в процессе взаимодействия не только с коллегами, но и с осужденными.

Для 32 % обучающихся ведомственного вуза ФСИН России свойственен эмоциональный тип профессионально-ценностных ориентаций. Постановка и достижение целей, в том числе и профессиональных, во многом обуславливают удовлетворенность реализуемой деятельностью. А достижение желаемого результата позволяет будущим сотрудникам исправительных учреждений объективно оценить свои достижения и на этой основе развивать личностную и профессиональную мотивацию, необходимую для реализации себя как профессионала.

Осознание активной самореализации в служебной деятельности присуще для 26 % курсантов, что дает возможность констатировать наличие поведенческого типа профессионально-ценностных ориентаций. Имеющиеся у них личностные качества и профессиональные умения позволяют совершенствовать способы учебной и воспитательной деятельности и указывают на формирование индивидуального стиля служебной деятельности, несмотря на то, что они обучаются на третьем курсе.

Следует заметить, что в ходе диагностики было выявлено 2 % обучающихся смешанного типа профессионально-ценностных ориентаций. У данных респондентов не определился «чистый» тип, и проведение дальнейшего анализа не представляется возможным.

Следующий этап исследования предполагал сравнительный анализ выраженности уровня субъективного контроля в зависимости от типа профессионально-ценностных ориентаций при помощи вычисления среднего показателя (M) и сравнительного анализа с помощью H -критерия Краскала–Уоллиса.

Для оценки достоверности различий уровня субъективного контроля в группах был также использован H -критерий Краскала–Уоллиса, предполагающий возможность

оценки выборки «по уровню выраженности изучаемого признака» [8, с. 96]. Результаты анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2
**Результаты сравнительного анализа
 выраженности
 субъективного контроля по Н-критерию
 Краскала–Уоллиса**

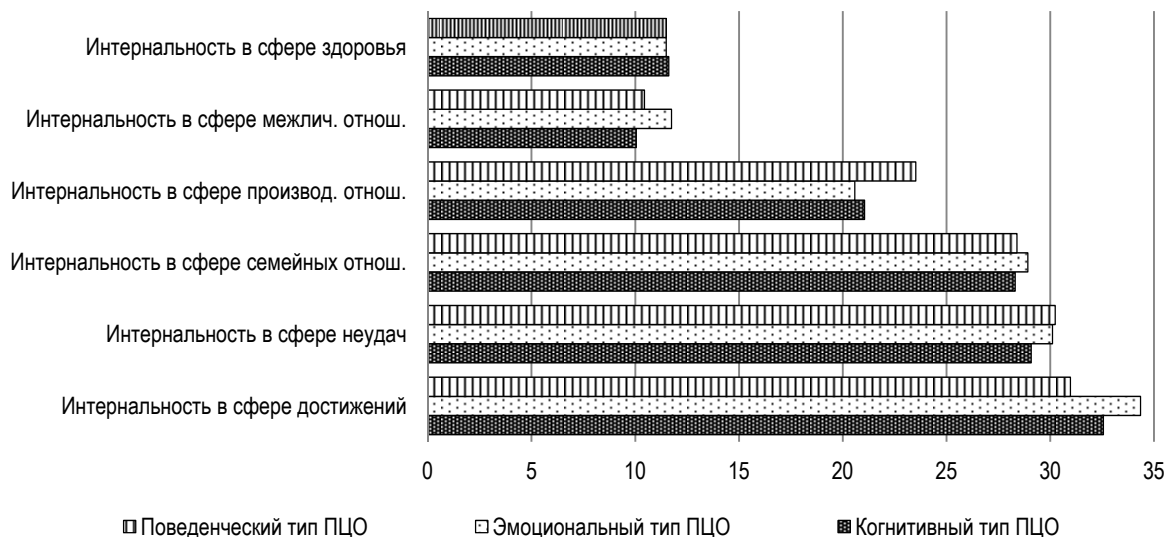
Показатели уровня субъективного контроля	Н-критерий Краскала–Уоллиса	
	N	p
Интернальность в сфере достижений	123,48	0,009
Интернальность в сфере неудач	123,81	0,702
Интернальность в сфере семейных отношений	148,5	0,625
Интернальность в сфере производственных отношений	135,09	0,002
Интернальность в сфере межличностных отношений	120,11	0,015
Интернальность в сфере здоровья	126,37	0,408

Примечание. Курсивом выделены достоверно значимые различия.

Как видно из табл. 2, статистически значимые различия между группами респондентов были обнаружены по показателям интернальности в сфере достижений ($p \leq 0,009$),

интернальности в сфере производственных отношений ($p \leq 0,002$) и интернальности в сфере межличностных отношений ($p \leq 0,015$).

Результаты изучения выраженности локуса контроля в группах респондентов показали, что высокий уровень принятия ответственности в сфере достижения результатов более характерно для представителей эмоционального типа профессионально-ценностных ориентаций ($M = 34,35$) (см. график). Уверенность в себе, последовательность своих действий и настойчивость в достижении поставленных целей во многом способствуют формированию объективной картины служебной деятельности с опорой на понимание значимости отношений и знаний в процессе обучения и предстоящей служебной деятельности. В меньшей степени интернальность в области достижений выражена у обучающихся с когнитивным и поведенческим типами профессионально-ценностных отношений. Однако данное обстоятельство не ставит под сомнение тот факт, что они также могут успешно добиваться результатов и контролировать жизненные события и ситуации.

Выраженность субъективного контроля у курсантов с различным типом профессионально-ценностных ориентаций (ПЦО)

Стремление к избеганию неудач чаще проявляется у курсантов с поведенческим типом профессионально-ценностных ориентаций ($M = 30,24$). Полученный результат дает возможность констатировать преобладание в данной группе респондентов развитого чувства субъективного контроля по отношению к

отрицательным событиям и ситуациям. Большую роль здесь играют имеющиеся профессиональные качества и умения, позволяющие в будущей практической деятельности самореализоваться в выбранной сфере труда. Склонность к самообвинению менее выражена в группах курсантов когнитивного

и эмоционального типов профессионально-ценностных ориентаций.

Ответственность за события, происходящие в семье, проявляется у респондентов практически одинаково. Полученный результат, вероятно, связан с отстраненностью от семейной жизни в связи с получением высшего образования, специфика которого заключается в проживании на территории ведомственного учреждения в течение первых курсов.

Высокие показатели были получены по шкале «Интернальность в сфере производственных отношений» у обучающихся с выраженным поведенческим типом профессионально-ценностных ориентаций ($M = 23,52$). Понимание значимости своих действий и поведения как фактора организации учебной и служебной деятельности отражает потребность в необходимости совершенствования профессиональных качеств и навыков, связанных с организацией процесса личностного развития в труде.

Интернальность в сфере межличностных отношений более свойственна курсантам с эмоциональным типом профессионально-ценностных ориентаций ($M = 11,75$). Возможность контролировать формальные и неформальные отношения с окружающими людьми, умение вызывать к себе уважение и симпатию обусловлено степенью удовлетворенности и преобладающим настроением и переживаниями. Несколько ниже данный показатель выражен у представителей других типов профессионально-ценностных ориентаций.

Анализ полученных в ходе исследования результатов показал, что уровень ответственности за свое здоровье характерен для всех респондентов, что можно объяснить идентичным пониманием ценности здоровья курсантами и принятием ответственности за него.

Таким образом, исследование проявления локуса контроля в зависимости от типа профессионально-ценностных ориентаций обучающихся ведомственного вуза ФСИН России показало, что для курсантов с выраженным эмоциональным типом более свойственна направленность на межличностные отношения и принятие ответственности за происходящие события на себя. Представители поведенческого типа профессионально-ценностных ориентаций более ориентированы на стремление к избеганию неудач и поддержа-

ние служебных отношений. Обучающиеся когнитивного типа профессионально-ценностных ориентаций так же, как и другие респонденты, проявляют интернальность в сфере здоровья. Полученные результаты представляют практический интерес для психологов и сотрудников кадровых служб уголовно-исполнительной системы и могут быть использованы для разработки программ психологического сопровождения профессионализации сотрудников пенитенциарной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rotter J. B. Social learning and clinical psychology. – New York : Prentice Hall, 1954. – 466 p.
2. Фокина И. В. Субъективный локус контроля как возможное условие характера успеваемости курсантов ФСИН России // Совершенствование психологической, социальной и воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе : сб. материалов круглого стола междунар. науч.-практ. конф. (3 нояб. 2017 г.) / под общ. ред. В. Н. Некрасова, М. А. Черкасовой. – Вологда : Вологод. ин-т права и экономики Федер. службы исполнения наказаний, 2018. – С. 58–62.
3. Давудова А. Р., Далгатова М. М., Магомедханова У. Ш. Личностные ценности студентов с интернальным и экстернальным локусом контроля // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 4 (59). – С. 147–151.
4. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. – М. : Академия, 2004. – 207 с.
5. Слостенин В. А. Ценностные ориентации и профессиональное самосознание учителя // Ценностные ориентации в сфере педагогического образования: история и современность : тез. докл. и выступлений на 16 сес. Науч. Совета по проблемам истории образования и пед. науки / под ред. З. И. Равкина. – М., 1995. – Т. 1. – С. 3–4.
6. Слободнюк Е. Г. Профессионально-ценностные ориентации: Теоретический анализ. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 72 с.
7. Самойлик Н. А. Профессионально-ценностные ориентации личности: теория и практика : моногр. – Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2019. – 174 с.
8. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Практикум по статистическому анализу и обработке данных психологического исследования в программе «Statistica» 6.0. – Новосибирск : Новосиб. гуманитар. ин-т, 2010. – 200 с.

Информация о статье

Дата поступления
20 августа 2020
Дата принятия в печать
11 ноября 2020

Сведения об авторе

Самойлик Наталья Анатольевна – кандидат психологических наук, начальник кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: nat-samojlik@yandex.ru.

Для цитирования

Самойлик Н. А. Проявление локуса контроля в зависимости от типа профессионально-ценностных ориентаций обучающихся ведомственного вуза ФСИН России // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 60–65. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.60-65.

Article info

Received
August 20, 2020
Accepted
November 11, 2020

About the author

Samoylik Natalya Anatolyevna – Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of the Penal Psychology and Penal Pedagogics, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia). E-mail: nat-samojlik@yandex.ru.

For citations

Samoylik N. A. The Manifestation of Locus of Control Depending on the Type of Professional Value Orientations of Students of Governmental Universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp 60-65. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.60-65. (In Russian).

УДК 159.9

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.66-75

Н. С. Шадрин

О СТАНОВЛЕНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕЛЕВАНТНЫХ ЕМУ ФОРМ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Становление форм саморегуляции и ответственности человека в онтогенезе увязывается с возрастанием меры «человеческого фактора» в отдельном человеке в соответствии со следующей схемой: индивид («наличное бытие» человека) → субъект деятельности («сущностные силы» человека) → личность («родовая сущность» человека в ее индивидуальном существовании). По ходу анализа делаются выводы об особенностях профессиональной, субъектно-деятельностной и, отчасти, личностной саморегуляции и ответственности и причинах их снижения в современных условиях.

Ключевые слова: индивид; субъект деятельности; личность; сущность; «сущностные силы» человека; саморегуляция; ответственность.

N. S. Shadrin

ON THE FORMATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE SUBJECT OF ACTIVITY AND THE RELEVANT FORMS OF SELF-REGULATION AND RESPONSIBILITY

The formation of forms of self-regulation and human responsibility in ontogenesis in the article is linked with the increase in the measure of the "human factor" in an individual in accordance with the following scheme: individual ("Dasein" of a human) → subject of activity ("essential forces" of a human) → personality ("generic essence" of a human in its individual existence). In the course of the analysis, conclusions are drawn about the characteristics of professional, subject-activity and partly personal self-regulation and responsibility and the reasons of their decline in the modern conditions.

Keywords: individual; subject of activity; personality; essence; "essential forces" of a human; self-regulation; responsibility.

Постановка проблемы. Вызывает удивление, что проблема специфики саморегуляции деятельности (без анализа которой немислимо изучение ответственности) на разных уровнях жизнедеятельности человека – индивида, субъекта деятельности и личности – в психологии до сих пор не только не решена, но даже четко не поставлена. Формально признаваемая идея о том, что «всякая психология есть психология человека» (который на деле имеет множество ипостасей!), слабо работает при анализе форм саморегуляции и ответственности. В лучшем случае на место многогранного человека подставляют *личность* и, вычлняя ее разные уровни, трактуют лишь *личностную* саморегуляцию и ответственность на этих уровнях.

Как будет показано ниже, ответственность не может присутствовать у человека как телесно-биологического индивида. Только там, где есть существенные (сущностные) проявления человека, *активно* включенного в сферу социума и культуры, *может* существовать его ответственность.

В своей статье мы ставим задачу найти какие-то, хотя бы частичные формы ответственности не только на уровне *личности* (что стало уже тривиальным), но и на уровне *человека как субъекта деятельности*. Ибо, как представляется, идея индивидуального субъекта деятельности, предложенная Б. Г. Ананьевым, очень важна и продуктивна для решения многих проблем психологии, включая заявленную нами.

Особенности человека как индивида и «снятие» ответственности на индивидуальном уровне. Личность, как известно, часто трактуют как результат «трансформации индивида», но эта трансформация происходит через промежуточное, опосредствующее звено – через стадию формирования человека как субъекта деятельности. Это четко укладывается в схему: *индивид* → *субъект деятельности* → *личность*.

При этом надо понимать, что отражаемое в этой схеме *временное* (генетическое) следование уровней индивида, субъекта деятельности и личности не ведет к полному отрицанию (если хотите, «диалектическому снятию») низших уровней в высших, которое часто постулируют. Индивида, а тем более субъекта деятельности *попросту растворяют* в личности!

Реально в виду многослойности *жизненного пространства* человека он, в зависимости от жизненной ситуации, активно включается то в среду его обитания, реагируя на ее изменения (как индивид), то в предметный мир человеческой цивилизации и культуры (как субъект предметной деятельности), то ответственно интегрируется в различные формы совместного социального бытия людей (как личность). Особая логика *постоянного перемещения* с одного из этих уровней жизненной активности на другой и составляет *образ жизни* конкретного человека.

С учетом *постоянной путаницы* понятий индивида, субъекта и личности у психологов, отмеченной В. П. Зинченко [1] (мы бы назвали ее даже «дикой»), в дальнейшем нам придется дать хотя бы абрисную характеристику понятий индивида, субъекта деятельности и личности.

Начнем с краткого анализа *понятия индивида*, попытавшись показать, что ответственность человека на этом уровне практически «снимается».

Индивид – это человек как телесно-биологическое существо, реагирующее как целое (на основе соответствующих врожденных механизмов, включая интегративную функцию нервной системы) на среду его обитания как вида. (Слово *individuus* означает «неделимый», «целостный».) Здесь имеется в виду целостность индивида как *эволюционно возникшее «слаживание»* (А. Н. Леонтьев) [2, с. 174] работы систем его организма, в результате чего реализуются целостные жи-

ненные реакции на среду обитания, регулируемые произвольно.

Психологам пора бы научиться *отличать* индивида в этой трактовке от понимания индивида как *просто отдельного человека* (как неделимого далее «атома» социальной жизни, в терминологии философов, включая К. Маркса), которое нам в отдельных случаях приходится использовать.

Конечно, нет смысла интерпретировать индивида и как проявление или аспект *индивидуальности*: она как бы *тоже* «неделимость» и «целостность», но достигаемая в ходе *развития* (причем не у каждого человека!) в виде *особого гармоничного единства сторон, частей и уровней психической активности* (Б. Г. Ананьев).

Наконец, надо отличать психологические проявления *самой индивидуальности* (а это, в ключе идей Э. Шпрангера, *ее особые ценности и ценностные жизненные переживания*) от обычных *отличительных и «неповторимых»* свойств человека, составляющих предмет *дифференциальной психологии*, но не психологии индивидуальности.

Индивидуальное реагирование во многом обусловлено работой универсального интегратора – нервной системы, в силу чего здесь велика роль ее *врожденных свойств* и связанных с ними *типов темперамента*, хорошо изученных начиная с классических работ И. П. Павлова, Б. М. Теплова, В. Д. Небылицына и др.

Индивидуальные реакции сопряжены и с психическими процессами – эмоциями, образами-сигналами и т. д. Они изначально *двойки*: во-первых, это *реакции на огромное многообразие «неживых» предметов* человеческой культуры и природы, включая сюда реакции типа «бескорыстного любопытства» и ориентировочные реакции на сильные, необычные и т. д. раздражители.

Во-вторых, это изначально реакции индивида-новорожденного с его состояниями и нуждами на явное или неявное присутствие *других людей* (взрослых) типа произвольных мимических движений, а также громкого плача, смеха, отражающих его состояния; сюда же относятся реакции *самого ребенка* на лицо взрослого («комплекс оживления»). В силу наличия таких реакций его жизнь протекает в контакте с взрослым, призванным реагировать на его нужды и решать его проблемы.

Новизна этих *природных* реакций у индивида-новорожденного на фоне аналогичных реакций у приматов *лишь количественная* и отчасти *качественная*, но она еще не сущест-венна! Они выражают, говоря языком Гегеля, лишь природное «наличное бытие» (*Dasein*) человека, которое «есть вот тут» (*ist da*), в границах тела данного человека.

Его специфически человеческая *сущность* дана здесь разве что как *потенция его последующего развития* в социокультурной среде! Ибо на данном уровне активности (природно-обусловленное реагирование на среду) человек «не зачерпнул» еще *никакого* социокультурного содержания, лежащего в основе любых *существенных* проявлений «человека». (Вообще, по Гегелю, *наличное бытие* чего-либо и его *уже проявленная* сущность – это совершенно *разные* стадии развития!)

В *индивиде* (это признается многими авторами) родовая *сущность человека* (даже в индивидуальной форме ее проявления и реализации) *не представлена вообще* (по крайней мере, актуально). Индивид есть лишь «субчеловеческое» (Д. А. Леонтьев) начало. То есть, родившись на свет как индивид (а «усложнение» индивида продолжается и в онтогенезе), человек лишь «подбирается» к человеческому, причем на этом уровне он может остаться всю свою жизнь (случай «воспитания» детей в стае волков).

Поскольку *индивид* не наделен какими-либо *сущностными* свойствами человека, то ни о какой *ответственности* на этом уровне еще не может быть и речи: ответственность предполагает *человека как человека*, т. е. существо, способное хотя бы *произвольно регулировать* свои действия. А реакции индивидного уровня природно обусловлены и регулируются *непроизвольно*.

С учетом врожденных интегративных механизмов нервной системы, объединяющей внешние воздействия в ходе «индивидуального» реагирования, можно дать предварительное объяснение *частичному снятию юридической ответственности* даже с взрослого человека, если он находится, как говорят юристы, «в состоянии нормального физиологического аффекта».

Развитие такого состояния (через «стадию накопления» провоцируемых другими негативных эмоциональных воздействий) может привести, на основе действия указанных *природных интегративных механизмов*, к «стадии взрыва». При этом человек частич-

но освобождается от ответственности за совершение противоправных действий.

В лучшем случае взрослый человек (уже как *субъект деятельности* и затем как *личность*) начинает учитывать нежелательные свойства своих индивидуальных реакций (замедленный «темп реакций» у флегматика и пр.), формируя свой *индивидуальный стиль* работы (по Е. А. Климову) или же компенсируя свои недостатки другими психическими качествами.

Характеристика субъекта деятельности и специфичные для него формы активности, саморегуляции и ответственности. Понятие *субъекта деятельности* было введено создателем едва ли не единственной в мировой науке версии «антропологической психологии» Б. Г. Ананьевым, на что в свое время четко указал В. И. Кабрин [3].

Субъект деятельности может быть определен как заинтересованный исполнитель и «реализатор» какой-либо деятельности (например, профессиональной), как деятельное существо, включенное в *предметный мир* человеческой цивилизации и культуры. Психологически он способен не только к непроизвольной саморегуляции (например, при «срабатывании» автоматизированных навыков), но и к *произвольной саморегуляции* деятельности и лежащих в ее основе форм психической активности. Эта произвольная саморегуляция субъекта выражается в его *произвольном внимании, произвольной памяти и т. д.*, на которые он опирается.

Частным случаем *субъекта деятельности* является *субъект труда и, более широко, субъект профессиональной деятельности*. Все эти понятия, разработанные еще Б. Г. Ананьевым [4], значимы для понимания как самой профессиональной деятельности, так и *профессионального воспитания и обучения студента в вузе*, о чем нам, преподавателям, не стоит забывать!

Но *если понятие личности вполне интернационально, то понятие субъекта деятельности специфично для традиций советской и постсоветской психологии* (И. А. Мироненко). Здесь это понятие отчасти пересекается с понятием личности и, наряду с понятием индивида, имеет *почти такой же* «удельный вес», как и само понятие личности.

Чтобы не «спутать» субъекта деятельности с *личностью* (а в ней *также* проявляется социокультурное начало!), дадим сразу же краткое ее определение. *Личность* понимает-

ся как индивидуальная форма активно-деятельного существования человека, активно включающаяся в различные проявления совместного социального бытия людей и способная ответственно, от своего «лица», решать его проблемы и задачи. В основаниях порождения личностного существования лежат некоторые базовые виды деятельности (трудовая, общественно-полезная и т. д.), придающие ему самостоятельность и самодостаточность. Они, по-видимому, осваиваются человеком как субъектом деятельности уже в конце подросткового возраста (возраст «второго рождения Я») [5].

В этом плане мы отчасти согласны с формулой А. Н. Леонтьева «деятельность как основание личности». Но мы полагаем, что придавать деятельности (точнее, деятельности) и «облекающим» их общественным отношениям и связям роль чего-то большего, чем основания личностного существования, не стоит!

Поэтому мы не можем сказать, что «сущность личности» выступает как «совокупность общественных отношений» (А. Б. Орлов) [6, с. 72], в которые человек вступает при реализации социально значимых видов деятельности, или что личность есть «субъект» деятельности (деятельностей), «узел» деятельностей и т. п. Наша позиция, как мы надеемся, будет способствовать четкому разграничению понятия субъекта (деятельности) и личности.

Ниже мы покажем, что на уровне субъекта деятельности в индивидуальной форме проявления представлена не родовая сущность человека в целом, а лишь его «сущностные силы». Но наиболее полной реализацией родовой сущности человека в форме индивидуального существования выступает, как мы увидим, именно личность.

Наличие на уровне субъекта деятельности «сущностных сил» как особого человеческого начала и связанной с ними способности к произвольной саморегуляции деятельности дает нам право говорить хотя бы об узко-профессиональной ответственности субъекта деятельности. Хотя реальные трудовые ситуации обычно разворачиваются так, что в их контексте часто возникает проблема перехода и на более высокий уровень личностной ответственности.

Отметим, что в постсоветский период наблюдается тенденция принижения значимо-

сти понятия индивидуального субъекта деятельности.

Даже по Марксу, отдельный рабочий при капитализме не является субъектом труда, самостоятельным регулятором своих деятельных функций (он лишь «живой труд», подчиненный капиталу). Его трудовые операции на 100 % заданы капиталистом, который продает продукт его труда на рынке и навязывает ему все способы деятельности и трудовые операции.

В советский же период индивидуальная деятельность и индивидуальный субъект этой деятельности (субъект труда и т. д.) мыслятся уже как нечто, «производящее все изменения» в окружающем предметном мире и отчасти в самом социуме. Здесь наблюдается высокая оценка роли «человека труда» и самой его творческой, продуктивной деятельности.

Тут уже не без известных оснований предполагалось, что работник – самостоятельный субъект трудовой деятельности, творец материальных и духовных благ. Нельзя отрицать, что в СССР действовали и определенные «социальные лифты», позволяющие человеку труда, молодому профессионалу обрести более высокий статус и новые возможности. Этому как-то содействовала и бесплатная система кружковой работы.

В то же время надо в какой-то мере отказаться от преувеличения роли субъекта деятельности, характерного для советской и, отчасти, постсоветской психологии, утверждая в качестве высшего уровня активности индивидуального субъекта жизни именно личность. (Хотя высший уровень никак не может оказаться единственным!)

«Сущностные силы» как достояние субъекта деятельности. Здесь мы должны полнее охарактеризовать понятие «сущностных сил» человека (Гегель, Маркс), проявляющихся при реализации предметной активности субъекта деятельности.

Гегель видел в совокупности «сил» вещи момент развития ее сущности. А сама родовая сущность человека состоит в том, что он является участником своего собственного становления, делая всю свою жизнедеятельность (именно всю!) «предметом своей воли и своего сознания» (К. Маркс). По Ж.-П. Сартру, человек также по своей сущности есть «становящееся» существо, он не просто реализует свое бытие, но каждый раз отвечает за

него и за всё, что его окружает, он призван постоянно изменять и совершенствовать его. Оба эти понимания особо не отличаются.

Что касается субъекта деятельности, то на этом уровне, как уже говорилось, реализуется **не родовая сущность человека** в целом, а лишь его **«сущностные силы»**, в которых она лишь как-то *«высвечивает»*.

Действительно, чтобы делать *всю* свою жизнедеятельность «предметом своей воли и своего сознания», человек «для начала» должен *произвольно, сознательно регулировать хотя бы свою созидательно-преобразующую деятельность с конкретными предметами, нацеленную на создание общественно-полезных продуктов или результатов*. Это предполагает осознание, контроль, изменение и совершенствование этой деятельности и т. д., что сводится к упомянутой ее произвольной саморегуляции.

Одновременно проявляется и *другой аспект* «сущностной силы» человека – его способность «приводить в действие» и целенаправленно регулировать свои *природные силы и органы*.

Эти моменты по сути дела по-своему видел уже И. Г. Фихте (затем их использовал Маркс в анализе труда). По Фихте, особое свойство «тела» человека, позволяющее его «свободной воле» целенаправленно управлять его движениями, можно связать с его «артикуляцией» (или его артикулированностью), т. е. с *многократной расчлененностью* тела человека, которая является условием *свободы* действий человека. (А там, где есть свобода, там возникает и какая-то доля ответственности!)

Философы-антропологи (А. Гелен, Г. Плеснер), по сути развивая эту идею, уже в XX в. говорили о свойстве «артикулированности» как одном из свойств, которые характеризуют *сущность человека в ее соотношении с телом*. Хотя было бы логичнее соотнести это свойство именно с *сущностными силами человека*.

Сейчас известно, что чрезвычайно сложное строение человеческой руки, ее *многократная расчлененность* на множество частей, которые могут двигаться относительно друг друга в самых разных плоскостях, обеспечивает большое число «степеней свободы» при реализации трудовых и других движений и действий (Н. А. Бернштейн).

Сейчас нельзя упускать из виду и важную роль в целенаправленной саморегуляции органов движения работы «третьего блока»

мозга (лобные доли коры), отчасти, и речевых центров.

Конечно, произвольная (еще *не* волевая!) саморегуляция, предполагающая *развитие произвольного внимания, произвольной памяти* и т. д., реализуется у людей по-разному. (Это показывают уже психологические тесты на внимание!) В зависимости от меры развития произвольных функций, которую можно даже как-то *оценить*, возникает возможность большей или меньшей реализации ответственности человека при выполнении текущих, каждодневных функций в том или ином виде труда и в других важных видах деятельности.

Далее, благодаря такой саморегуляции своей предметной деятельности человек *овладевает также и «силами» самих вещей и предметов*, управляя ими в нужном направлении на базе применения орудий и средств. (Гегель называл это овладением «силой и самостоятельностью вещи».)

Наконец, еще одна сторона «сущностных сил» состоит в том, что их приведение в действие означает человеческую (возможную только у человека!) *созидательную* деятельность в широком смысле слова, включая сюда изготовление и производство *всё новых* предметов, орудий и жизненных средств, составляющих *«вторую природу» человека*, т. е. созидание *целого мира* развивающегося *«предметного бытия»* человеческой цивилизации и культуры.

Таким образом, *онтологически* «сущностные силы» *шире* способности произвольной саморегуляции, ибо их проявление связано с задействованием «природных сил» человека и опосредовано применением орудий (в широком смысле слова); также мы можем говорить об их «предметном воплощении» в ходе предметно-преобразующей деятельности человека, вплоть до создания «второй природы» человека и т. д.

Отсюда видно, что известный шестой тезис Маркса о Фейербахе, где он говорит о сущности человека, понимается неверно; отталкиваясь от него, к «совокупности общественных отношений» почему-то приравнивают «сущность личности» (А. Б. Орлов), о чем уже говорилось. Но это по сути является вариацией ее понимания как «социального функционера», которое, по А. С. Арсеньеву, сейчас весьма распространено [7].

Маркс в этом тезисе ведет речь о «сущности человека» (а *не* личности!) *лишь* «в ее дей-

ствительности» (*in seiner Wirklichkeit*), т. е. «в ее реальном действии» (и *только* в этом аспекте!) и говорит, что она проявляется в «совокупности общественных отношений» [8, с. 262].

Ясно, что на деле тут речь идет лишь о многообразии «сущностных сил» человека, которыми человек наделен как *субъект деятельности* и которые проявляются в «совокупности общественных отношений». (Правда, понятие субъекта деятельности хотя бы в какой-то форме Марксом не было высвечено в силу разных причин.)

«Силы» и способности субъекта деятельности обычно реализуются в «оболочке» общественных отношений именно *потому*, что иначе продукты его труда не были бы *признаны* и не могли бы *циркулировать в обществе*. Кроме того, вступая в трудовые и т. д. отношения, он отчасти закрепляет свою ответственность перед другими.

Конечно, человек как субъект деятельности может ощущать, что его способности в данной системе общественных отношений реализуются плохо, что он подвергается эксплуатации или не может развернуться как профессионал. Тогда он может занять радикальную (даже отрицательную) позицию по отношению к данной системе общественных отношений, стремясь как-то изменить ее, *но это будет уже его позиция как личности!*

Но тот, кто не может толком произвольно (и ответственно) регулировать хотя бы свою активность при осуществлении *предметной* деятельности, особенно в ее *социально-значимых* формах, тот *тем более* не сможет строить всю свою жизнь сознательно, ответственно, быть хозяином своей судьбы, т. е. стать *подлинной личностью*.

Вот почему проявления *субъекта деятельности* (в том числе психологические) становятся важной основой понимания личности.

Субъект деятельности или личность: проблема конечной саморегуляции деятельности и уровней ответственности человека. На данном этапе анализа следует поставить во весь рост один принципиальный вопрос, не являющийся праздным в виду упомянутой путаницы понятий *индивида, субъекта деятельности и личности*: в какой мере личность *либо* всё же субъект деятельности реально регулируют, ориентируют, планируют и организуют *базовые, социально значимые виды деятельности человека* (тру-

довая, учебно-профессиональная, общественная деятельность и т. д.)? Подобный вопрос ставил в своих последних работах такой признанный «зубр» нашей психологии, как В. П. Зинченко.

М. Хайдеггер, а впоследствии В. П. Зинченко [1, с. 54] указывали, что латинское по происхождению слово «субъект» (*subjectus*) имеет оттенок «*нечто, лежащее “под”*». В английском языке слово «субъект» (*subject*) имеет похожие смысловые оттенки: «подлежащее» и, более широко, «*нечто, лежащее “под”*», а также «подданный», «подвластный» чему-либо (*to*). В филологии оно имеет и еще одно значение – «агент действия». (Отсюда, видимо, психологи и взяли понятие «субъект деятельности», что кажется нам достаточно *логичным*.)

В. П. Зинченко верно отмечает, что субъект деятельности и сама деятельность есть нечто «лежащее под личностью», отчасти *подчиненное* ей. То есть, хотя субъект деятельности, как мы видели, *сам* реализует, контролирует и т. д. *текущее выполнение* своей деятельности, однако личность в какой-то жизненной ситуации *может стать конечным «распорядителем» деятельности субъекта, заменяя ее на другую или же побуждая создавать новую* и т. д. [1, с. 54].

В то же время в ординарной ситуации сам *субъект деятельности* «подвластен» конкретной деятельности (потому-то он и *субъект* ее!), т. е. он лежит «под» нею и реализует предполагаемые ею социальные функции, ее важнейшие задачи и *каноны*, преднаходимые субъектом *в культуре профессионального сообщества*. В этом смысле замечание В. П. Зинченко о том, что «вне своих функций субъект бессодержателен и пуст», не должно наводить на мысль об «ограниченности» субъекта деятельности. Тут надо учитывать, что выполнение основных функций деятельности, ее *полноценное осуществление* выступает аспектом реализации конкретной «сущностной силы» человека (см. выше).

«Сущностная сила» человека, как мы видели, предполагает некую связь с его сущностью, которая, как и всякая сущность, *не частична, а целостна!* Субъект как «частичный» человек выступает на сцену скорее тогда, когда его призывают овладеть набором неких частных «компетенций», наиболее «востребованных» работодателем и, якобы, «рынком». (Впрочем, в вузовской системе необходимый

набор «компетенций» преподавателя подчас определяет даже не его непосредственный работодатель, а министерство.)

С этих позиций может быть оспорен так называемый «компетентностный подход» в педагогике, а также то, как он понимает «современные требования» к специалисту (профессионалу) и его *профессиональную ответственность*.

Так или иначе, в осмыслении социальных аспектов профессиональной ответственности современного преподавателя рано или поздно должно сказать свое слово наше профессиональное сообщество, а не только «руководящие инстанции».

Тут надо также учесть, что *сама деятельность*, например *профессиональная*, есть *социокультурное по своей природе* образование и имеет сложную психологическую структуру, отчасти вскрытую уже А. Н. Леонтьевым [2]. Это ее *мотивы* (результат нашего профессионального воспитания будущего специалиста), отдельные *действия* с их конкретными целями и составляющими их *операциями*, с их *образной ориентировочной основой* (в понимании П. Я. Гальперина) и т. д.

Сюда мы добавили бы и соответствующие формы *интерактивного общения*, немалая значимость которых (особенно когда деятельность имеет совместно-разделенный характер) не была вскрыта А. Н. Леонтьевым. Дефекты *интерактивного общения* индивидуального субъекта (как субъекта-участника) такой деятельности, его неумение «играть в четыре руки» нередко ведут к «сбоям» в реализации ответственной саморегуляции его активности.

И всеми этими компонентами деятельности (и активности самого субъекта деятельности) и *может* отчасти «распоряжаться» личность; она может, принципиально не отказываясь от какой-то деятельности, в каких-то аспектах неприемлемой для нее, попытаться видоизменить характер *мотивов* деятельности (на своем субъектно-деятельностном уровне!), внести какие-то творческие новации в соответствующие действия и операции и т. п. Причем такие изменения она может осуществлять на базе своих широких *личностных смыслов*, в чем и выражается *личностно-смысловая регуляция* активности.

Конечно, находясь *над* деятельностью субъекта, личность несет *особую ответственность* за все те изменения и новации, которые она в нее вносит.

В целом для *феномена личности характерно наиболее полное выражение родовой сущности человека в форме его индивидуального существования*.

Родовая сущность человека, как мы видели, заключается в том, что он не просто реализует свое бытие, но делает его и всю свою жизнедеятельность *предметом* своей воли и сознания. Согласно экзистенциализму, *сущность* человека сводится к его *ответственности за свое бытие* и за то, что его окружает, за то, во что он *был вовлечен даже невольно* и что может деформировать его бытие, вплоть до навязывания ему *нечеловеческих форм*.

Сартр приводит блестящий пример *личностной* ответственности человека, невольно вовлеченного в массовые деструктивные действия (захватническая война). «Если я пошел на войну, чтобы избежать смерти или бесчестия (из-за обвинения в дезертирстве. – Н. Ш.), то всё происходит так, как если бы я нес полную ответственность за эту войну. Без всякого сомнения, другие декларируют ее (эту ответственность. – Н. Ш.) и, возможно, даже попытаются рассматривать меня как простого соучастника».

Однако «понятие соучастника (военных преступлений. – Н. Ш.) не имеет иного смысла, кроме юридического; но сюда это не относится» [9, р. 640]. Я был бы таким соучастником, если бы принял решение начать эту войну или подтолкнул кого-то к принятию такого решения (тогда война существовала бы «ради меня»); или я мог бы обеспечивать и организовывать эту войну (и тогда она существовала бы «посредством меня»).

Если продолжить рассуждения Сартра, то в данной ситуации война *в своем существовании* моими действиями и *моими* юридически реальными решениями не была «опосредована», или «*положена*», как сказал бы Гегель. Момент моей внутренней, *личностной* (не просто «персональной») *ответственности* может состоять в ином – в моем *внутренне принятом и по сути свободном решении*, что эта война *всё же* существует «ради меня и посредством меня». (Такое решение, надо полагать, может побудить человека напрягать свои силы, чтобы внести «достойную» лепту в эту войну, «строго» выполнять приказы и даже найти в ней «что-то для себя».)

Но в таком *решении* (приятном, в терминах самого Сартра, в состоянии распространенно-

го в реальной жизни «самообмана») как раз и состоит моя личностная ответственность за эту войну, моя «личностная» вина, которую я должен признать.

«...Ибо зависело только от меня то, что, хотя ради меня и посредством меня эта война не существует, но я *решил*, что она существует». И далее Сартр особо уточняет: «Здесь (в этом свободном решении. – Н. Ш.) не могло быть никакого принуждения, ибо принуждение никогда не может быть достигнуто через свободу; я не имею никакого оправдания, ибо... собственная реальность человека (*réalité-humaine*) состоит в том, что для нее нет оправдания (*excuse*)», что она *ответственна* [9, р. 640].

Признание человеком недопустимости его решения об «ангажированности» в эту войну будет, надо полагать, содействовать занятию его *более ответственной позиции* в этой войне. (Например, человек будет искать случая уйти с театра военных действий, по возможности не подвергая свою жизнь опасности, и т. п.)

Таким образом, «реальность человека» (иное обозначение *человеческой сущности*) по сути дела выступает у Сартра как *ответственность человека*, особенно в *личностной* его ипостаси, о чем уже говорилось выше.

Не обходят представление об *ответственности* (и отчасти *свободе*) как характеристике личности (в ее родовой человеческой сущности) и современные психологи. (Мы здесь уже не говорим о глубокой статье С. Л. Рубинштейна о личности [10].) Формулировки такого плана встречаются часто. «Ответственность является важной составляющей, компонентом личностной зрелости» (А. А. Крылов). «Все, даже элементарные проявления личностного поведения в целом выражаются мерой сочетания свободного (спонтанного) и регулируемого (ответственного) поведения» (О. П. Елисеев) [11, с. 139].

Согласно Хайдеггеру и Сартру, отдельное (индивидуальное, личностное) человеческое «существование» изначально «брошено» в мир. Но если я «брошен» в мир, то для меня возможна и позиция в этом мире!

Специфика *ответственной личностной позиции* состоит в том, что она поддерживает и «полагает» не только то, что лежит в *основаниях* ее собственного существования в данный момент, связывает с «его» группой и ее непосредственными интересами, но и то, что

придает этому существованию *человечески-ответственный* характер в контексте ее широкого «бытия-в-мире».

Ответственная личностная «позиция» предполагает «поддержание» и «утверждение» (Гегель назвал бы это «полаганием») в социальном мире всего наиболее позитивного, конструктивного, того, что решает какие-то проблемы совместного социального бытия людей в *достаточно широком масштабе* (в пределе – в масштабах человечества). И наоборот, «неподдержание» всего негативного, деструктивного, разрушительного.

В то же время ответственная «позиция» личности может выступать и как ее упомянутое нахождение «над» деятельностью субъекта, что нередко принимает и *искаженные* формы. Рассмотрим этот момент, напрямую связанный с темой нашей статьи, подробнее.

Часто оказывается так, что *ответственно-сопричастное* со-существование личности с другими реализуется лишь в *ограниченных* масштабах (например, в масштабах материально-бытовых оснований совместной жизни тех или иных семейно-клановых группировок, в которые включен человек). При этом остальной, более широкий социум осмысливается лишь как удобный *фон* для реализации этих интересов.

Отсюда разнообразные проявления *безответственности* или, по крайней мере, *недостаточной ответственности* человека в *своей профессиональной сфере*.

Кланово-бытовые интересы (обычно они интегрируются и обобщаются «старшим» в клане) часто побуждают человека любимыми способами «экономить» свои физические силы на работе, «излишек» которых может быть переориентирован на семейно-бытовую сферу (или же просто на его «самоулажнение»). При этом здесь полностью сохраняется задача получения максимума материальных благ, а также реализации карьерных устремлений, связанных с получением еще большего количества этих благ.

В этих условиях «сущностные силы» и способности человека, реализуемые в контексте общественных (трудовых) отношений за то или иное материальное вознаграждение, низводятся (почти «по Марксу») до уровня *лишь средств поддержания индивидуального существования* (в контексте материальных интересов семейно-бытовых клановых группировок, в которые включен человек).

Здесь может происходить «редукция профессиональных обязанностей», не обусловленная даже типичными ситуациями профессионального эмоционального «выгорания», что выражает собой *отчуждение* человека как субъекта деятельности и, отчасти, личности (уже «не совсем» по Марксу).

Стремясь на своей работе «беречь почки, не напрягаться» (фраза из романа братьев Стругацких), индивид здесь старается полностью «удерживать позиции» в плане демонстрации всем и вся (а особенно вышестоящим) *видимости* эффективной профессиональной работы.

При *постоянной ориентации на реальную форму контроля* со стороны «непосредственного руководства» и как бы с его «одобрения», модель профессиональной деятельности здесь постоянно упрощается, из нее «выкидываются» все якобы «ненужные» элементы (обычно ненужные для «отчетности») или же вносятся поверхностные новомодные «новации».

При массовом распространении такой тенденции (мы связываем ее с феноменом «*бытокрапии*» [12, с. 114–117]) происходит как бы консолидация усилий большинства членов трудовых коллективов вокруг «совместного деланья» убедительной отчетности в период проверок со стороны профильных министерств и ведомств или же головных офисов компаний и т. д. При этом эффективное вовлечение членов трудовых коллективов в эти формы активности, связанные *лишь с «презентацией»* трудового процесса в плане каких-то «показателей», преподносится как достаточно высокая форма их социальной и профессиональной «ответственности», что имеет довольно мало общего с *подлинной* профессиональной и личностной ответственностью человека!

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В. П. Блуждание в трех соснах, или Тоска по личности (Из личного архива В. П. Зинченко) // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3 (23). – С. 49–58. – DOI: 10.11621/nprj.2016.0307.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1977. – 304 с.
3. Кабрин В. И. Антропологическая судьба субъекта // Методология и история психологии. – 2010. – № 1. – С. 52–68.
4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб. : Питер, 2004. – 288 с.
5. Шадрин Н. С. Об истоках общей идеи личности, индивидуальности и ее уникальных «переживаний» в некоторых философских и психологических течениях // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2018. – № 3. – С. 11–26. – DOI: 10.25513/2410-6364.2018.3.11-26.
6. Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека. – М. : Академия, 2002. – 272 с.
7. Арсеньев А. С. Кризис психологии и творческий путь С. Л. Рубинштейна // Методология и история психологии. – 2008. – № 4. – С. 109–114.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 42. – М. : Политиздат, 1974. – 536 с.
9. Sartre J.-P. L'être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique. – Paris : Gallimard, 1943. – 722 p.
10. Рубинштейн С. Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М. : Педагогика, 1974. – С. 241–255.
11. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. – СПб. : Питер, 2001. – 560 с.
12. Шадрин Н. С. Возвращение потерянного мира: Об отчуждении личности и путях его преодоления : моногр. – 3-е изд., перераб. и доп. – Уфа : Омега Сайнс, 2018. – 137 с.

Информация о статье

Дата поступления

29 октября 2020

Дата принятия в печать

11 ноября 2020

Article info

Received

October 29, 2020

Accepted

November 11, 2020

Сведения об авторе

Шадрин Николай Семенович – доктор психологических наук, кандидат философских наук, профессор педагогического факультета, заведующий лабораторией экспериментальной психологии и психодиагностики Павлодарского государственного педагогического университета (Павлодар, Казахстан). E-mail: nn_shadrin@mail.ru.

About the author

Shadrin Nikolay Semyonovich – Doctor of Psychological Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Faculty of Education, Head of the Laboratory of Experimental Psychology and Psychodiagnostics, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan). E-mail: nn_shadrin@mail.ru.

Для цитирования

Шадрин Н. С. О становлении и перспективах развития субъекта деятельности и релевантных ему форм саморегуляции и ответственности // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 66–75. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.66-75.

For citations

Shadrin N. S. On the Formation and Prospects of Development of the Subject of Activity and the Relevant Forms of Self-Regulation and Responsibility. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp. 66-75. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.66-75. (In Russian).

Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 76–82.

УДК 159.99

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.76-82

Л. А. Михеева

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ КАК ПРЕДИКТОР ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Статья посвящена результатам исследования, в ходе которого были обнаружены значимые взаимосвязи ответственности и таких феноменов, как перфекционизм и психологическое благополучие личности. Результаты исследования позволяют отнести ответственность к фундаментальным свойствам личности. Сформированность ответственного поведения связана с нормальным (здоровым) перфекционизмом и субъективным ощущением благополучия. Низкие показатели уровня ответственности обнаруживают связь с невротизацией перфекционизма и личности в целом. При этом было выявлено, что высокий уровень ответственности может встречаться при невротическом перфекционизме и низком уровне благополучия.

Ключевые слова: ответственность; перфекционизм; психологическое благополучие личности; ранняя взрослость; жизненный путь.

L. A. Mikheeva

PERSONAL RESPONSIBILITY IN EARLY ADULTHOOD AS A PREDICTOR OF PERFECTIONISM AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

The article is devoted to the results of a study that revealed significant relationships between responsibility and such phenomena as perfectionism and psychological well-being of the individual. The results of the study allow us to attribute responsibility to the fundamental properties of the individual. The formation of responsible behavior is associated with normal (healthy) perfectionism and a subjective sense of well-being. Low levels of responsibility reveal a link with neurotic perfectionism and personality in General. At the same time, it was found that a high level of responsibility can occur with neurotic perfectionism and a low level of well-being.

Keywords: responsibility; perfectionism; psychological well-being of the individual; early adulthood; life path.

Современная социальная обстановка характеризуется строгими требованиями к личности, что сопровождается значительной конкурентностью и доминированием индивидуалистической стратегии поведения. Самый первый общественный вызов человеку состоит в том, что личность должна быть конкурентноспособной. По мнению В. И. Андреева, такая личность имеет склонность к результативности и повышению качества выполнения своей деятельности, а также она отличается готовностью к принятию ответственности и соответствующих решений [1]. Следовательно, ответственное поведение является важ-

ным качеством как в личностном, так и профессиональном плане. В то же время ответственность играет значимую роль в построении жизненного пути. То, как сложится жизнь человека, зависит только от него самого, от его способности брать на себя ответственность [2]. В построении жизненного пути особой значимостью обладает период ранней взрослости. В это время происходит формирование ценностей, мировоззрения и субъектности позиции. Исходя из этого, мы можем предположить, что такой психологический феномен, как ответственность, в данном возрасте будет характеризоваться устойчивостью и сформированностью.

Для лучшего понимания проявлений данного феномена необходимо изучение связей с другими личностными характеристиками. При этом анализ коррелятов ответственности способствует пониманию становления субъектности и формирования жизненной позиции человека.

Теоретической основой нашего исследования стали идеи Л. И. Дементий, которая рассматривает ответственность как ресурс и определяет ее как свойство личности, выражающееся в осознании и эмоциональном переживании необходимости выполнения значимого дела как для других людей, так и для себя, а также в готовности реализовать ответственное поведение, тем самым развивая идеи субъектного подхода С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской и др. Приверженцы субъектно-деятельностного подхода относят ответственность «не просто к личностным свойствам или чертам характера, но к особым формам существования человека, которые становятся стержневыми в жизнедеятельности человека» [3, с. 11].

О. Ю. Гроголева в своих исследованиях ответственности у младших школьников утверждает, что на стадии ответственности «Я» (стадии развития ответственности А. Блази), которая следует за формированием самосознания, ответственность участвует в оценке всех черт личности. То есть через внутреннюю ответственность индивид оценивает себя как нравственно-зрелую личность [4].

Взаимосвязи ответственности и конкретно перфекционизма в психологической литературе не уделяется много внимания. Чаще рассматриваются связи ответственности с феноменами, которые являются составляющими перфекционизма или сходны с ним по значению, например личностные притязания. Так, Л. И. Дементий говорит о том, что формирование ответственного поведения происходит одновременно с формированием адекватного реалистического уровня притязаний. Наряду с принятием личной ответственности формируется система требований к собственной личности, которая в последующем является основой для определения объекта ответственности. Каждая личность обладает уникальной системой условий, следовательно, и исключительным ответственным поведением. В то же время отмечается важность реалистичности требований, так как неадекватные притязания, невротические тенденции могут при-

вести к невротизации и самой личности. Помимо требований к самому себе, притязания выступают в форме требований к другим людям. Ответственное поведение личности основывается, в первую очередь, на притязаниях первого типа, т. е. личность опирается на внутренние критерии [3]. Такая трактовка притязаний перекликается с моделью перфекционизма П. Л. Хьюитта и Г. Л. Флетта, которые разделяют перфекционизм, ориентированный на себя, и перфекционизм, ориентированный на других [5].

Люди, готовые принимать на себя ответственность, по мнению М. Ш. Магомеда-Эминова, отличаются доминирующим мотивом стремления к успеху. Для таких людей ответственное поведение выступает способом достижения успешности [6].

В то же время А. Б. Холмогорова, рассматривая перфекционизм как расстройство, утверждает, что отказ от ответственности за собственную жизнь является фактором формирования перфекционизма [7]. Следовательно, можно предположить, что готовность принимать ответственность имеет прямую связь с тем, каким образом будет формироваться перфекционизм и как он будет проявляться. А уже сам уровень ответственности или ее степень может быть связана с уровнем перфекционизма. Так, незначительная требовательность к себе будет сопровождаться ситуационными проявлениями ответственного поведения, напротив, излишняя требовательность создает условие обязательства, при котором ответственность присутствует повсеместно.

Мы предполагаем, что определенное сочетание ответственности и перфекционизма может как выступать ресурсным основанием, так и, напротив, не становиться им. Например, в исследовании М. В. Разиной и О. П. Нечепоренко было обнаружено, что чем человек требовательнее к себе и ставит перед собой более сложные цели, тем успешнее он будет справляться с трудностями, достигать успеха и производить впечатление ответственного человека. При этом авторы отмечают, что несмотря на ответственное выполнение поручений, новые обязанности воспринимаются с неохотой [8]. Можно предположить о существовании некоторого внутреннего напряжения от того, что стремление быть совершенным вынуждает человека вести себя ответственно даже в тех ситуациях, которые не доставляют никакого удовольствия.

Л. И. Дементий отмечает, что при анализе ответственности важным аспектом выступает изучение удовлетворенности личности. Удовлетворенность выступает в двух формах – личностная удовлетворенность, которую также называют социальной, и процессуальная удовлетворенность, которая наблюдается в контексте осуществления какой-либо деятельности и оценки полученных результатов. Личностная удовлетворенность возникает в результате переживания личностью своей ценности и, как следствие, общественного признания [9]. В нашем случае был использован феномен психологического благополучия. Я. И. Павлоцкая на основе своих исследований дает краткую характеристику собственной ответственности и оценки ответственности других в зависимости от уровня психологического благополучия. Так, при низком уровне благополучия собственная ответственность не принимается и не оценивается, другие же получают в свой адрес упреки и обвинения. При среднем уровне благополучия собственная ответственность оценивается и соотносится с ответственностью других, получается, что оценка собственных действий происходит как бы со стороны, в сравнении с другими. То же самое происходит и с оценкой ответственности кого-то другого, т. е. анализ осуществляется в сравнении с собственными поступками. Высокий уровень психологического благополучия предполагает оценку собственной ответственности перед духовно-экзистенциальными феноменами, например перед Богом, Миром или Природой. Автор отмечает, что при высоком уровне благополучия ответственность других людей оценивается в меньшей степени, нежели собственная [10]. Из этого следует, что изучение взаимосвязи ответственного поведения и благополучия личности может показать, какие проявления ответственности способны выступать антиресурсом. Таким образом, целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи между ответственностью личности в периоде ранней взрослости и такими психологическими феноменами, как перфекционизм и психологическое благополучие.

В данной статье перфекционизм рассматривается как убежденность личности в том,

что совершенствование, как собственное, так и других людей, является той целью, к которой должен стремиться человек [11]. Психологическое благополучие, в свою очередь, определяется как достаточно сложное переживание человеком удовлетворенности собственной жизнью, отражающее одновременно как актуальные, так и потенциальные аспекты жизни личности [12].

К задачам исследования относятся:

1. Выявление взаимосвязи ответственности и перфекционизма.

2. Рассмотрение психологического благополучия как коррелята ответственности личности в период ранней взрослости.

Основной мыслью и теоретической гипотезой исследования является понимание ответственности как фундаментального свойства личности, которое выполняет важнейшую роль в построении жизненного пути.

В качестве эмпирических гипотез выступают следующие:

1. Ответственность личности имеет прямую связь с перфекционизмом, ориентированным на себя, социально-предписанным перфекционизмом и таким критерием психологического благополучия, как самопринятие.

2. Степень ответственности в ранней взрослости имеет обратную значимую связь с невротическим перфекционизмом личности.

Выборочную совокупность составили 105 человек в возрасте 20–26 лет, в числе которых 35 юношей и 70 девушек.

Для исследования был выбран следующий психодиагностический инструментарий: многомерная шкала перфекционизма П. Л. Хьюитта и Г. Л. Флетта, опросник «Ответственное поведение» Л. И. Дементий, краткий дифференциальный тест перфекционизма в адаптации А. А. Золотаревой, шкала психологического благополучия К. Рифф. Для статистической обработки данных был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Рассмотрим взаимосвязь ответственности и перфекционизма. Было обнаружено, что степень ответственного поведения положительно связана с перфекционизмом, ориентированным на себя ($r = 0,342$ при $p \leq 0,01$; рис. 1).

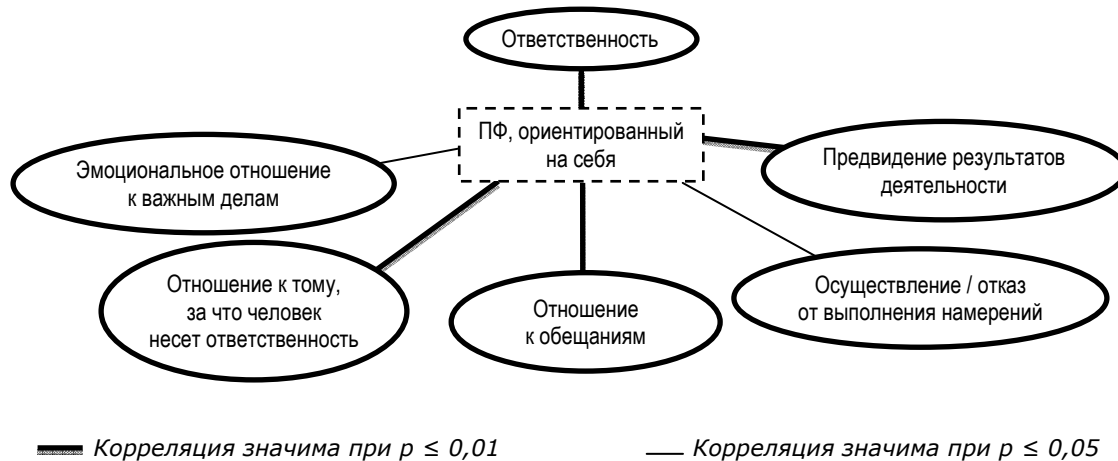

Рис. 1. Взаимосвязь ответственности и перфекционизма (ПФ), ориентированного на себя

Из рис. 1 следует, что человек, который обладает высокими показателями ответственного поведения, характеризуется завышенными стандартами и требованиями к своей личности. В данном случае перфекционизм коррелирует с такими параметрами ответственности, как предвидение результатов деятельности ($r = 0,319$ при $p \leq 0,01$), отношение к тому, за что человек должен нести ответственность ($r = 0,317$ при $p \leq 0,01$), отношение к обещаниям ($r = 0,301$ при $p \leq 0,01$), осуществление или отказ от выполнения своих намерений ($r = 0,207$ при $p \leq 0,05$) и эмоциональное отношение к важным делам ($r = 0,203$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, чем строже предъявляемые к себе условия, тем больше человек отличается склонностью предвидеть результаты своих поступков, приступает к совершению чего-либо только после анализа вероятных последствий. У такой личности есть четкое понимание того, за что каждый человек должен нести ответственность. Причем объектом ответственности должны выступать не только действия, но и намерения. Ответственное отношение человека к своим обещаниям сопровождается высокими требованиями к их исполнению и большей вероятностью осуществления своих намерений, нежели отказа от них. Также чем эмоциональнее отношение к ответственным делам, тем и требовательнее отношение к себе, тем сильнее переживание за результат. В данном случае, по нашему мнению, наблюдается определенная закономерность: чем больше человек принимает на себя ответственность, тем большее количество требований он выдвигает самому себе. Получается, что список требуемых ус-

ловий увеличивается пропорционально с количеством объектов ответственного поведения. Эти требования, в свою очередь, выступают неким внутренним контролером для человека. И образуется замкнутый круг: человек берет на себя много ответственности, далее формирует условия, при которых он должен выполнить свои обещания, эти условия не дают проявлять безответственное поведение, и человек принимает решение взять на себя еще больше ответственности.

Также была обнаружена взаимосвязь между таким параметром ответственности, как отношение к последствиям, и социально-предписанным перфекционизмом ($r = 0,229$ при $p \leq 0,05$). Данный тип перфекционизма указывает на существование у личности установки о том, что общество предъявляет жесткие требования по отношению к ней и что главной целью выступает достижение социального одобрения и принятия. Следовательно, чем более выражена будет данная установка у человека, тем больше он будет беспокоиться о последствиях своих поступков, и наоборот. У такого человека, возможно, присутствует страх осуждения со стороны общества, который заставляет постоянно думать о реакции окружающих на совершенные им поступки, сказанные слова.

Теперь обратимся к взаимосвязи ответственности и перфекционизма в норме и в ситуации пограничного психического состояния (невротический перфекционизм). Ответственное поведение положительно связано с нормальным (здоровым) перфекционизмом ($r = 0,514$ при $p \leq 0,01$; рис. 2).

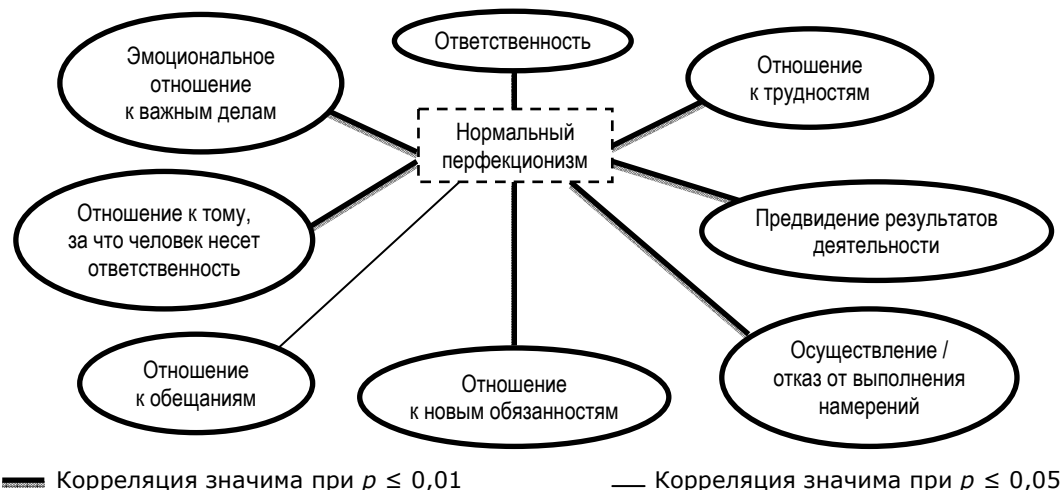

Рис. 2. Корреляции нормального перфекционизма и параметров ответственного поведения

Согласно рис. 2 здоровые проявления перфекционистских ориентаций напрямую связаны с тем, насколько выражена ответственность личности. То есть чем ответственнее человек, тем более адекватным, конструктивным и не разрушающим является его перфекционизм, и наоборот.

Что касается параметров ответственного поведения, то были обнаружены взаимосвязи нормального перфекционизма со следующими параметрами: осуществление или отказ от выполнения своих намерений ($r = 0,533$ при $p \leq 0,01$), эмоциональное отношение к ответственным делам ($r = 0,499$ при $p \leq 0,01$), отношение к трудностям ($r = 0,472$ при $p \leq 0,01$), отношение к новым обязанностям ($r = 0,370$ при $p \leq 0,01$), предвидение результатов деятельности ($r = 0,263$ при $p \leq 0,01$), отношение к тому, за что человек должен нести ответственность ($r = 0,224$ при $p \leq 0,01$), и отношение к обещаниям ($r = 0,223$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, чем чаще встречается выбор в пользу осуществления своих намерений и целей, чем положительнее эмоциональное отношение к важным и ответственным делам, событиям, тем более выражены проявления нормального (здорового) перфекционизма. Различные трудности в данном случае воспринимаются более позитивно и отличаются большей вероятностью разрешения. Отношение к новым обязанностям, поручениям и просьбам также является позитивным и ответственным. Нормальный перфекционизм

связан с ответственным отношением к собственным обещаниям. Можно предположить, что серьезное и ответственное отношение к обещаниям сигнализирует о том, что человек, обещая что-то другим, делает это осознанно и искренне. Он действительно понимает, что хочет выполнить свое обещание. Хотелось отметить, что при здоровом перфекционизме притязания личности находятся на нормальном уровне, следовательно, характеристики ответственного поведения равным образом должны быть адекватными, объективными и обоснованными. Мы предполагаем, что если ответственность и притязания будут выходить за рамки адекватности, то перфекционизм, в свою очередь, будет обладать невротическими проявлениями.

В результате нашего исследования невротический перфекционизм обнаруживает значимые обратные взаимосвязи с такими параметрами ответственности, как отношение к трудностям ($r = -0,426$ при $p \leq 0,01$) и эмоциональное отношение к важным делам ($r = -0,287$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, чем более сложной человек воспринимает какую-либо трудную жизненную ситуацию, чем больше он теряется при столкновении с ней, тем выраженнее проявления невротизации перфекционизма, к которым относят страх неудач, стремление избежать ошибки, неспособность испытывать удовольствие от работы.

Далее рассмотрим взаимосвязь ответственного поведения и психологического благополучия (рис. 3).

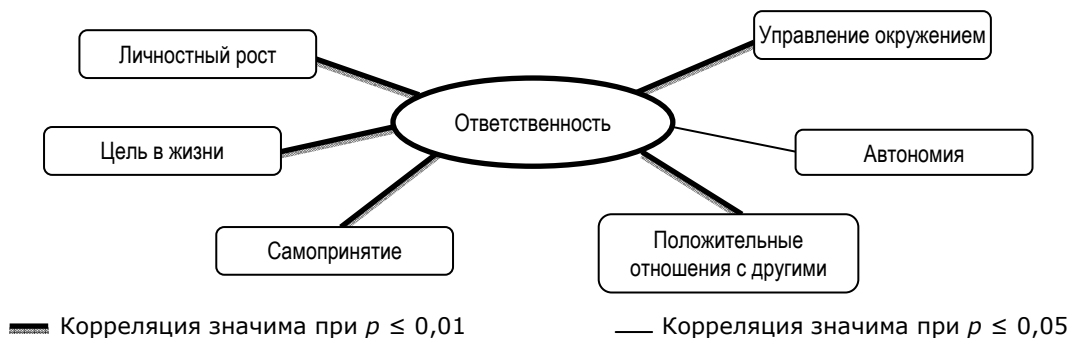

Рис. 3. Взаимосвязь ответственности и критериев психологического благополучия

В ходе исследования были выявлены корреляции между ответственностью и следующими параметрами благополучия: цель в жизни ($r = 0,603$ при $p \leq 0,01$), личностный рост ($r = 0,587$ при $p \leq 0,01$), управление окружением ($r = 0,477$ при $p \leq 0,01$), положительные отношения с другими ($r = 0,322$ при $p \leq 0,01$), самопринятие ($r = 0,295$ при $p \leq 0,01$) и автономия ($r = 0,228$ при $p \leq 0,05$). Исходя из этого, чем выше уровень ответственности личности, тем большее количество целей он ставит в своей жизни, тем серьезнее его намерения. Это подтверждается обнаруженной нами взаимосвязью между критерием благополучия – целью в жизни – и параметром ответственного поведения – осуществлением или отказом от выполнения своих намерений ($r = 0,492$ при $p \leq 0,01$). Эта взаимосвязь свидетельствует о том, что чем больше человек реализует задуманного, тем больше целей и намерений возникает. Это объясняется тем, что осуществление одних планов способствует возникновению других, тем самым человек находится в постоянном развитии. Ощущать себя саморазвивающимся, не стоящим на месте, для ответственного человека очень важно, что подтверждается связью личностного роста и ответственности. Высокие показатели ответственности свидетельствуют об умении организовать свою деятельность и внешние обстоятельства выгодным для себя образом. Ответственное поведение приветствуется и поощряется в обществе, поэтому с большими проявлениями ответственности появляется большая возможность установить близкие отношения с окружающими, которые характеризуются доверием и поддержкой.

Несмотря на то, что была обнаружена положительная взаимосвязь ответственности и психологического благополучия, в нашем исследовании встречаются частные случаи (6,6%), в которых высокий уровень ответственности, напротив, сопровождается низким

уровнем благополучия. Особенно нами было отмечено, что у этих 6,6% наблюдаются низкие показатели самопринятия. Мы предполагаем, что при таком сочетании высокого уровня ответственности и низкого показателя благополучия происходит невротизация личности за счет сверхответственности и сверхтребовательности к себе. Человек, принимая ответственность сверх своих возможностей, словно пытается доказать, в первую очередь себе, что он ценный и значимый. Однако, как мы уже говорили ранее, чем больше мы берем ответственности, тем больше требуем от себя. Поэтому неизвестно, сколько человеку с низким самопринятием потребуется взять ответственности, чтобы принять и полюбить себя.

В ходе исследования нами была установлена и изучена взаимосвязь между ответственностью и перфекционизмом. Так, перфекционизм, ориентированный на себя, положительно связан с ответственным поведением и такими его параметрами, как предвидение результатов деятельности, осуществление или отказ от выполнения своих намерений, отношение к обещаниям, отношение к тому, за что человек должен нести ответственность и эмоциональное отношение к ответственным делам. Социально-предписанный перфекционизм, в свою очередь, обнаруживает положительную связь с таким параметром ответственного поведения, как отношение к последствиям. Нормальный перфекционизм положительно взаимосвязан с ответственностью, а именно ее параметрами: отношением к трудностям, предвидением результатов деятельности, осуществлением или отказом от выполнения своих намерений, отношением к новым обязанностям, отношением к обещаниям, отношением к тому, за что человек должен нести ответственность, и эмоциональным отношением к ответственным делам. Невротический же перфекционизм имеет отрицательные связи с отношением к трудностям и эмоцио-

нальным отношением к важным делам как параметрами ответственного поведения.

В результате корреляционного анализа были обнаружены положительные взаимосвязи интегрального показателя ответственности и всех параметров психологического благополучия: положительных отношений с другими, автономией, управлением окружением, личностным ростом, целью в жизни и самопринятием.

В результате нашей работы были обнаружены значимые взаимосвязи ответственности личности и таких психологических феноменов, как психологическое благополучие и перфекционизм. Значимая связь с другими личностными характеристиками подтверждает идею о том, что ответственность является фундаментальным свойством личности. В то же время ответственность играет важнейшую роль в формировании индивидуальности личности. При этом мы обнаружили для себя новую перспективу изучения сверхответственности как невротической тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В. И. Конкурентология : учеб. курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. – Казань : Центр инновац. технологий, 2013. – 468 с.
2. Дементий Л. И. Типология ответственности и личностные условия ее реализации : дис. ... канд. психол. наук. – М., 1990. – 126 с.
3. Дементий Л. И. Ответственность как ресурс личности : моногр. – М. : Информ-Знание, 2005. – 188 с.
4. Гроголева О. Ю. Типологические особенности и детерминанта ответственности в младшем школьном возрасте : дис. ... канд. психол. наук. – Омск, 2005. – 202 с.
5. Hewitt P. L., Flett G. L. The Multidimensional Perfectionism Scale: Development and validation // Canadian Psychology. – 1989. – Vol. 30. – P. 103–109.
6. Slaney R. B., Ashby J. S., Trippi J. Perfectionism: Its measurement and career relevance // Journal of Career Assessment. – 1995. – № 3. – P. 279–297.
7. Холмогорова А. Б. Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006. – 53 с.
8. Нечепоренко О. П., Разина М. В. Гендерные особенности типологии ответственности и перфекционизма // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2012. – № 2. – С. 18–23.
9. Дементий Л. И. Ответственность: типология и личностные основания : моногр. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2001. – 192 с.
10. Павлоцкая Я. И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности : моногр. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та управления – фил. РАНХиГС, 2016. – 168 с.
11. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. – М. : Инфра-М, 2003. – 576 с.
12. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–123.

Информация о статье

Дата поступления

25 октября 2020

Дата принятия в печать

11 ноября 2020

Сведения об авторе

Михеева Лиана Алексеевна – студент факультета психологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: liana.mikheevaa@yandex.ru.

Для цитирования

Михеева Л. А. Ответственность личности в период ранней взрослости как предиктор перфекционизма и психологического благополучия // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 76–82. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.76-82.

Article info

Received

October 25, 2020

Accepted

November 11, 2020

About the author

Mikheeva Liana Alekseevna – Student of the Faculty of Psychology, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: liana.mikheevaa@yandex.ru.

For citations

Mikheeva L.A. Personal Responsibility in Early Adulthood as a Predictor of Perfectionism and Psychological Well-Being. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2020, no. 4, pp. 76-82. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.76-82. (In Russian).

Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 83–90.

УДК 159.9

DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.83-90

А. Ю. Маленова

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СОЦИАЛЬНАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ПЕРСОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»

Приведены данные о работе конференции, посвященной проблеме ответственности, которая состоялась 8–10 октября 2020 г. на базе факультета психологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Дан обзор тематики пленарных докладов, мастер-классов и сообщений в рамках приоритетных направлений: методологические, теоретические и методические проблемы изучения ответственности; ответственность в тезаурусе близких понятий: субъектность, контроль, аутентичность; ответственность личности в современном обществе: актуальные вызовы; ответственность в контексте экзистенциальных проблем личности; ответственность и безответственность личности в окружающей среде; персональная, профессиональная и социальная ответственность в чрезвычайных, экстремальных и кризисных ситуациях; социальная и персональная ответственность в условиях пандемии и самоизоляции; социальная ответственность государства, бизнеса, организаций в современном обществе; ответственность личности в профессиональной деятельности; персональная и профессиональная ответственность личности в образовательной среде; ответственность личности в контексте возрастного развития; ответственность личности в семейных и межличностных отношениях; проблема ответственности личности в исследованиях молодых ученых.

Ключевые слова: научная конференция; исследования; психология; ответственность; мастер-классы; работа секций.

A. Yu. Malenova

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION “SOCIAL, PROFESSIONAL AND PERSONAL RESPONSIBILITY OF THE PERSONALITY IN MODERN SOCIETY”

The data on the work of the conference devoted to the problem of responsibility, which took place on October 8–10, 2020 at the Faculty of Psychology of Dostoevsky Omsk State University. An overview of the topics of plenary reports, master classes and messages is given in the framework of priority areas: methodological, theoretical and methodological problems of the study of responsibility; responsibility in the thesaurus of related concepts: subjectivity, control, authenticity; responsibility of the individual in modern society: current challenges; responsibility in the context of existential personality problems; responsibility and irresponsibility of the individual in the environment; personal, professional and social responsibility in emergency, extreme and crisis situations; social and personal responsibility in a pandemic and self-isolation; social responsibility of the state, business, organizations in modern society; responsibility of the individual in professional activities; personal and professional responsibility of the individual in the educational environment; responsibility of the individual in the context of age-related development; responsibility of the individual in family and interpersonal relationships; the problem of personal responsibility in the research of young scientists.

Keywords: scientific conference; research; psychology; responsibility; master classes; section work.

Проблематика ответственности для факультета психологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

(ОмГУ) является традиционной. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социальная,

профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе» 2020 г. является продолжением серии конференций, посвященных этой проблематике, 2008 и 2016 гг. – «Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности», – одна из которых была посвящена 15-летию факультета психологии ОмГУ, другая – 300-летию г. Омска. Ключевой целью проведения этих мероприятий выступает координация усилий отечественных и зарубежных ученых и практиков в рамках проблемы ответственности как одной из наиболее актуальных для современного общества и личности, имеющей явный междисциплинарный характер. В этом году в конференции приняли участие психологи, философы, юристы, экономисты, педагоги, медицинские и социальные работники, сотрудники силовых структур, специалисты по работе с молодежью, государственные и муниципальные служащие, преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты.

Рост интереса к проблеме ответственности отражается и в количестве участников конференций, оно возросло более чем в шесть раз: с 40 человек в 2008 г. до более 250 человек – в 2020-м. Значительно расширилась и география участников. В этом году в конференции приняли участие представители восьми стран (Великобритания, Казахстан, Беларусь, Узбекистан, Украина, Луганская народная республика, Донецкая народная республика, Россия) из 55 городов – от Лондона до Владивостока.

Перечень направлений конференции в этом году был широк и многогранен. Ключевыми вопросами выступили уже ставшие традиционными для этой области – методологические, теоретические и методические проблемы изучения ответственности, ответственность в контексте экзистенциальных проблем личности, ответственность субъекта в разных сферах жизнедеятельности (здоровье, образование, семейные и межличностные отношения), ответственность в профессиональной деятельности, проблема ответственности и активности личности в трудных жизненных ситуациях. Не меньший интерес и отклик вызвали и новые, актуальные направления конференции: социальная ответственность государства, бизнеса, организаций в современном обществе, ответственность личности в кризисных, чрезвычайных

ситуациях, в частности в условиях пандемии; ответственность и безответственность личности в окружающей среде, в том числе в городской.

Помимо секционных обсуждений, проведенных в этом непростом для нашей страны и всего мира году в дистанционном формате, программа мероприятия включала пленарное заседание, мастер-классы, работу секции «Проблема ответственности личности в исследованиях молодых ученых», подведение итогов конференции, организованных онлайн с трансляцией на YouTube-канале.

Открытие конференции 8 октября 2020 г. началось с приветственного слова врио ректора Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доктора экономических наук, профессора Р. Г. Смелика. В рамках своего выступления Роман Григорьевич обозначил важность научных мероприятий всероссийского и международного уровня для развития университета, отметив, что проблема ответственности имеет огромное значение для современного общества, особенно в сложившихся обстоятельствах жизни и деятельности. Доклад декана факультета психологии ОмГУ Л. И. Дементий носил название «К вопросу о поиске базовых ресурсов личности». Закономерно, что к их числу Людмила Ивановна отнесла, в первую очередь, ответственность личности, подтвердив обоснованность этого утверждения результатами многолетней исследовательской и практической деятельности. В следующем докладе профессора Высшей школы экономики С. К. Нартовой-Бочавер была обозначена проблема аутентичности, которая лишь недавно стала предметом исследований в науке, в отличие от ответственности, которая изучается в российской психологической традиции достаточно давно. По мнению Софьи Кимовны, как и ответственность, аутентичность представляет собой интегративный феномен личности, отражающий высший уровень субъектности и зрелости личности, при котором возможно управлять происходящим в собственной жизни и в мире, стремясь к подлинности и самовыражению. Идею личностной зрелости поддержал в своем докладе и профессор Тюменского государственного университета Е. Л. Доценко, рассматривая ответственность как меру зрелости поступка. С позиции Евгения Лео-

нидовича, ответственный поступок всегда сопряжен с готовностью нести ответственность и за совершенные выборы, и за отвергнутые, что требует от человека хорошего понимания себя, чего он хочет от жизни, четких приоритетов, определенности отношения к своим ценностям. Большой интерес вызвал дискуссионный доклад еще одного представителя московской психологической школы – профессора Н. С. Пряжникова, в рамках которого ответственность раскрывалась как альтруистически ориентированная активность, основанная на осознании последствий своей деятельности. Николай Сергеевич отметил, что в современных условиях профессиональной деятельности часто наблюдается вынужденная необходимость имитаций ответственности, когда к работнику предъявляются требования, зачастую противоречащие его профессиональной совести, чему способствует бюрократическое давление различных директивных предписаний. Еще большую остроту проблема ответственности приобрела в рамках сообщения нашего коллеги из Санкт-Петербургского государственного университета – Сергея Павловича Шклярука, раскрывающего этот феномен с позиции психологии кризисных и экстремальных ситуаций, что отличается особой актуальностью в ситуации пандемии COVID-19. В свою очередь, профессор Костромского государственного университета С. А. Хазова подчеркнула, что в сложившихся обстоятельствах жизнедеятельности именно принятие ответственности выступает важной стратегией и ресурсом совладания. Завершал пленарную сессию доклад зав. кафедрой акмеологии и психологии среды Уральского государственного педагогического университета О. В. Кружковой, поднявшей еще одну актуальную проблему современного общества – вандализма в мегаполисе как своеобразного индикатора социальной ответственности личности в городской среде. Ключевым тезисом выступления Ольги Владимировны можно считать предположение, что ответственность личности за пространство, в котором она проживает, детерминируется большим количеством факторов – от актуального состояния среды до системы существующих социальных связей. Докладчик отметила, что формирование социальной ответственности личности в городской среде выступает залогом не только со-

хранности городского пространства, но и повышения общего качества жизни населения.

9 октября в рамках конференции состоялась работа четырех мастер-классов, направленных на обсуждение и решение проблем диагностики, формирования и развития ответственности личности, а также оценку возможностей сочетания разных типов ответственности: «Ответственность как мера зрелости поступка (анализ жизненных и консультативных ситуаций)» (Е. Л. Доценко, О. В. Пчелина, г. Тюмень), «Ответственность в контексте взросления личности: диагностика, формирование, сопровождение» (Л. И. Дементий, О. Ю. Гроголева, г. Омск), «Возможности психологического театра в развитии индивидуальной и командной ответственности у подростков» (О. Н. Вишневецкая, г. Кострома), «Взболтать, но не смешивать! Феноменологический анализ опытов сочетания личной и профессиональной ответственности» (А. О. Кожевникова, Н. В. Миргород, М. С. Бриль, В. Ф. Федоров, Е. В. Пестерева, Д. В. Антонова, О. В. Фельсендорфф, г. Санкт-Петербург), «Методика диагностики личной эффективности» (Н. В. Антонова, г. Москва).

Помимо пленарного заседания и мастер-классов в рамках конференции была организована дистанционная работа 13 секций, отражающих наиболее приоритетные направления исследований проблемы ответственности.

Секция «Методологические, теоретические и методические проблемы изучения ответственности» объединила ученых из разных городов и стран, имеющих четкую концептуальную позицию в отношении изучения данной проблематики. Ими были подняты методологические вопросы изучения категории «ответственность» в научной литературе (В. И. Рерке, В. И. Демаков, Я. А. Портная, г. Иркутск), в том числе через призму представлений о профессиональной ответственности (О. В. Конаш, г. Гомель), природы ответственности и свободы личности (Н. С. Шадрин, г. Павлодар), гносеологические аспекты концепции познания аль-Фараби в формировании ответственности личности (Ф. А. Юлдашев, М. Б. Юлдашева, г. Фергана), анализ роли личности в истории по концепции Н. И. Кареева как основы развития инновационной модели личности в современном обществе (К. К. Ога-

нн, г. Санкт-Петербург), качества управления и развития гуманизма, ответственности и продуктивности в контексте педагогической поддержки личности (Л. А. Устинова, Н. В. Балицкая, Е. В. Митькина, г. Новокузнецк), формирования культуры самостоятельной работы обучающегося (И. В. Бойкова, г. Самара; Д. В. Бойков, Т. В. Демидова, г. Новокузнецк) и патентно-технической культуры личности (И. П. Калистратов, Ю. С. Мустафин, г. Новокузнецк; С. В. Сорочкин, г. Москва), научно-педагогического донорства и фасилитации в контексте идей образовательной, социальной и профессиональной ответственности (О. А. Козырева, А. А. Перина, И. И. Фатыхова, г. Новокузнецк), в том числе на примере спортивных образовательных организаций (О. И. Фирсова, А. И. Антоненко, А. А. Кошелев, г. Новокузнецк). Методический аспект изучения ответственности раскрывался через поиск ее показателей в условиях различных заболеваний (Е. Б. Фанталова, г. Москва), для оценки уровня развития у детей и подростков как необходимого условия успешной профессиональной деятельности социального педагога (С. В. Пазухина, г. Тула), с целью диагностики личной эффективности в процессе проведения коучинга (Н. В. Антонова, г. Москва).

Отдельная секция в этом году была посвящена анализу проблемы ответственности в тезаурусе близких понятий. В рамках докладов участников поднимались вопросы ответственности, субъектности и творчества (С. П. Потанин, г. Санкт-Петербург), веры в свободу воли как средства изменения зрелости поступков (О. В. Пчелина, г. Тюмень), ответственности как формы фиксации становления личностного опыта нравственного самоопределения (Т. С. Купавцев, г. Москва), ответственности в структуре саморегуляции поведения личности (Л. И. Дементий, г. Омск), ответственности и аутентичности личности (С. К. Нартова-Бочавер, Б. Д. Ирхин, С. И. Резниченко, К. А. Бочавер, Е. В. Быстрова, К. С. Чулюкин, Р. М. Байрамян, г. Москва).

К числу актуальных вызовов для ответственности личности в современном обществе, анализу которых была посвящена третья секция конференции, участники отнесли целый спектр факторов технотронной цивилизации: проблемы технологического развития

(А. А. Антипенко, г. Омск), условия цифровизации жизнедеятельности (О. А. Москвитина, г. Москва), специфику интернет-коммуникации (Ж. Е. Турманова, г. Нур-Султан), функционирование искусственного интеллекта в современной цифровой экономике (О. А. Карпенко, г. Самара). Не остались без внимания актуальные социальные и образовательные тренды – социальная ответственность и активность молодежи (Е. Ю. Костина, А. О. Панфилова, г. Владивосток), в том числе в добровольческой деятельности (А. А. Косова, Н. Н. Зеленцова, г. Калуга), формирование личной ответственности в практиках здорового образа жизни (В. В. Шаталина, г. Глазго; Г. Д. Тарасова, г. Москва), модели и виды ответственности личности в системе образования (А. А. Мирошниченко, г. Глазов; Д. Р. Мерзлякова, г. Ижевск), в частности непрерывного (И. А. Шибаев, О. Я. Гутак, Н. А. Чечина, г. Новокузнецк). По-прежнему в центре внимания остается проблема духовно-нравственной ответственности (С. И. Ивентьев, Г. Р. Асадуллина, г. Казань). Значимость этого аспекта подтверждают доклады, представленные в рамках работы четвертой секции – «Ответственность в контексте экзистенциальных проблем личности». Авторы отмечали необходимость установления специальных норм ответственности в сферах милосердия (В. А. Скорев, г. Омск), раскрывали ответственность как необходимое условие (О. В. Андреева, г. Владивосток) и ресурс (А. А. Маленов, г. Омск) самореализации личности, как феномен интегрированных представлений субъекта о собственном бытии (С. Б. Бажутина, г. Луганск). Присоединялись к феноменологии ответственности через проблему жизненных стратегий личности (В. Е. Купченко, г. Омск) и осознание экзистенциального одиночества в межличностных взаимоотношениях (А. Д. Лебедева, О. Н. Ракитская, г. Вологда), в контексте влияния духовно-нравственных детерминант на процесс принятия решений в проблемных ситуациях (А. В. Ковалёва, Е. А. Марусенко, г. Луганск).

Еще одним актуальным направлением, требующим пристального внимания в современном обществе, выступает ответственность и безответственность личности в окружающей среде. В рамках работы этой секции поднимались вопросы вандализма лич-

ности в городской среде (*И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, г. Екатеринбург*), прежде всего со стороны молодежи (*Д. В. Руденкин, г. Екатеринбург*), а также регуляции вандального поведения населения на законодательном уровне (*К. В. Злоказов, г. Екатеринбург*). Целый ряд исследователей обратился к конкретным экологическим проблемам в поиске их решения – физические загрязнения окружающей среды, раздельный сбор мусора, социальная ответственность предприятий атомной отрасли (*В. А. Головачева, г. Ульяновск; И. А. Марасова, А. Р. Сафиулин, г. Дмитровград*). Красной нитью секции выступила проблема отношения к среде обитания – городской и природной – со стороны молодого поколения, которому предстоит жить на нашей планете не только в ближайшем, но и отдаленном будущем (*Б. Д. Ирхин, г. Москва; И. Ю. Маргошина, г. Санкт-Петербург; Е. А. Мухортова, г. Москва*). Был отмечен ярко выраженный культуuroобразующий феномен экологии (*С. П. Сагатчук, г. Волоколамск*) на фоне настоятельной необходимости экологического воспитания молодежи, прежде всего в рамках специализированных образовательных программ (*Ж. В. Плехотникова, Ю. Г. Устинова, г. Старый Оскол*).

Особую остроту конференции, безусловно, придавала проблема персональной, профессиональной и социальной ответственности в чрезвычайных, экстремальных и кризисных ситуациях, прежде всего в условиях пандемии и самоизоляции. Обсуждение этих вопросов происходило в рамках работы двух соответствующих секций. Докладчики рассуждали о коллективном иммунитете и социальной ответственности государств (*А. М. Кадер, г. Санкт-Петербург*), личной и профессиональной ответственности работников АЭС, и конкретно Чернобыльской АЭС, в чрезвычайных ситуациях (*В. А. Головачева, г. Ульяновск; И. А. Марасова, А. Р. Сафиулин, г. Дмитровград*), соотношении информационной культуры и профессиональной ответственности личности (*О. В. Языкова, С. В. Языков, С. Д. Коткин, г. Новокузнецк*), искали обоснование профессиональной ответственности в использовании технологий фасилитации, поддержки и научного донорства (*С. М. Шведова, Н. А. Козырев, С. А. Чудинова, г. Новокузнецк*), оценивали степень социальной ответственности моло-

дежи за свое здоровье в чрезвычайных ситуациях (*М. М. Книсарина, Г. С. Жумалиева, Г. М. Ертукешова, А. М. Макашева, г. Актобе*), отслеживали динамику ценностных ориентаций пожилого населения, проживающего на территориях прифронтовых линий (*Н. Ю. Епихина, г. Луганск*), давали оценку социально-политическому протесту в поле политики Беларуси (*А. В. Гавриков, г. Минск*). В работе секции, посвященной проблеме ответственности в условиях пандемии, поднимались вопросы государственной (*А. Ю. Врачева, г. Калининград*) и юридической (*Н. И. Минкина, г. Барнаул*) ответственности граждан в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах, их персональной (*С. И. Конжин, г. Кострома; С. Ю. Лаврентьев, г. Йошкар-Ола*) и социальной ответственности (*Л. З. Левит, г. Минск; И. В. Степура, г. Киев*), прежде всего в условиях исполнения самоизоляционных мер (*В. А. Удалова, Э. Б. Карпова, Е. А. Николаева, г. Санкт-Петербург*), а также влияния самоизоляции на семейные взаимоотношения (*Е. А. Силина, Т. Л. Крюкова, г. Кострома*). Вопрос о профессиональной ответственности в условиях пандемии преимущественно раскрывался с позиции медицинских работников (*М. В. Вагайцева, К. О. Кондратьева, Т. Ю. Семиглазова, г. Санкт-Петербург*), преподавателей (*Е. В. Кныш, А. А. Кныш, г. Екатеринбург*) и студентов (*С. В. Яремчук, г. Комсомольск-на-Амуре*).

Не меньший интерес ученых и практиков вызвала проблематика социальной ответственности государства, бизнеса, организаций в современном обществе. Докладчики обращались к анализу ответственности современного российского государства в политико-правовом (*Ю. Ю. Изварина, г. Саратов*) и нравственном (*М. К. Вострикова, Ю. С. Злыднева, г. Новосибирск*) аспектах, к оценке феномена групповой ответственности (*Е. Н. Лисова, г. Воронеж*) и видов корпоративной социальной ответственности (*А. А. Зайковская, И. Р. Либенсон, Ю. Н. Маланина, г. Иркутск*), в том числе через призму ценностного отношения к клиенту (*А. Р. Пазова, г. Ставрополь*). Проблема социальной и корпоративной ответственности раскрывалась авторами через деятельность банковских организаций (*Н. М. Галимуллина, А. Р. Гильманова, г. Казань*), социальную инициативу (*Г. Е. Черноваева,*

г. Омск) и качество жизни персонала (К. М. Оганян, г. Санкт-Петербург) бизнес-структур, реализацию патентного права как способа сохранения экономической безопасности государства (Ю. В. Гладких, В. В. Кондратенко, А. А. Желенкова, А. В. Павлюкова, г. Ростов-на-Дону). На секции также поднимались острые вопросы государственного обеспечения безопасности и поддержки отдельных групп граждан – лиц с ограниченными возможностями (Ю. В. Кузьмичева, г. Самара), детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (В. Ю. Черкасова, А. А. Ушакова, г. Екатеринбург). Особая роль в совершенствовании социокультурной, производственной жизни общества была отведена инновационным системам (К. И. Черкесова, В. И. Черкесов, Е. И. Черкесова, г. Белгород) и образованию (Т. Е. Мальцева, г. Луганск; С. А. Волков, г. Ярославль).

Работа девятой секции была посвящена проблеме профессиональной ответственности специалиста. Через призму ответственности докладчиками была дана оценка профессиональной деятельности ученых (Д. А. Рубан, г. Москва; З. А. Аксюткина, г. Омск) и преподавателей (Н. С. Пряжников, Е. В. Камнева, С. М. Буянова, Е. В. Бабанова, г. Москва), сотрудников таможенных органов (Ю. В. Гладких, Э. В. Дригола, А. А. Желенкова, г. Ростов-на-Дону), инженеров (В. А. Головачева, г. Ульяновск; А. Р. Сафиулин, г. Димитровград), медиков (А. В. Гришина, М. В. Косцова, О. К. Лысаченко, г. Севастополь; Т. В. Кулемзина, г. Донецк; Д. Н. Церфус, Н. В. Удальцова, г. Санкт-Петербург), вожатых (Д. Е. Козлова, Н. В. Грушко, г. Омск), рекламистов (Н. М. Галимуллина, А. И. Шагиева, г. Казань), блогеров (И. А. Махрина, г. Барнаул), муниципальных служащих (Н. Н. Окутина, г. Ульяновск), сотрудников производственных предприятий (М. Н. Хойна, В. В. Верна, г. Симферополь), руководителей уголовно-исправительной системы (И. В. Шагарова, г. Омск), пилотов гражданской авиации (Б. А. Ясько, Е. С. Бабичкова, г. Краснодар).

Отдельная секция была посвящена персональной и профессиональной ответственности личности в образовательной среде. В рамках докладов был представлен психологический анализ деятельности всех субъектов образовательного процесса – учащихся, педагогов, администрации, родителей. Под-

нимались глобальные вопросы взаимодействия социализации и воспитания (И. А. Ашмаров, г. Воронеж), оценки качества образовательной среды (Е. А. Чигишев, А. Н. Аксенова, Н. А. Грицаенко, г. Новокузнецк), механизмов формирования (Л. П. Прокудина, А. И. Кадачиков, М. Г. Трофимова, г. Новокузнецк) и развития (Н. А. Казанцева, С. В. Платонова, Е. Ю. Данилов, г. Новокузнецк) ответственности личности в образовательной организации, ее значения в профессиональном становлении будущего специалиста (Л. Н. Антилогова, г. Омск; Н. А. Галибина, г. Макеевка) и роли преподавателей, образовательных технологий в закреплении ответственности как черты личности (Т. А. Лавина, Е. А. Мытникова, г. Чебоксары; Л. Н. Судьбина, О. С. Горюшкина, И. Н. Омельчук, г. Новокузнецк). Обсуждались особенности проявления ответственности педагогических работников в условиях реализации инклюзивного (Л. Ю. Шавшаева, г. Оренбург) и непрерывного (Н. Н. Шибеева, М. П. Горелов, г. Новокузнецк; С. В. Коновалов, г. Самара) образования, а также необходимости совершенствования профессиональных компетенций педагога в контексте информатизации общества (М. С. Ружников, В. В. Монжиевская, В. В. Харченко, г. Иркутск). Помимо обучающихся, по мнению докладчиков, ответственность педагога должна распространяться и на их родителей, содействуя эффективному взаимодействию институтов образования и семьи (Т. А. Анурова, И. В. Ирхина, г. Белгород; А. В. Вторушина, Н. А. Гусева, г. Ярославль), а также на самого себя, в частности через ответственное отношение к собственному здоровью (С. М. Шингаев, г. Санкт-Петербург). Однако, ответственность должны проявлять не только педагоги, но и руководители образовательных организаций (С. В. Морин, М. И. Муравьева, М. В. Поскотина, г. Новокузнецк) и сами студенты, особенно в ситуации дистанционного обучения (В. И. Белоусова, К. С. Поторочина, г. Екатеринбург). К тому же студенты должны нести ответственность за свое здоровье, как физическое (Е. И. Барышева, г. Луганск), так и психическое (Ж. Т. Төлепбергени, М. М. Книсарина, Г. У. Бекешова, г. Актобе), а порой, и за здоровье других людей в контексте будущей профессиональной деятельности (О. А. Угольникова, Д. И. Пожаркин, Е. С. Щеткина, г. Новокузнецк). В качестве личностных ре-

сурсов обучающихся, способствующих формированию ответственного поведения, исследователями отмечались интернальность (А. А. Смирнов, Е. В. Соловьева, г. Ярославль), смыслообразующие ценностные ориентации (Л. В. Лазарева, г. Пенза), эмоциональный интеллект и перфекционизм (Н. Н. Карловская, г. Омск).

Еще одним важным аспектом проблемы ответственности личности выступает ее изучение в контексте возрастного развития. Секция, ему посвященная, объединила ученых и практиков, занимающихся вопросом психологического сопровождения личности в разные возрастные периоды. В их докладах ответственность раскрывалась через призму возрастосообразного развития (А. А. Быкова, Е. Г. Селиванова, г. Новокузнецк; Д. Ю. Чупин, г. Новосибирск), возрастные представления о ней (А. А. Баканова, г. Санкт-Петербург), а также оценку проявления ответственности на его конкретном этапе. Многие авторы сконцентрировали свои усилия на изучении барьеров проявления ответственности и ресурсов (внутренних и внешних), доступных личностям в подростковом возрасте (И. М. Дементьева, г. Краснодар; Л. С. Самсоненко, г. Оренбург), юности (С. В. Чернобровкина, г. Омск), взрослости (Г. Ж. Менлибекова, г. Нур-Султан), старости (И. М. Муратова, г. Луганск; О. А. Малыгина, г. Ярославль). Особого внимания заслужили трудные жизненные ситуации, актуализирующие и создающие наиболее релевантные условия для проявления ответственности как нормативного типа, например сепарация от родительской семьи (О. Ю. Гроголева, Д. А. Прирезова, г. Омск; Е. В. Тихомирова, А. А. Румянцева, г. Кострома; Ю. В. Потапова, г. Омск), так и ненормативного, кризисного характера, например ситуации суицидального риска (Е. А. Трухан, М. А. Шаранда, г. Минск). Тематика этой секции во многом пересекалась с проблемами, рассматриваемыми в секции «Ответственность личности в семейных и межличностных отношениях». В рамках докладов ее участников обсуждались вопросы психологического благополучия переживающих ревность в романтических отношениях взрослых (А. А. Голубева, Т. П. Опекина, г. Кострома), взаимосвязь межличностной зависимости и ценностных ориентаций личности в ранней взрослости (П. И. Каменский, г. Ко-

строма), механизмы формирования ответственности у студентов при создании семьи (А. Ф. Филатова, г. Омск) и психологические детерминанты ответственности в альтернативных формах брака (Е. А. Шайкина, г. Луганск) и родительства (А. Ю. Маленова, г. Омск). Не остались без внимания и трудные жизненные ситуации, возникающие в семейных и межличностных отношениях, определяя соответствующую тематику докладов: атрибуция вины в межличностных конфликтах студентов (Ю. С. Смирнова, г. Минск), психологическая помощь подросткам, пережившим психологическое насилие в семье (А. В. Онучина, г. Советск), семейный нарратив о совладании и персонализированная ответственность в контексте психологического благополучия человека (М. В. Сапоровская, г. Кострома), предикторы отказа замещающих матерей от воспитания приемного ребенка (А. Г. Самохвалова, г. Кострома), принятие ответственности как аспект жизненного стиля семей, включающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья (С. А. Хазова, Н. С. Шипова, г. Кострома).

10 октября онлайн свои научные разработки по проблематике ответственности представили молодые ученые в рамках соответствующей секции. В своих докладах начинающие исследователи раскрывали специфику формирования ответственности в младшем школьном возрасте через призму семейных факторов (А. В. Белявская, г. Омск), делали анализ переживания упущенных возможностей (Д. А. Гущина, г. Кострома), оценивали психологическое благополучие взрослых через оценку их ответственности и перфекционизма (Л. А. Михеева, г. Омск), а также переживание ревности в романтических отношениях (А. А. Голубева, г. Кострома), изучали агрессивность у вожатых детских оздоровительных лагерей (Д. Е. Козлова, г. Омск) и особенности семейных отношений в ситуации стресса самоизоляции (Е. А. Силина, г. Кострома), устанавливали связь ответственности с самоинтерпретацией и эмоциональным благополучием студенческой молодежи (Е. Е. Федотова, г. Омск), раскрывали ответственность как ресурс жизнеспособности личности (А. Н. Удодова, г. Кострома) и пытались понять особенности проявления ответственности педагога за формирование безопасной

дистанционной образовательной среды в условиях мероприятий по профилактике коронавирусной инфекции (И. А. Скоробренко, г. Челябинск).

Не менее интересные темы были представлены молодыми исследователями и в рамках дистанционной работы одноименной секции: влияние научного прогресса на формирование личностных качеств молодых ученых (А. А. Аржиловская, г. Тюмень), ответственность личности в профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий (А. Е. Баранкина, г. Нижний Новгород), правовая основа противодействия экстремизму в России (Э. В. Бикметова, г. Уфа), интернальность как фактор копинг-поведения и когнитивной оценки ситуации экзамена у студентов на начальном этапе обучения в вузе (А. С. Веснин, г. Омск), изучение психологии в университете как самопознание и развитие рефлексии (Д. А. Гушина, А. С. Громова, г. Кострома), корпоративная социальная ответственность в условиях пандемии: российский и мировой аспект (Н. М. Жеребцова, г. Липецк), ответственность и самоконтроль как факторы ресоциализации осужденных женщин (А. А. Захаркина, г. Омск), аналитический обзор подходов к пониманию правового нигилизма (Е. А. Иванова, г. Кострома), развитие социальной ответственности в младшем школь-

ном возрасте (Ж. Б. Кудрявцев, г. Магнитогорск), соотношение социальной и юридической ответственности (А. А. Муртазаева, г. Симферополь), ответственность и профессиональное выгорание у преподавателей (Т. М. Писарчук, г. Санкт-Петербург), ответственность как профессионально важное качество специалистов перинатального профиля (И. И. Спиридонова, г. Омск).

Таким образом, несмотря и даже вопреки сложной эпидемиологической обстановке и сложившимся из-за нее обстоятельствам жизнедеятельности, Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе» не только состоялась, но и оказалась весьма продуктивна в дистанционном формате, открывая новые возможности проведения мероприятий, объединяющих в виртуальном пространстве ученых и практиков из разных городов и стран. Всё же надеемся, что запланированная в 2021 г. конференция, посвященная еще одной традиционной для факультета психологии ОмГУ научной проблематике – психологии совладающего поведения, уже пройдет в очном режиме, позволив получить удовольствие от непосредственного межличностного общения.

Информация о статье

Дата поступления

12 октября 2020

Дата принятия в печать

11 ноября 2020

Сведения об авторе

Маленова Арина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: malyonova@mail.ru.

Для цитирования

Маленова А. Ю. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе» // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 83–90. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.83-90.

Article info

Received

October 12, 2020

Accepted

November 11, 2020

About the author

Malenova Arina Yuryevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: malyonova@mail.ru.

For citations

Malenova A. Yu. All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Social, Professional and Personal Responsibility of the Personality in Modern Society”. *Herald of Omsk University. Series “Psychology”*, 2020, no. 4, pp. 83-90. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.4.83-90. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Периодическое издание «Вестник Омского университета. Серия «Психология»» основано в 2005 г. В настоящее время журнал является перспективным проектом, активно содействующим продуктивному развитию российской науки: издание имеет регистрационный и Международный стандартный серийный номер (ISSN), индексируется в электронной поисковой системе данных РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), размещено в международной регистрационной базе данных (каталоге) периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory» и на сайтах электронных библиотек открытого доступа «eLIBRARY.RU» (elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (cyberleninka.ru).

Тематика публикаций авторов журнала весьма широка и охватывает проблематику по многим направлениям психологической науки и практики:

- психология субъекта, активности и жизненного пути личности;
- психология трудных жизненных ситуаций и способов их преодоления;
- психология семейных отношений, материнства и детства;
- социальная, организационная и политическая психология;
- психология социального познания;
- возрастная психология и психология развития;
- психология здоровья;
- психология массовых коммуникаций;
- пенитенциарная психология и др.

Разделы журнала определяются для каждого номера в зависимости от тематики поступивших материалов.

Журнал выходит четыре раза в год. К публикации допускаются статьи по различным направлениям психологии, содержащие результаты эмпирических исследований и их теоретическое обоснование, а также теоретические работы, отражающие оригинальный авторский подход к исследуемому явлению.

Рецензирование. Статьи сдаются секретарю или ответственному редактору в электронном виде и/или бумажном варианте (ул. Нефтезаводская, 11, каб. 312, e-mail: psyjournal@omsu.ru или malyonova@mail.ru).

Ответственность за достоверность фактов и статистических данных, а также корректность использования материалов из других источников несет автор.

Точки зрения автора(ов) и редколлегии могут не совпадать.

Каждая статья проходит обязательное рецензирование специалистом той отрасли знания, по которой предложена. Редакция направляет материалы на рецензирование самостоятельно. Рецензентами являются доктора и кандидаты наук из ведущих научных центров и вузов России.

Рукописи статей подвергаются редакционной обработке, при необходимости отдельные замечания редактора согласуются с автором.

В случае несоответствия статей указанным требованиям редколлегия оставляет за собой право не допускать их к публикации либо направлять авторам на доработку.

2. Правила оформления научной статьи

Требования к публикациям: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения, без длинных введений и заключений.

Объем статьи: для докторов наук – до 1,5 п. л., для кандидатов наук – до 1,0 п. л., для других авторов – до 0,8 п. л.

Оформление статьи. Текст набирается в Microsoft Word. Формат страницы – А4, поля – 20 мм со всех сторон, гарнитура – Times New Roman, кегль – 12 п., межстрочный интервал – 1,5 строки, абзацный отступ – 1,0 см.

В верхнем левом углу листа ставится УДК.

Далее на **русском языке** – инициалы, фамилия автора строчными буквами (жирным шрифтом (Ж), по правому краю). Строкой ниже по центру – название статьи жирным шрифтом. Ниже через строку помещается аннотация (3–5 предложений, 11 п.), раскрывающая основное содержание статьи, и ключевые слова или словосочетания, которые отделяются друг от друга точкой с запятой (5–7 слов).

Ниже через строку *на английском языке* – инициалы, фамилия автора строчными буквами (полуужирное начертание, по правому краю); название статьи (жирным шрифтом, по центру); аннотация (3–5 предложений, 11 п.); ключевые слова или словосочетания (5–7 слов, отделяются друг от друга точкой с запятой).

Еще через строку помещают основной текст статьи. Далее – ПРИМЕЧАНИЯ (если есть) и ЛИТЕРАТУРА.

К статье прилагается информация об авторе *на русском и английском языках*: фамилия, полное имя и отчество, ученая степень и звание, должность, полное название организации, полный рабочий адрес (с указанием почтового индекса), E-mail, номер служебного, домашнего и мобильного телефона.

Сокращения слов не допускаются, кроме общепринятых. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой. Например, зона ближайшего развития (далее – ЗБР).

Рисунки должны быть четкими, фотографии – контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной, но емкой по содержанию (11 п.).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Заголовки должны точно соответствовать содержанию граф. Все данные внутри таблицы – 11 п., головка таблицы выделяется светлым курсивом.

Размеры рисунков и таблиц – не более 80 × 80 мм (на одну колонку), 160 × 160 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. *Рисунки и таблицы вставляются в тексте сразу после ссылки*. В основном тексте допускается не более трех таблиц и рисунков.

Ссылки на литературу оформляются цифрами в квадратных скобках. Источники приводятся в конце статьи в разделе ЛИТЕРАТУРА *в порядке их упоминания в тексте*. Объединенное описание не допускается. Все библиографические данные должны быть тщательно выверены.

Образец оформления ссылок на литературу

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи
текст статьи текст статьи [1, с. 132]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи
текст статьи текст статьи текст статьи [2, с. 87]. Текст статьи текст статьи текст
статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи [1, с. 128]. Текст статьи
текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи
текст статьи [4, с. 37]. Текст статьи текст статьи текст статьи...

ЛИТЕРАТУРА

1. Селигман М. Новая позитивная психотерапия: научный взгляд на счастье и смысл жизни. – М. : София, 2006. – 154 с.
2. Гоголева С. А. Другие миры: традиции и типология жанра фэнтези // Наука и образование. – 2006. – № 3. – С. 85–88.
3. Буткова О. В. Молодежная среда: тяга к чудесному. Рецепция книг и фильмов в жанре фэнтези // Художественная культура. – 2014. – № 2 (11). – URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2014-2/yazyki/3638.html> (дата обращения 15.04.2017).
4. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М. : Ком-Книга, 2006. – 352 с.

Примечания оформляются числами в виде верхнего индекса и должны быть последовательно пронумерованы. Тексты примечаний относят в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ и нумеруют числом в виде верхнего индекса. *Подстрочные сноски в тексте не допускаются*.

Правильное оформление статей значительно облегчит труд редакторов и ускорит публикацию вашего материала.

ЖДЕМ ВАШИ МАТЕРИАЛЫ!